

#ЛЕДИИЗНИОТКУДА

Леди и Некромант

ЕКАТЕРИНА ВОРОНЦОВА

Annotation

Что делать леди, если она вдруг оказалась в другом мире? Попытаться найти свое место в нем. Пусть для начала это всего-навсего место домоправительницы в странном доме на колесах. Что делать некроманту, когда за спиной его нет вереницы титулованных предков? Правильно, попытаться доказать, что талант значит ничуть не меньше родовых связей. Что делать миру, в котором гремит эхо магической войны, рождая волны нежити, а древние погосты хранят не менее древние тайны? Позвать на помощь.

Если повезет, призыв будет услышан. И некроманту хватит смекалки и силы воли, чтобы бросить вызов богам Старой Империи. А леди сумеет переступить через страхи и протянуть руку помощи тому, кто так неприятен. Если повезет...

- [Екатерина Воронцова](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Вместо эпилога](#)
-

Екатерина Воронцова
ЛЕДИ И НЕКРОМАНТ

Глава 1

ЛЕДИ

А потом я полетела вниз.

Перед глазами замелькали не кадры прожитой жизни, а застекленные балконы нашей многоэтажки. Смотреть на них в последние секунды жизни было тошно.

И я закрыла глаза.

Подумалось, что нормальный человек в подобной ситуации кричал бы. Но я леди, а леди не паникуют. Они принимают объективную реальность со смирением и внутренним достоинством. И потому я сделала единственное, что могла: сложила руки на груди и мысленно попросила у бабушки прощения.

Так и падала.

И падала.

И падала... в какой-то момент мне показалось, что падение мое слишком уж затянулось. Конечно, семнадцатый этаж — это не пятый, но не настолько же. Или дело в субъективности восприятия?

...и жизнь все равно перед глазами не мелькает.

Нет, если постараться, то многое вспомнится.

Вот я в розовом воздушном платице, в белых гольфах и белых туфельках с пряжками-бабочками стою у подъезда. Вот Васька, местный наш хулиган, не иначе как очарованный подобною красотой, швыряет в меня дохлую ворону. Вот я с воем и слезами кидаюсь за ним, а Васька убегает и хохочет. Вот бабушка моя укоризненно качает головой: леди не пристало подобное поведение.

Леди переносят тяготы со смирением.

И да, с внутренним достоинством.

И нет, они не должны кидаться камнями, даже если обижены до глубины своей распрекрасной души. Леди подумают и найдут способ донести до обидчика всю бездну своего разочарования, а заодно сделать его немного лучше.

...вот Васька с благоговейным ужасом, не иначе, разглядывает свой новенький велосипед, оклеенный розовыми цветочками. Цветы я вырезала весь вечер, извела бабушкино платье из искусственного шелка. А уж о том, чего мне стоило подобраться к велосипеду...

Почему вдруг вспомнилось именно это?

Не похороны родителей.

Не наш с бабушкой переезд. Не мой выпускной в школе. Не университет... не знакомство с Владиславом, который с первой минуты очаровал меня... не бабушкина смерть, не свадьба наша, которую я порывалась отложить, но Влад проявил настойчивость.

Мертвое мертвым.

И теперь вот я сама мертва. Или в процессе, и все-таки, субъективно там или нет, но процесс этот несколько затянулся.

...а ведь день сегодняшний так хорошо начинался. Солнечное утро, впервые за несколько недель, и солнечное же настроение. Даже привычное ворчание Влада — в последние дни он был всем недоволен — не раздражало.

Утренний кофе.

Я живо ощутила его аромат и поморщилась, вот не хватало мне предсмертных галлюцинаций. Нет, кофе был определенно хорош. А Влад...

— Встретимся вечером, дорогая, — холодные губы скользнули по щеке.

Интересно, знал ли он, что не вернется?

Нет, пожалуй, вопрос следовало сформулировать иначе. Собирался ли он возвращаться, или где-то, в какой-нибудь маленькой гостинице, из тех, которыми он в обычной жизни брезговал, Влад ждал скромный чемоданчик со всем необходимым.

С парой-тройкой паспортов.

Белыми сорочками — он предпочитал батистовые, с небольшим содержанием шелка. Несессером, подаренным мною на первую годовщину. Бельем. Что еще положено брать с собой, убегая от прошлой жизни?

А все-таки... может, я уже упала? Лежу себе на асфальте — зрелище совершенно неэстетичное, будь моя воля, я бы выбрала иной способ самоубийства. Впрочем, ни о каком самоубийстве речи не идет, хотя не сомневаюсь, что дело будет представлено именно так.

...да, день был хорош.

Мелкие бытовые хлопоты.

Косметолог. И парикмахер. Мне хотелось сделать Владу сюрприз, но следует признать, у него получилось лучше...

В дверь позвонили в четверть восьмого.

Признаться, я уже начинала волноваться. Влад никогда не опаздывал к ужину. И не забывал о датах. А сегодня было пять лет со дня нашей свадьбы. Юбилей, достойный накрахмаленной скатерти, фамильного

серебра и английского фарфора, которым Влад особо гордился, хотя не сказать чтобы фарфор этот был вовсе эксклюзивен.

Впрочем, не важно.

Главное, я ждала его.

Новая стрижка.

Новое платье. Золотые серьги, подаренные им к первой годовщине. Браслет — подарок ко второй. Клатч...

Клатч был при мне. Удивительно, как это я умудрилась не выронить его? Не знаю, чудо, не иначе. Жаль, что столь бессмысленное.

В общем, дверь я открыла, ожидая увидеть Влада с обычным для него букетом роз. Вообще-то я предпочитала хризантемы, но Влад полагал их недостаточно элегантными для своей супруги. А я не возражала. Стоит ли рушить семейное счастье ради глупых мелочей? Важны ведь не цветы, важно внимание.

...и очередное украшение я бы приняла с радостью.

Искренней.

Почти искренней. Все-таки вкусы наши несколько отличались. Влад предпочитал вещи массивные и броские, изрядной стоимости.

— Добрый день, Оливия. — Макс, партнер Влада, явился без цветов.

И что куда хуже — без приглашения.

— Впрочем, уже вечер... Влад дома? — Макс отстранил меня и вошел. А за ним — еще двое. Им я представлена не была, как и они мне. И признаюсь, данное обстоятельство несколько меня не огорчало. Вид у господ был... не самый располагающий.

— Нет.

— Какая неожиданность... надо же. — Макс заглянул в гостиную.

В столовой остановился.

Присвистнул.

— Очаровательно... как это у тебя выходит-то? — Он наклонился к свече и задул ее. — Что ни ужин, то званый... Влада, значит, ждешь?

— Да.

— Подождем вместе. Ты не возражаешь?

И, не дожидаясь приглашения, уселся на Владово место.

— А...

— Присаживайся, дорогая. Не пропадать же ужину? К слову, всегда восхищался твоими талантами. — Он поднял крышку с серебряного подноса. — Мало, и вкусно, и красиво... моя так не умеет. Она вообще ничего не умеет. Дура полная. А ты присаживайся, Ливи... не голодна, нет?

— Что происходит?

Признаюсь, в тот момент я не испугалась. Все-таки Макс всегда отличался некоторой вольностью манер. Куда больше меня расстроил соус, пролитый им на скатерть. Соус этот отстирывался плохо, а сдавать тончайшее полотно в химчистку...

...какие же глупости меня волновали!

— Что происходит... интересный вопрос, Ливи... очень интересный. — Макс крутанул вилку.

А взял для рыбы.

Рыбу я пока не ставила в духовку, ее слишком легко передержать, а холодная, она напрочь теряет вкус.

— Если вкратце, то супруг твой, скотина этакая, вздумал меня кинуть. — Макс сунул палец в соусницу и облизал. — Очаровательно... слушай, что ты туда добавляешь? Мой повар вроде тот же делает, а не так выходит...

— Шалфей.

— Шалфей? А это что за... впрочем, не важно. Я ему передам.

— Влад...

— Сволочь он. Но думалось, с мозгами... он ведь не только меня кинул. Ладно, я бы с ним по-свойски разобрался... квартиркой бы взял... или вот... ты мне всегда была симпатична.

Эта симпатия проскальзывала в пошлых шуточках. В случайных вроде бы прикосновениях, которые я терпела ради Влада. Во взглядах долгих, оценивающих.

— И ради этой симпатии я пришел сам. — Макс отложил вилку. — В отличие от моей Аленки, ты ж не дура... нет, была б душой, все бы поверили, что ты ничего не знаешь.

— Я действительно ничего не знаю.

Он кривовато усмехнулся и щеку поскреб.

...Влад регулярно посещал салон. И маникюр делал. И педикюр. И корректировал линию бровей. И это не казалось смешным, напротив, мне импонировало его стремление к совершенству, хотя до недавнего времени он и без того казался мне совершенным. Макс вот — дело иное. Кряжистый и какой-то неуютный. Дорогие костюмы лишь подчеркивали некоторую непропорциональность фигуры. Слишком короткая шея. Галстуки с виндзорским узлом на такой не смотрятся. Слишком длинные руки... ему пошли бы рубашки с удлиненными манжетами...

Маникюр?

Вряд ли он знал, что это такое. Руки были неухоженные. С кривоватыми пальцами и пожелтевшими ногтями. Макс имел

отвратительную привычку эти самые ногти грызть.

...и сейчас, засунув мизинец в рот, с наслаждением его обсасывал.

— Никогда не думала, откуда взялось это богатство? — он кивнул на стол.

Я пожала плечами.

Почему же не думала? Думала, но Влад — успешный бизнесмен. Занимается строительством. Макс ли не знать, если он совладелец фирмы.

Он сплюнул, вытер рот ладонью.

— И ты эту сказочку скушала? И не подавилась? Выходит, прав Владик, даже самая умная баба — дура еще та... нет, Ливи, фирмочка-то наша имеется, да только трепыхается она, что карась на удочке, того и гляди подохнет, да... и подохла бы, если бы не добрые люди, которые решили помочь в обмен на небольшую услугу. И Владик твой, заметь, добровольно на это дело подписался.

Макс вытащил пачку сигарет.

Курил он прямо в столовой. И от запаха дешевого табака — а Влад предпочитал сигары и пороку предавался в курительной комнате — у меня заломило виски.

— Не кривись, Ливи... я понимаю, что тебе не шибко симпатичен. Ты у нас дамочка с гонором, на кривой козе не подъедешь. Влад любит вещички с переподвыпердом. — Макс выпустил струйку дыма и провел серебряным ножом по тарелке. — Чтоб не как у всех... он же ж особенный, избранный... дерьмо собачье. И ты, Ливи, ныне в дерьме. Муженек твой деньги у людей взял. А вернуть не вернул. Большие деньги, Ливи... очень большие деньги.

Я сглотнула.

Я не была душой. Точнее, полагала, что не была, но... если Макс говорит, что... господи, да я могла бы и сама понять... раньше могла бы... но я предпочла не лезть во Владовы дела. Еще когда мы только поженились, я пыталась интересоваться, однако всякий раз Влад меня останавливал.

Мое дело — дом.

А уж он позаботится о прочем.

И меня это устраивало. А теперь получается... получается, что через фирму отмывали деньги. Чьи? Ясное дело, не от продажи маргариток полученные. И сумма была настолько большой, что Влад не устоял перед искушением. И когда деньги поступили на счет фирмы, он не перевел их подставной, но отправил... куда?

Куда-нибудь в офшорную зону.

— Я не знаю, где он может быть.

— Вижу, дошло. — Макс вздохнул. — И знаешь, Ливи, я почти готов поверить.

— Поверь.

Ушел.

Просто ушел.

Собрался. Поцеловал меня в щеку. Пожелал хорошего дня и ушел.

— Я бы поверил, только, дорогая, дело ведь не во мне... те ребята — это представители клиента. Законные, так сказать... и им нужно убедиться...

— Я отдам все...

— Отдашь. — Макс поднялся и вытер руки салфеткой. — Конечно, отдашь, дорогая. У тебя нет иного выхода. Но этого будет мало... дело не столько в деньгах. Этого убогого найдут рано или поздно. Дело в принципе. Ни у кого не должно и мыслишки поганой зародиться, что такой финт пройдет. А потому извини, Оливия.

...и вот я падаю.

...падаю.

...и никак не упаду.

И устав от непрекращающегося падения, я раскрыла глаза. Падение тут же прекратилось.

Глава 2

НЕКРОМАНТ

Будущее Ричарда Годдарда предопределил он сам в возрасте вполне сознательных шести лет, когда ото всей души пожелал, чтобы издохший пес ожил. К огромной его радости, желание это взяло и исполнилось. Однако родители, типичные каро-горожане, радости этой не разделили. Вид изрядно пованивающей — лето в том году выдалось на редкость жарким — красноглазой и явно не настроенной на дружеское общение твари привел их в ужас.

А ужас заставил действовать.

Вызванный дежурный маг вторично упокоил несчастного пса. А заодно посоветовал хорошую школу-интернат, куда Ричард и вынужден был отправиться.

Мама плакала.

Но она плакала по любому поводу, и к слезам этим Ричард, как и его братья с сестрами, давно уже притерпелся. Отец был молчалив и сосредоточен. Он самолично сложил скудные пожитки Ричарда в огромный чемодан, с которым дед его отправился завоевывать столицу, и, глянув на сына с высоты изрядного своего роста — соседи злословили, что в роду Торвальда Годдарда отметились ледяные великаны, сказал:

— Мальчик мой. Я верю, мы еще будем тобой гордиться...

А матушка вновь разрыдалась.

Отец помог донести чемодан до наемного экипажа и легко закинул в багажное отделение. Поднял Ричарда. Заглянул в глаза. И, посадив на лавку, вытащил скудный кошель.

— Веди себя хорошо. Не позорь семью.

В кошеле Ричард обнаружил целое состояние — пять серебряных империалов и горсть меди. И это стало лучшим признанием в родительской любви.

Дальше было просто.

Дорога много времени не заняла. Извозчик, зная о цели поездки, был молчалив и поглядывал на Ричарда с явной опаской — потом Ричард привыкнет к этому взгляду. Лошади шли ровно. Улицы были пусты. И собственная жизнь представлялась Ричарду простой и понятной.

Он станет некромантом.

Редкий дар для семьи потомственного каро... тем лучше. Он станет известным некромантом. И отец действительно будет им гордиться. А мама плакать, но на сей раз от счастья. Братья завидовать, особенно Годфрид. Небось больше ему не драть нос, потому что он старше Ричарда на два года. Зато у него дар обыкновенный мастеровой и слишком слабый, чтобы имело смысл его развивать. Так папа сказал.

В школе Ричарда приняли.

Ему даже понравилось.

Разумом он обладал живым, и учеба давалась легко. Десять лет пролетели как один день. И на выпускном матушка, изрядно постаревшая и поседевшая, плакала от радости, как и мечталось. Отец был спокоен, но доволен — Ричард это чувствовал.

— Я перемолвился с дядей Бергусом.

Отец хлопнул Ричарда по плечу, и тот едва устоял. То ли выдохлась кровь легендарных великанов, то ли подавил ее темный магический дар, но в свои шестнадцать лет Ричард выглядел на четырнадцать. Невысокий — сестры и те переросли его, — худощавый, он видом своим вызывал у старшего Годдарда недоумение. Будь он не столь уверен в жене, глядишь, и засомневался бы.

— Возьмет тебя в управу. Помогать станешь.

С его точки зрения, будущее Ричарда было предопределено.

Работа.

Нетяжкая должность младшего помощника, благо помимо некромантии, коя представлялась искусством темным и, что куда хуже, на редкость бесполезным, Ричард мог кое-что и в стихийной магии. Карьера, вершиной которой при должном старании — а старание в своих детях Годдард воспитывал, не жалея ремня, — станет должность мага при третьей городской управе.

Женитьба.

Торвальд и невесту присмотрел, хорошую девушку из семьи с обширными связями, которые во многом должны были облегчить карьерный путь сына...

И все это, просто и безыскусно, он изложил Ричарду, рассчитывая если не на благодарность, то хотя бы на понимание. Но средний сын нахмурился, дернул узеньким плечиком, выворачиваясь из-под отцовской крепкой руки, и сказал:

— Извини, папа, но у меня другие планы.

— Чего?!

Вопрос этот вызвал у матушки новый поток слез и стенаний — причем

непонятно было, за кого она переживает, за мужа ли с его слабым сердцем, за неблагодарного отпрыска или за гортензии, которым накануне досталось от соседской собаки.

— Я не собираюсь тратить свой талант на переписывание отчетов.

— Чего? — чуть тише — все же выносить семейную ссору в люди было не лучшей идеей — спросил Торвальд.

— Я отправляюсь в столицу. Поступлю в Академию и...

— Денег нет.

— Папа! Пойми, пожалуйста, то, что ты предлагаешь, хорошо для Года... или вот для Крони, но не для меня... я же сдохну от тоски...

Торвальд нахмурился.

По его глубочайшему убеждению всякая тоска неплохо лечилась тяжелой работой.

— Некроманты всегда неплохо зарабатывают, — Ричард чувствовал, что высокие идеи предназначения и необходимости личностного роста далеки от отцовского сознания, а потому прибегнул к аргументу простому и понятному.

И Торвальд призадумался.

Оно, конечно, верно. Некромантам, которые при дипломе, платят изрядно. Вон, дома-то у них хорошие, в Белом квартале ставлены, но... это ж сколько учиться?

— Пять лет, — ответил Ричард. — И два года полевой практики, чтобы получить полный допуск.

— Семь лет.

Семь лет жизни, потраченных впустую. И более того, проплаченных из семейного бюджета, на котором и без того лежали неподъемным грузом приданое троим дочерям, расширение семейного дела, ремонт крыши и тысяча ежедневных обязательных трат...

— Нет.

— Отец! — Ричард не собирался вот просто так отказываться от мечты.

— Нет, — Торвальд покачал головой. — Работать пойдешь. Хватит на шее сидеть...

— Я...

— Хватит! — На этот окрик обернулись и вороны, обретавшие при городской школе. А заодно уж и выпускники, и родители их, и учителя.

Матушка тоненько всхлипнула. Сестры хором вздохнули — ссор они не любили. А старший братец сочувственно похлопал Ричарда по плечу:

— Привыкнешь.

Привыкать к семейной жизни вновь Ричарду не хотелось. Признаться, его всегда несколько тяготила многочисленная и шумная родня, которая не ограничивалась братьями и сестрами, но включала еще двоих дядьев с женами и бесчисленное количество кузенов и кузин. В школе-интернате было не в пример тише.

Спокойней.

И Ричард вдруг явственно осознал, что если уступит, то до конца долгой своей жизни — а маги живут куда дольше обыкновенных людей — не видать ему покоя. И закрыв глаза — приступ отчаянной смелости требовал немалой силы духа — сказал:

— Я все равно поеду в столицу.

Ответ отца был прост, понятен и нецензурен.

Однако в столицу Ричард поехал. С тем же чемоданом, который верой и правдой служил не одному поколению Годдардов, и пустым кошельком. Последнее обстоятельство, по мнению Торвальда Годдарда, так и не смирившегося с таким откровенным проявлением сыновней непочтительности, должно было отрезвить отпрыска и вернуть его, раскаявшегося, в отчий дом.

Торвальд был упрям.

Правда, не учел он, что качество это унаследовал и Ричард.

В столице ему пришлось туго. Провинциал с большими амбициями, но без денег? Этим никого не удивишь. Нет, в Академию магии Ричард поступил — все же даром Боги наделили немалым, а к нему приложились отличные отметки и рекомендательное письмо директора школы, некогда имевшего честь в Академии обучаться. Однако будущее оказалось вовсе не столь радужным, как представлялось сие Ричарду.

Пустой кошелек не спешил наполняться.

Подработка, на которую Ричард серьезно рассчитывал — все же школа давала право на использование магических сил четвертого и даже третьего уровня, — не находилась. В столице и без него хватало магов-недоучек, что порождало жесткую конкуренцию. И единственное, что ему удалось найти, — место зрителя при полупарализованном старике, чей дурной нрав и привычка сквернословить отпугнули профессиональных целительниц и трех родных дочерей.

Старик обретался в маленькой душной квартирке, где пришлось поселиться и Ричарду.

Того, что платили за присмотр, худо-бедно хватало на еду и необходимые мелочи, а вот одежду приходилось искать в лавках старьевщика. Благо их в квартале Гончаров хватало.

Пожалуй, будь Ричард менее упрям, он бы вернулся.

Порой он даже мечтал о возвращении, живо представляя себе радость матери и скупую похвалу отца — не всяк способен признать свои ошибки, но мечты оставались мечтами.

Он учился.

Он вгрызался в пресловутый гранит науки, поскольку именно в ней находил отдушину. За манускриптами забывался и голод, и зловерный старик, полночи оравший матерные песни. На практикумах, сотворяя из костей и плоти нечто живое, Ричард чувствовал себя всемогущим, а не нищим оборванцем, на которого в Белом городе поглядывали с немалым подозрением. И в письмах домой, регулярных, пусть и стоило отправление целых три медяка, он писал исключительно об учебе.

Восторженно.

Так, чтобы понял отец — сын был прав в своем выборе.

Об Академии, сотворенной в белом мраморе. Об однокурсниках, которые Ричарда любили и, несомненно, помогали во всем. Последнее, конечно, было ложью. С однокурсниками отношения не заладились с первого дня. Кто он? Потомственный каро, прибывший из какого-то городка, о существовании которого большинство жителей Кристанена и не подозревали. И как смел он, провинциальный зазнайка, подумать, что в силе и таланте равняется почтенным лойро, чья кровь благословлена Богами?

На Ричарда смотрели сначала с недоумением.

Потом с удивлением — как вышло так, что он, никчемный, сумел перебраться через рубеж первой сессии, на котором отсеялась треть группы. И в числе ушедших были господа куда как достойные. К примеру, единственный сын лойро Ивельссона, императорского казначея. Или вот младший отпрыск двоюродного брата Императора?

Учителя были беспристрастны.

Неподкупны.

Так казалось Ричарду, и не ему одному.

И он, чувствуя растущую к себе ненависть, лишь крепче стискивал зубы.

Не дождетесь!

Вторая сессия прошла легко. На третьей он получил алую ленту лучшего ученика группы и, что куда приятней, двадцать золотых монет премии. Это позволило ему покинуть опостылевшего паралитика, норв которого ухудшался день ото дня, а здоровье оставалось богатырским, и снять комнатку у тихой вдовы. К комнатке, точнее закуску за ширмой,

прилагались ужины и завтраки, что было уже роскошью. Остаток денег Ричард придержал, здраво рассудив, что такая удача часто не случается.

Но ему удалось повторить подвиг и на четвертой сессии...

К пятой он подходил куда спокойней, а после нее сам собой отыскался способ дополнительного заработка. Ричард без тени сомнений взялся за работы для тех, кому учиться, собственно говоря, было лень, а родительское состояние позволяло этой лени потакать.

Брался он не только за профильные предметы, здраво рассудив, что принцип составления рефератов везде един, а потому к выпускному курсу изрядно расширил свой кругозор и даже успел углубленно изучить некоторые, весьма специфические, ответвления магической науки, как, к примеру, рунопись и оркский шаманизм. Впрочем, ум его и знания лишь усугубили пропасть между Ричардом и однокурсниками, которых этакая кладезь талантов у того, кто этими талантами обладать не должен был в силу низкого происхождения, вовсе не радовала.

Не единожды Ричарда пытались поучить уму, однако, невзирая на урожденную тщедушность, он был крепким, вертким и неожиданно сильным, а еще не стеснялся использовать приемы дворовых драк, в коих не было присущего дуэлям изящества.

К пятому курсу Ричарда, к огромному его облегчению, оставили в покое.

Он даже понадеялся, что жизнь его все-таки налаживается... зря. Не сумев самостоятельно избавиться от противника, самым своим существованием низводившего великое искусство некромантии до понятного разуму ремесленника предмета, однокурсники не постеснялись обратиться за помощью. И отнюдь не к боевикам. Те, будучи в большинстве своем происхождения обыкновенного, аристократов недолюбливали, а Ричарду сочувствовали, проявляя свое сочувствие живо, ежедневными тренировками, которые он поначалу ненавидел всей душой, но позже осознал их полезность. Нет, некроманты воззвали к прекрасным дамам с факультета изящных магических искусств. Конечно, кто еще поймет лойро, как не лайра, в чьих жилах течет та же голубая кровь, а вереница предков не короче твоей.

Мог ли простой каро устоять перед благородной Орисс дель Виро, единственной и горячо любимой дочерью градоправителя, столь прекрасной, что само существование ее казалось чудом? И Ричард, впрочем, как и вся мужская часть Академии, от старика-подгорца, служившего привратником, до почтенных лет декана, любовался этим чудом.

Издали.

Ибо чудо охранялось весьма тщательно, и не только чарами, но и крючконосою орчанкой, следовавшей за подопечной неотступно. Чудо к орчанке, как и к учебе, относилось с одинаковым безразличием. По-настоящему Орисс дель Виро заботило лишь собственное будущее, в частности грядущее замужество. С кем?

С кем-нибудь достойным.

К примеру, с Императором, который так удачно овдовел.

История умалчивает о том, чего стоило уговорить Орисс на авантюру. Но достаточно было нескольких слов, произнесенных нежным голосом, пары-тройки взглядов.

Вздохов.

И одного признания, что сердце ее давно и прочно занято... кем? Ричардом. Здравый смысл, конечно, подсказывал, что не бывает сказок, в которых бы лайра, жертвуя титулом и привилегиями, выходила бы замуж за простого некроманта, пусть и с неплохими перспективами. Но в кои-то веки Ричард к здравому смыслу отнесся без должного внимания. За что и поплатился. Роман тайный — а как иначе, если орчанка не дремлет? — протекал бурно. И закончился приглашением в некий храм на окраине, жрец которого за малую мзду готов был произвести обряд, не требуя обязательного — прекрасной Орисс не исполнилось еще и двадцати — благословения родителей.

Обряд состоялся.

Невеста была молчалива, а лицо ее скрывал плотный полог, что соответствовало традиции, хотя и несколько насторожило Ричарда. Но счастье было так близко... и когда жрец разрешил полог откинуть — судьбы были соединены волей Богов, о чем и состоялась запись в Книге — Ричард воспользовался своим правом мужа...

...закаленные некромантией нервы не позволили заорать от ужаса.

И в обморок он не грохнулся, хотя желание было... и не стал устраивать скандал, здраво рассудив, что толку от этого не будет. Нет. Ричард поклонился своей жене — седовласой даме столь почтенных лет, что, верно, постарайся, она бы и Первую Магическую припомнила. Та ответила безумною улыбкой...

...у храма Ричарда встретили однокурсники, сгорающие от желания поздравить. И прекрасная Орисс лично поднесла сервиз из белого фарфора, а с ним — пожелания долгих счастливых лет супружества...

Этого он не забыл.

Нет, супруга, оказавшаяся лайрой, чьей-то вдовой троюродной теткой,

прочно пребывающей в маразме, была тиха и незлобива. И прожила, на счастье Ричарда, недолго, оставив ему в наследство полторы дюжины кошек и сундук с пожелтевшим кружевом. Но сама эта выходка раз и навсегда убедила его в том, что никогда-то он, Ричард, что бы ни сотворил, не станет равным им, благородным.

Плевать.

Академию он окончил с отличием, но права произнести прощальную речь был лишен. А с ним — и права выбрать место работы. Как-то сразу стало очевидно, что в столице провинциальные некроманты, пусть и особой императорской грамотой жалованные, не слишком нужны. Бывшие однокурсники, впервые искренне пожелав Ричарду удачи — некроманту она пригодится, заняли свои места, кто ушел на императорскую службу, кто — в семейный бизнес, главное, что путь их был прост и понятен.

А вот что делать Ричарду?

Поступить на службу Императору? Его бы взяли, скажем, помощником штатного некроманта, коим стал не самый одаренный из сокурсников. И даже мысль о том, чтобы подчиняться человеку, которого Ричард в глубине души презирал, как и прочую «белую кость», ему претила.

Уехать в родной город?

И признать, пусть через пять лет, что Ричард был не прав? Нет, этого не позволяла уже гордость.

Семейного дела, во всяком случае такого, где был бы применен дар некромантии — вряд ли все его высшее образование вкупе с золотым дипломом пригодились бы на стройке, — у него не имелось. Да что там дела, у Ричарда не было даже такой малости, как семейный склеп с вереницей предков, готовых поделиться с благородным потомком силой. Единственной неупокоенной душой, в существование которой отец соглашался поверить, была пратетушка Брунхильд, при жизни отличавшаяся на редкость склочным нравом, и потому, назло невестке и всей прочей родне ждавшей тетушкиной смерти с плохо скрываемым нетерпением, она восстала. Увы, единственное, чем могла поделиться пратетушка, — это последние сплетни, которые она собирала с неустанным рвением...

Не было и дома, куда Ричард наведася, дабы продемонстрировать отцу, братьям и прочим родственникам, число которых возросло вдвое, свой диплом. Вид его, впрочем, отца не вдохновил.

— И чего делать станешь? — поинтересовался он, протянув матушке очередной платок.

— Работать пойду... свободным некромантом.

Решение было не то чтобы совсем уж спонтанным, скорее единственно возможным, поскольку аккурат перед отъездом профессор Горвиц, на чье покровительство Ричард всерьез рассчитывал, бледнея и заикаясь, произнес длинную речь: аспирантура — еще одна надежда — невозможна, во всяком случае, та, которая за государственный счет, поскольку единственное место отдано.

И кому?

Естественно, лойру Фицхарду, весьма талантливому юноше, за которого лично просил Император. А Императору, как известно, не отказывают. Конечно, и Ричарду будут рады в Академии, ибо стремление его к знаниям более чем похвально, но... остаться у него вряд ли выйдет.

Со всем уважением.

Уважение это Ричард, всплыв — все же до последнего надеялся, что его ум, талант и сила что-то да значат, посоветовал засунуть в место, где уже пребывали его несбывшиеся мечты и первая любовь. Прозвучало это не совсем цензурно, увы...

— Бродягою, значит. — Отец хмыкнул и крутанул поседевший ус. — Остепенился б ты, бестолочь.

Нет, в чем-то он сына понимал и даже уважал за упорство — добился же своего, паскудник, — но всему предел быть должен! И ладно, побездельничал он пять лет в своей Академии, так пора и поработать. С дипломом императорским его, быть может, в Управу примут. Если не старшим, то хотя бы штатным некромантом. А там, со временем, при должном упорстве, коего Ричарду было не занимать, и до старшего дорастет. В остальном отцовские планы за пять лет не изменились.

— Мне нужно собрать материал для диссертации. — Ричард заложил руки за спину и плечи расправил, стараясь выглядеть солидней, однако на фоне братьев, что родных, что двоюродных, он терялся. — А здесь это вряд ли возможно. Кроме того, в нашем городе хватает некромантов... высокая конкуренция... ввиду последних тенденций к уменьшению плотности нежити из расчета на душу населения...

В глазах старшего братца мелькнула тоска. Он-то никогда не отличался хорошо подвешенным языком, а тут...

— А и вправду, некромантов развелось, упырям не продохнуть... — сказал двоюродный братец, почесывая живот.

— Именно! Это из-за нецелесообразного распределения ресурсов. Все стремятся в города, тогда как подавляющее число сельских жителей...

— На деревню, стало быть, поедешь? — Отец не собирался отговаривать Ричарда. Во-первых, понимал, что сие бесполезно, во-вторых,

если уж хочет, пусть едет. Вон, собственная Торвальда тетушка сорок лет тому уехала на деревню и была весьма счастлива на собственной ферме.

Свинок растила.

Коровок держала. И при случае радовала Торвальда и племянников свежим маслицем и солонинкой. Быть может, и вправду этому неугомонному на свежем воздухе лучше будет? Упыри упырями — дело-то житейское, но, глядишь, встретит какую селянку, осядет.

Остепенится.

И Ричард, к немалому своему удивлению, получил помимо матушкиных слез отцовское благословение, пару дружеских подзатыльников от старшего и младших братьев, со старшим ростом сравнявшихся, а заодно и долю от семейного дела — сто сорок пять золотых. Этого, вкупе с тем капиталом, который удалось собрать на рефератах, хватило не только на новые сапоги из кожи виверны и горный плащ, но и на сумку с минимальным необходимым инвентарем, включая ритуальный кинжал. Кое-что Ричард и сам добыл, благо императорский диплом позволял ему реквизировать бродяг и висельников на нужды науки... в общем, к новой жизни он был готов.

Нельзя сказать, что жизнь эту он полюбил всей душой и всецело смирился со своим положением, скорее уж принял его как временное обстоятельство. Честолюбивые мечты никуда не делись и со временем преобразовались в не менее честолюбивый план, реализовывать который Ричарду предстояло в гордом одиночестве, поскольку в Гильдии некромантов Ричарда, мягко говоря, не поняли.

Что ж... он готов был обойтись и без помощи Гильдии.

Он справится сам.

Глава 3

ЛЕДИ И НОВЫЙ МИР

Я лежала.

Вот просто лежала. Над головой разлилось небо, ярко-синее, но какого-то неправильного оттенка, не в берлинскую лазурь, а с прозеленцей, для обыкновенного неба вовсе не характерной.

Под руками было что-то мягкое.

Трава?

Откуда трава?

Я повернула голову набок, убеждаясь, что осязание меня не обмануло. Трава. Обыкновенная. С пушистыми метелочками мятлика, с сизоватыми тонкими стеблями овсяницы, с незабудками хрупкими, что выглядывали из травяных косм.

И вьюнок есть.

И... кажется, люцерна.

Я моргнула. И на всякий случай ущипнула себя за руку. Было больно, а значит, я не спала. Хотя, конечно, заснуть на пороге смерти было бы несколько... чересчур?

А может, я все-таки умерла?

И попала... куда?

В рай?

Я села.

Огляделась.

Поле, вернее, луг. Обыкновенный. Разнотравный. Вдали виднелась сизоватая полоса леса, справа же — дорога. Проселочная. Широкая. На рай не похоже. Конечно, я не могла считаться специалистом по раю, но вот как-то представлялось мне это место несколько иным.

Ад?

Нет, солнце припекало нещадно, над лугом парило, но не по-адски... точнее, от ада в классическом его варианте ждешь котлов, чертей и грешников, а тут... не то чтобы я жаловалась, но хотелось бы ясности.

Я встала.

Пошевелила руками, убеждаясь, что оные шевелятся. Ноги держат. Голова... на месте. Прическа, правда, растрепалась, о том, что стало с макияжем, лучше вообще не думать.

И туфли потерялись...

...но я была жива. И это было странно. Впрочем, не менее странно, чем зеленоватое небо, солнце с оранжевым отливом. Или правильнее сказать «солнца»? Второе, бледно-розовое, величиною с крупное яблоко, пряталось в тени старшего светила. И следовало признать, что само его наличие окончательно убедило меня, что место, чем бы оно ни было, не являлось моей родной планетой.

Как ни странно, но факт этот я восприняла спокойно.

Поправила юбки.

Сняла чулки — на лугу они слабая защита, а испортиться могут. Проверила клатч, хотя и без того прекрасно знала его содержание. Помада тона «пыльная роза». Пудра. Водостойкая тушь для ресниц. Визитница. И банковская карта, подозреваю, совершенно бесполезная. Зеркальце.

Бабушкин револьвер.

Я с нежностью погладила рукоять. Ума не приложу, как он очутился в клатче, все-таки не было у меня привычки являться на семейный ужин с револьвером, но поди ж ты... что ж, с револьвером я чувствовала себя много спокойней.

И, оглядевшись, я решительно зашагала по направлению к дороге. Если дорога существует, то она куда-нибудь да ведет. И надеюсь, в этом чудесном месте я сумею понять, что же, собственно говоря, со мной произошло.

А если нет, то хотя бы что мне дальше делать.

Шла я долго, но не то чтобы быстро. Во-первых, сказывалось отсутствие опыта подобных прогулок. Дорога, пусть и гладкая, что было удивительным, все же не паркет. То острый камень в пятку вопьется, то муравей... лучше уж камень. Во-вторых, я в принципе слабо представляла, куда иду, а потому не торопилась.

Мир...

О теории множественных вселенных я слышала. И о теории струн. И о многих других интересных теориях. Но слышать — одно, а испытать оную теорию на практике — совсем другое дело. И если это и вправду иной мир, а не предсмертный бред — ведь могло же случиться, что умерла я не сразу, хотя и падала с семнадцатого этажа, — то мне придется к нему приспособливаться.

Вот только получится ли?

Кто я?

Женщина из ниоткуда. Это хуже, чем за границей остаться без

паспорта и денег, там хотя бы призрачная надежда на помощь посольства имеется, а здесь... здесь я сама по себе.

Страшно?

Не страшней, чем падать с крыши. Он ведь позволил оценить высоту, старый приятель Макс. Он даже любезно рассказал о том, что был бы рад отступить, но не имеет права.

За ним смотрят.

И если не я, то он шагнет с балкона... и это, в принципе, смерть быстрая, относительно безболезненная. Семнадцать этажей. Асфальт... душа вылетит из тела моментально. Да, тогда мне было страшно. Настолько страшно, что я готова была умолять о пощаде.

Макс ведь этого ждал.

И я остро осознала, что мольбы мои ему будут приятны. Что он даже отзовется на них, почему бы и нет? Он всегда хотел меня и... и если бы постель могла подарить мне жизнь, я бы смирилась.

Уступила.

Но правда была в том, что, получив свое, Макс все одно убил бы меня. А если так, то к чему лишние мучения? И я сама встала на табуретку, любезно поднесенную его молчаливым сообщником, в глазах которого мелькнуло что-то такое... пожалуй, это можно было интерпретировать как уважение.

— Все же Влад козел, — сказал Макс с раздражением. А затем толкнул меня вниз...

...интересно, там, дома, мое брэнное тело уже увезли? И вообще, если оно было там, то что у меня здесь? Я ведь материальна. Я сорвала травинку, чтобы убедиться в этом, потом камень подняла, а потом мелкие камни, попадаясь под ноги, раз за разом избавляли меня от сомнений.

Привидения не сбивают ноги в кровь.

Ничего, вот доберусь до людей и... и придумаю, как быть дальше. Пусть у меня нет денег, зато имеется золотой браслет — теперь я была рада любви супруга к массивным вещам, серьги с камнями и револьвер в качестве последнего аргумента.

А то ведь леди всяк обидеть норовит.

Я подходила к лесу, когда сзади донеслось глухое ворчание.

Я оглянулась.

Предчувствия у меня были самые недобрые. Все-таки кто знает, что водится в мире ином? Я вытащила револьвер, отдавая себе, впрочем, отчет, что делаю это скорее ради самоуспокоения. Против крупного зверя — а подобное урчание могла б издать тварь весьма и весьма немалых размеров

— мой револьвер бесполезен.

И что делать?

Бежать?

Забраться на дерево? Но я не умею лазить по деревьям! Бабушка категорически не одобряла подобных забав. Спрятаться? Придорожные кусты показались мне достаточно густыми.

Рокот нарастал.

И было в нем что-то такое... механическое? На дороге показались клубы пыли, и я вздохнула с немалым облегчением. Все же не животное — автомобиль. Нет, можно было бы и от него скрыться, но... зачем? Встреча с местными жителями была неизбежна. Так пусть же встречу я с одним-двумя, которым, сугубо теоретически, могу противостоять, нежели сразу с толпой.

И я убрала револьвер в клатч.

Кое-как пригладила волосы. Расправила платье, которое не только измялось, но и пропотело, покрылось пылью.

Меж тем на дороге возник клуб пыли весьма характерного вида. Он разрастался, превращаясь из облака в желтую песчаную тучу. И в глубине ее что-то посверкивало, громыhalo и уhalo. С глухим карканьем поднялось воронье, заметались в кустах, которые так и не стали моим убежищем, мелкие пичуги. Рыжая белка стрелой взлетела по стволу...

...то, что еhalo по дороге, было машиной.

То есть механизмом.

Но вот вид этого механизма вверг меня в ступор. На что это походило? На противоестественный гибрид трактора, танка и поезда, впрочем, не лишенный некой внутренней гармонии.

Из вытянутого, словно приплюснутого, капота торчал десяток патрубков разной высоты и толщины. Из одних сочился белый дым, из других — красный, а труба с крышечкой время от времени извергала черное облачко копоти. Над нею таким вороньим гнездом высилась кабина управления, притененная колесом зонта. Нос странной конструкции прикрывала массивная решетка, ошетилившаяся двумя дюжинами шипов.

Я ущипнула себя за руку.

Может, солнцем в голову напекло? Говорила мне бабушка, что не стоит выходить на улицу с непокрытой головой...

Машина не исчезла.

Она приблизилась, и теперь я могла разглядеть и узорчатые колеса, которые проворачивались с явным трудом, и длинное змеиное тело вагона, привязанного к тягачу. И даже черный флаг, вяло трепыхавшийся на ветру.

Со знамени мило улыбался череп с парой перекрещенных костей.

Пираты?

Сухопутные? Нет, звучит безумно, но не менее безумно, нежели само это сооружение. С пиратами встречаться не хотелось, но... может, я что-то неверно истолковала?

Итак, бежать или остаться?

Пока я думала, черная труба выдохнула очередной клубок копоти, который слабым ветерком размазало по дороге. Я закашлялась и приняла решение, пусть рискованное и даже безумное, как этот мир, но... сколько за хвост ни тяни, а до кота рано или поздно доберешься.

И я подняла руку.

Так и стояла, что, признаюсь, далось непросто. Чем ближе подбиралась машина, тем сильнее мне хотелось бежать. И дело даже не в чудовищности этого порождения чьей-то безумной фантазии, не в грохоте, издаваемом им, не в вонии, от которой у меня слезы на глаза навернулись, — пахло горелым пластиком, бензином и еще отчего-то тухлятиной, но в иррациональном страхе перед тем, кто находился внутри.

А если в этом мире людей нет?

Кто есть? Кто-то есть, но с чего я решила, что этот кто-то обязательно человеческой расы? А если и человеческой, то ко мне он отнесется дружелюбно и...

И, оглушительно взревев, автомобиль выплюнул особенно густое облако дыма, сам же им закашлялся и остановился шагах этак в десяти. О да, теперь я могла увидеть не только решетку, но и мелкий узор, ее покрывающий, не то вязь, не то клинопись.

И потемневшую бахромку на зонте.

И подкопченное стекло кабины.

И смутно, но очертания пилота — водителем того, кто управлялся с этою громадой, назвать язык не поворачивался.

— Добрый день! — проорала я, надеясь, что получилось хоть сколько бы дружелюбно. Меж тем дверь открылась, почему-то вверх, и из капсулы выкатилась железная лесенка.

Она достигла горбатого мостика над последним из четырех колес, следовало сказать, что серебристый — или серебряный? — обод этого колеса возвышался надо мной. И я имела чудесную возможность разглядеть сложный узор, его покрывающий.

Все та же клинопись?

Меж тем пилот спускался.

Быстро. Ловко. И сразу становилось очевидно, что лазить ему

приходилось частенько. Лесенка подрагивала, машина утробно урчала и дышала жаром. Я ждала.

— Добрый день, — повторила я, когда обутая в блестящий хромовый сапог нога коснулась-таки земли.

Пилот развернулся.

И я... нет, я думала про то, что в мире ином могут обретаться вовсе даже не люди, но думала вновь же исключительно абстрактно. Однако стоящая передо мной абстракция обрела плоть.

Пилот человеком не был.

Эльф?

Именно такими я эльфов и представляла.

Высокий и тонкий, неизъяснимо хрупкий. И вместе с тем я отдавала себе отчет, что хрупкость его — кажущаяся.

Узкое лицо с чертами изящными. Синие глаза. Белые волосы, заплетенные в косу. Ромашка над острым ухом. И ухо это дергалось, словно эльф пытался отогнать назойливую муху.

Наряд его тоже был удивителен. Точнее, эльфы мне представлялись существами воздушными и носить должны были воздушные же хламиды. На этом же конкретном красовались изрядно замызганные штаны, чем-то напоминающие наши джинсы. Пара подтяжек. Хромовые сапоги. И серый котелок, столь же уместный, как и ножны с гаечным ключом.

— Добрый день, — вежливо произнес эльф низким грудным голосом. И я отмерла:

— Д-добрый.

Он же поклонился, и поклон этот был преисполнен изящества. Прижав руку к груди, эльф продолжил:

— Бесконечно рад встретить прекрасную лайру...

Это он обо мне?

Нет, я считала себя если не красавицей, то всяко интересной женщиной, но вот именно в данный конкретный момент прекрасно отдавала отчет, что выгляжу по меньшей мере жалко. Покрасневшая. Пропотевшая. Покрытая толстым слоем пыли... и не только пыли. Машина чихнула и выплюнула черный ком гари.

— И я рада...

— Позвольте представиться, Тихонориэль из рода Серебряного Листа, младшая ветвь...

— Оливия...

Я замялась, стоит ли произносить свою фамилию, и если да, то какую? По мужу я была Красноперко, но после всего, что он сделал, не хотелось и

дальше оставаться мужней женой. Я призадумалась ненадолго: можно ли подставу и убийство считать уважительной причиной для развода? А потом решила:

— Оливия Олеговна Майлова.

По семейной легенде бабушка моя, Оливия Браун, в честь которой меня и назвали, была подданной Великобритании, где и прожила первую половину жизни в тиши и благодати семейного поместья, пока не встретила там моего деда, Джона О'Майли.

Был он молод. Хорош собой.

И полон всяких революционных идей, которые нашли в молодом сердце Оливии пылкий отклик. Случился роман, закончившийся побегом и свадьбой — Джон оказался честен хотя бы в этом. Затем состоялась небольшая война с империализмом в лице английских захватчиков свободной ирландской земли, увы, не сказать чтобы победоносная, и очередной побег, уже в Советский Союз. Там О'Майли властным росчерком пера превратился в Майлова, а жизнь моей бабушки переменялась. О деде, следует заметить, рассказывала она неохотно и со скрытым сожалением.

Сожалела ли она об ошибках юности?

О недолгом счастье?

Не знаю. До вранья она не опускалась, а правда была неприглядна. И отец как-то, под настроение, рассказал, что в стране победившего коммунизма ярые борцы были не особо-то нужны. Джона встретили. Поселили в Минске, устроили на завод токарем, бабушка получила место в библиотеке. От партийных щедрот им досталась однокомнатная квартира в новостройке. И все бы хорошо, но... мятежная душа требовала борьбы.

Или развлечений.

И дабы не ухнуть с головой в болото мещанской жизни, Джон стал проводить время в компании новых товарищей по партии. И отнюдь не за разговорами. Пил он и прежде, утверждая, что знает свою меру, и бабка предпочитала закрывать глаза на сей малый недостаток. В России же недостаток упал на благодатную почву, и даже появление моего отца, нареченного Олегом, ничего не изменило. Мой дед умер задолго до моего появления на свет, и, как водится, бабка четырежды в год появлялась на его могиле. Меня тоже брала с собой, утверждая, будто могилы предков суть корни семейного древа...

Как бы там ни было, но здесь я лучше буду Оливией Майловой, нежели Красноперко.

— Лайра Оливия, — обратился ко мне эльф с очередным поклоном и

столь глубоким, что кончик косы его скользнул по сапогам, а серый котелок съехал на левое ухо. — Могу ли я поинтересоваться, что делаете вы в столь... сумрачный час в этом лесу?

— В подлеске, — на всякий случай уточнила я.

А время и вправду близилось к вечеру. Я и не заметила, что оно потянулось к земле, наливаясь темным багрянцем. Небо позеленело больше обычного, что, надо полагать, знаменовало близость сумерек.

— Гуляю, — наступил момент правды.

Нет, может статься, местные дамы имеют похвальную привычку совершать моцион по сельским дорогам и делают сие исключительно босиком, но подозреваю, не все так просто.

— Гуляете? — переспросил эльф недоверчиво.

— Да... вышла... пройти... и вот немного... — я вздохнула.

Никогда не умела врать.

Бабушка моя, которая, собственно говоря, и занималась воспитанием — родителям, увлеченным друг другом и геологией, было некогда, прочно вбила в упрямую мою голову постулат о недопустимости лжи.

— Я заблудилась, — сказала я чистую, между прочим, правду.

Правда, не стала уточнять, что в другом мире.

Но и в этом, думаю, леди может сбиться с пути?

— Сочувствую.

— Не могли бы вы сказать, — я поскребла зудящей пяткой о камень, — где я нахожусь?

— Каренейский тракт, — любезно ответил эльф.

— И куда он... ведет?

— К Кареням.

Логично, если подумать. Еще бы понять, что такое эти их Каренеи.

— И далеко еще...

— Полторы сотни миль, полагаю...

Зараза ушастая! Говорит и улыбается. Любезненько так. Всем видом своим демонстрируя, что премного счастлив ответить на мои вопросы. Полторы сотни миль... это много. Подозреваю, это очень много... подозреваю, это непреодолимо для одной конкретной особы, которая через десяток миль ляжет и тихо доумрет на обочине, раз уж сразу упокоиться не решилась.

И, наверное, мое отчаяние было столь явным, что эльф протянул руку:

— Но мы будем рады доставить вас...

— В Каренеи? — жалобно поинтересовалась я, не представляя, что мне в этих Каренях делать.

— Куда скажете. Через миль двадцать будет Ормс, маленький городок, но в нем есть почтовик, да и городская управа, в которой вам помогут. Если хотите...

Я хотела.

И пусть вид механического монстра внушал определенные подозрения, но лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Глава 4

ЛЕДИ И НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА

Получасом позже я, умытая — к моему удивлению в прицепном вагончике наличествовал водопровод и даже ванна имелась, мраморная, на золоченых львиных лапах поставленная, — сидела за столом.

По правую мою руку устроился Тихон, который ради внеурочного чаепития соизволил отереть коготь и надеть свежую рубаху. Как свежую... относительно предыдущей, скомканной и отправленной им в ящик с грязным бельем, вполне себе свежую. Но вот на рукавах ее виднелись жирные пятна. Воротничок торчал как щенячьи уши, а пара пуговиц исчезла. Притом рубаха была клетчатой, из какой-то плотной и по виду теплой ткани.

— Прошу извинить мой внешний вид, прекрасная лайра. — Тихон спешно закатал рукава. — Но, увы, к моему величайшему прискорбию, за последние триста миль мы не встретили ни одной швейной мастерской.

И не только ее.

Прачечные, судя по всему, им тоже не попадались. Взять хотя бы скатерть. Льняная. Белоснежная. С тонкой вышивкой. И пятнами от чая, вишневого компота и соусов... пятна застирывались, но, похоже, не слишком старательно.

Многоуважаемый Гренморт лишь вздохнул.

Вздох его был тяжким.

Душераздирающим.

А в его исполнении...

Если Тихон был эльфом, вернее — альвином, то Гренморт причислял себя к подгорному народу. Невысокий, на полголовы ниже меня, он отличался непропорционально развитой фигурой: широкие плечи, длинные руки и в то же время короткие, хоть и крепкие ноги.

Ноги, затянутые в шелковые чулки.

Белые.

К чулкам прилагались туфли с длинными загнутыми носами и пряжками-бабочками, пышные штаны из золотой парчи, из прорезей которых выглядывал лиловый шелк.

Подвязки с пышными бантами.

Рубашка с круглым кружевным воротником — я такие только в

учебниках истории видела. И камзол из атласа винного цвета.

Убийственная красота.

Пышную бороду Гренморт заплетал в тонкие косички, каждую из которых украшал крохотный парчовый бантик. В темной гриве волос виднелись и бусины, и перышки. И при всем этом он умудрялся смотреться весьма гармонично.

— Не будет ли с моей стороны дерзостью уточнить, чья нынче очередь стирать? — поинтересовался Тихон, почесывая ухо.

— Так... Ричарда? Вчера я был. Позавчера ты. Сегодня Ричард... и стирает... — Грен взял паузу, добавляя трагизма. — И готовит.

И вновь вздохнул.

Так обреченно... похоже, упомянутый Ричард, который за столом отсутствовал, был не слишком умел в готовке.

— Если хотите... — Я скромно потупилась.

Нет, не сказать чтобы я стремилась произвести впечатление кулинарными талантами — судя по стопкам кривоватых бутербродов из черствого хлеба и несколько заветрившегося сыра, это будет несложно, — скорее уж видела возможность.

Эта самая возможность просто-таки нагло лезла в глаза.

В жилом вагоне, где разместились и небольшая гостиная, и столь поразившая меня ванна о львиных лапах, и крохотная, едва повернуться, кухня с холодильной установкой — вот уж еще одно чудо, — царил беспорядок. Мягко говоря, беспорядок.

Я бы сказала, форменный бардак.

Грязная посуда.

Грязная одежда.

И ковер, некогда, подозреваю, весьма милый и недешевый, тоже не отличался чистотой.

Клубы пыли в углах и толстый слой ее же на очаровательной этажерке. Вместо статуэток, которые бы с этажеркой гармонировали, на полочках валялись ключи, отвертки и розовые бантики...

Чай пах сеном. Возможно, им и был, поскольку вкус соответствовал запаху. Над бутербродами печально кружила муха, не решаясь, впрочем, покуситься на них.

— Возможно, — я сделала глубокий вдох, — это будет нагло с моей стороны, но...

...эти двое по первому впечатлению неплохие ребята.

Подобрали.

Чаем напоили. Накормили в меру возможностей... и вообще везут вот.

Только ехать мне совершенно некуда. И не факт, что в городке, куда мы прибудем к завтрашнему утру, меня встретят столь же ласково. Нет уж, знакомое зло лучше незнакомого.

А с бардаком я управлюсь.

Имеется опыт.

— ...вы не хотели бы нанять домоправительницу? — завершила я фразу и скромно потупилась, надеясь, что поймут они верно. В конце концов, в ближайшем окружении не было никого, кто бы претендовал на сие чудесное место.

— А... — Альвин дернул ухом, для разнообразия левым.

И котелок снял.

— Готовлю я неплохо. Стирать умею. Иглу в руках тоже держать доводилось. — Я старалась говорить спокойно. — Естественно, никаких иных...

...это слово я подчеркнула, и подгорец очаровательно зарделся.

— ...услуг я не оказываю.

Альвин дернул правым ухом.

И уставился на подгорца.

Подгорец — на потолок.

Посмотрела и я. Потолок был низким, что, впрочем, неудивительно. Удивительно вообще, как в эту колымагу столько всего влезло, изнутри она выглядела куда больше, чем снаружи.

— Ричард будет недоволен, — произнес Гренморт со вздохом и покосился в сторону ширмы. Надо полагать, за ней и находился тот самый Ричард, поборник бардака и любитель черствого хлеба.

— Будет, — согласился Тихон.

— Он и так постоянно недоволен. На паршивого не угодишь: то жарко, то не парко, то баня студена. А мы скоро язву заработаем... и вообще... не токмо пузище смышляет о пище, и тощий живот без еды не живет.

Изрекши сию мудрость, Грен вытащил из бороды бантик и предложил:

— Пять серебряных в месяц?

— Десять, — сказала я. — И полное содержание.

— Идет!

Позже, вспоминая этот момент, я бесконечно удивлялась своему запредельному везению.

Избежать смерти.

Очутиться на Элайне. И встретить не разбойников, которые здесь водились, хотя и не в большом числе, не умертвие — их было чуть больше, нежели разбойников, не хищника, нежить или жить с недобрыми

намерениями, но именно тех людей, которым я была нужна.

И которые были нужны мне.

Шутка Богов?

Судьба?

Тогда я меньше всего об этом думала, но лишь радовалась, что обрела какие-никакие кров и защиту.

Ричарда разбудил запах.

И это был отнюдь не привычный запах старого кладбища, в котором мешались ароматы сырой земли, камня и лишайника, эти камни покрывающего. И не запах очередного провинциального городка. И даже не таверны, где запахи съестного перекрываются смрадом навоза и переполненных нужников. Нет, это был запах дома.

Воскресного дня и матушкиного жаркого, которое она готовила с тертым имбирем, кардамоном и горошинами черного перца.

Ее же пирогов, сытных и пышных.

Пироги зачинались с утра, и к обеду, когда все семейство выбиралось из кроватей — в воскресенье даже отец позволял себе отдыхать до полудня, они уже выбирались из печи на старый кухонный стол, где и остывали, прикрытые чистым полотенцем.

Запах свежего чая.

И горьковатый аромат отцовской трубки.

Ричард вдохнул его и окончательно проснулся, впрочем, без особого удовольствия. Все-таки подобные сны снились нечасто. Обычно он видел кладбища и неупокоенных.

Профессиональная деформация — дело такое.

И теперь Ричард лежал, упрямо щурясь, в слабой надежде, что сон вернется. Но вскоре осознал, что не спит, однако удивительные запахи не исчезли. Изменились несколько.

Табак?

Грен опять трубку затеял.

Уселся в кресле, ногу за ногу закинул, глаза прикрыл, мурлычет под нос подгорную народную, наверняка матерную... слуха у него нет, голоса тоже, но сейчас его мурлыканье в кои-то веки не раздражало. Из-за запахов.

Пахло пирогами.

И жарким.

Ричард повел носом.

— Мы до Ормса добрались?

— Еще пара часов, — не открывая глаз, сказал Грен. — Горазд ты...

вздремнуть не вздремнул, а всхрапнул да присвистнул.

Пара часов... очередную подгорную мудрость Ричард привычно пропустил мимо ушей.

— А откуда тогда... — Он сел.

И широко зевнул. Предыдущая ночь выдалась нелегкою. Вот недаром он всегда недолго любил старые сельские кладбища. Есть в них обманчивое коварство. Маленькие. Лишенные роскоши старинных погостов, запертые за заговоренною оградой, они порой таили в себе немало тайн.

Как правило, не особо приятных.

И нынешнее — мол, беспокойственно стало, господин некромант, может, глянете одним глазочком, раз уж выпало вам заглянуть в наши края, нет, ничего страшного, но воет кто-то — не стало исключением. Кто знал, что воет не кликуша, от которого всего вреда, что нервы потраченные, и не неупокоенный дух младенчика, схороненного местною блудницей, и даже не упырь одинокий, от тоски на луну страдающий. Выл местный колдун-самоучка, которого неблагодарные сельчане живьем под кладбищенскою оградой закопали. И пусть случилось это лет двести тому — Ричард лишь порадовался, что некоторые суеверия удалось побороть, — но за двести лет неупокойник силы не утратил.

Сумел из-под ограды выбраться — а нечего было экономить на восстановлении защитного периметра, нанимая недоучек, — и нору себе в старом склепе устроить, и окружить свитой из полудюжины голодных упырей. Чудо еще, что эта стая не вырвалась в селение, что хватило силенок старому храму защитить паству...

...не некроманта.

Нет, с упырями Ричард быстро справился, пусть и сил потянули больше обычного, но в преддверии волны — это нормально. А вот с хозяином их, сохранившим не только ненависть — правильно, Ричард подозревал, что сам после подобного выверта озверел бы, — но остатки разума, а главное, силу, которую за сотни лет приумножил, пришлось повозиться. Бой выдался жарким.

И кладбище в Выселках придется новое закладывать. Староста же, скотина такая — не могло быть, чтоб он про упырей не знал, — пытался еще возмущаться, мол, могилы предков порушили, памяти людей лишили. Ага, не так ему эти могилы дороги, как двадцать золотых, честно Ричардом заработанных...

Да, ночь была нелегкой.

Утро и того гаже.

И удивительно ли, что день Ричард провел в кровати. Причем как

пришел, так и рухнул. И отключился. И вот теперь разбужен был прекраснейшим из ароматов — запахом нормальной еды.

Грен и Тихон ребята хорошие, но... готовить они не умеют, как и сам Ричард, а жрать сухой хлеб с солониной на третий месяц совместного пути обрыдло. Староста тех же Выселок, обиженный неуступчивостью некроманта и расставанием с золотом, с которым душою сроднился, не иначе, продуктов не дал. И не продал. Мол, год ныне неурожайный, самим бы дожить до весны...

Сволочь.

Ричард запустил пятерню в волосы и почесал.

Блох бы не нахватать. Обычные-то ладно, но покойницкие — такая гадость, которую выводить замучишься. А они, некромагией питающиеся, очень любят что неупокойников, что некромантов...

— Ричард, — Грен выпустил колечко дыма из левой ноздри, — тут дело... есть.

— Не хочу есть дело. Хочу пирог.

И жаркого.

Миску.

Можно не фарфоровую, хотя по воскресеньям матушка доставала фамильный фарфор, пусть и не костяной, как у лойров, но приличный весьма. И к нему — столовое серебро.

Накрахмаленные салфетки.

Плевать. Он и на глиняную миску согласен, лишь бы миску эту доверху наполнили.

— Мы тут подумали с Тихоном... конечно, надо было бы тебя разбудить, но ты так устал...

Начало не понравилось. Нет, Ричард и вправду устал, что собака, но прежде это обстоятельство Грена не слишком-то беспокоило.

— А жизнь эта... разве это была жизнь? Тебе ведь самому солонина надоела? А тихоновская овсянка? Она мало от смазки отличалась...

Это было правдой, но все равно вступление настораживало. Как и премерзенький зуд. В логово неупокойника пришлось лезть, а то мало ли, вдруг да успел яйца отложить. Костяные черви, конечно, разума лишены, но от этого не менее опасны.

Безглазые белесые твари, которые костной тканью питаются. И не обязательно мертвой.

Две кладки сжег.

И в одной личинки уже просматривались сквозь мягкую скорлупу.

Точно блоху подцепил... вот пакость!

— Да и стирать надо кому-то... штопать... у Тихона вон из целой одежды трусы одни остались. Мне, говоря по правде, надоело этим заниматься.

— Что утворили? — Ричард попытался нащупать скользкое тельце.

Благо покойницкие блохи от своих сотоварок отличались крупными размерами — с горошину каждая — и медлительностью.

— Тебе, как битому псу, только плеть покажи...

— Грен!

— Мы наняли домоправительницу.

— Что?

— До-мо-пра-ви-тель-ни-цу, — по слогам повторил Грен. — Она миленькая...

— Домоправительницу? — переспросил Ричард, и блоха, которую почти удалось ухватить, выскользнула из пальцев. Надо гребень искать. И он где-то был, но вопрос — где? — Какую, к Проклятому, домоправительницу?

— Очень даже интересную... и вот, я бы хотел попросить тебя. Будь с ней повежливей. Не надо пугать девочку. Она не местная...

Ричард развернулся в сторону кухни.

Домоправительница? Откуда в их тихой мужской компании взялась растреклятая домоправительница?

— И вообще, — пыхнул трубкой Грен, — сначала поешь. Сытый ты как-то добрей. Не в обиду будет сказано.

Сытый, голодный... плевать.

— ...хотя, — донеслось в спину, — сколько некроманта не корми, а упыря не полюбит...

Она стояла у плиты.

И колдовала над кастрюлей.

Ричард тысячу раз видел, как матушка готовит обед, или там ужин, или в принципе готовит, и всякий раз удивлялся этой кухонной магии, в которой истинной магии было ни на грош.

Она была...

Лайрой.

Ричард закрыл глаза и ущипнул себя за руку, отчаянно надеясь, что это лишь сон продолжается. Но боль была явственной, да и не только в руке. Затылок тоже кольнуло — покойницкие блохи не только магией питались. Но во сне боли нет, и значит, эта девица, обосновавшаяся на кухне, на его, Ричарда, кухне, где он уже три месяца безуспешно пытался освоить великое искусство кулинарии — куда там некромантии, с некромантией

проще, — девица вполне реальна.

Она стояла.

В синем платье престранного кроя... вроде бы скромном, но подчеркивающим сублинную ее фигурку. Темные волосы гладко зачесаны.

Шейка белая.

Ручки белые... и вся она такая изящная, что зубы от злости сводит. Домоправительница? Да ни в жизни!

— Добрый день. — Она повернулась и одарила Ричарда любезной улыбкой, которой, впрочем, он ни на грош не поверил. — Мы с вами незнакомы. Вы, должно быть, Ричард?

Он кивнул.

— Оливия... можно Ливи...

И ручку протянула.

Тонкую белую ручку.

Надушенную, Проклятого ради, ручку!

Ричард молча развернулся. Если не дура, сама поймет, что ей здесь не рады.

К знакомству с Ричардом — про себя я решила, что не позволю этому потенциальному женоненавистнику лишить меня свежееобретенного дома — я готовилась морально.

Я уже знала, что Ричард оный — маг.

И даже не удивилась.

Подумаешь, маг... я вот альвина живого увидала. И гнома. То есть подгорца.

Некромант.

Это уже, конечно, интересно, но не настолько, чтобы паниковать. И вообще... я собиралась сражаться до последнего. В конце концов, отступить мне некуда. Не на дорогу же возвращаться? А потому, отложив сомнения и страдания — будет свободное время, им и предамся, — я занялась делами.

Уборка?

Разве что быстрая. Ужин — это актуальней. Ни один мужчина, как утверждал бабушкин жизненный опыт, которому я доверяла бесконечно, не расстанется с женщиной, способной утолить его голод, будь то интеллектуальный, эмоциональный или банальный физический. С последним я, собственно говоря, дело и имела. Грен, все так же краснея и слегка заикаясь, признался, что питались они просто чем Боги пошлют, а слали Боги в основном продукты, в готовке не нуждавшиеся. Сиречь

солонину, колбасы и хлеб. Иногда — сыр. Горячая еда? Это если повезет у трактира остановиться. Нет, сами они тоже пробовали готовить, но, увы, результаты сих попыток были плачевны.

А до мороженных полуфабрикатов, на счастье мое, в этом мире не додумались.

И вот я встала у плиты.

Магической.

То есть мне сказали, что плита магическая, но я магии не почуяла. Мне, честно говоря, важно было, чтобы она работала. А она работала. Ручку поворачиваешь, и огонек появляется, а уж от газа он, электричества или заряженного магией кристалла — дело третье.

Были здесь и сковородки, правда, покрытые толстым слоем копоти и жира, и кастрюли, и прочая кухонная утварь. Обнаружился и холодильник — дубовый сундук с запором, изнутри затянутый толстым слоем льда. Магия или нет, но размораживать его придется, хотя бы затем, чтобы понять, что же скрывают ледяные глубины. Мне при помощи Грена удалось добыть кусок вырезки.

Лук, морковь, картофель.

Соль.

Приправы.

Готовить я всегда любила, и супруг мой — надеюсь, Макс и до него доберется, не мне же одной страдать? — всегда высоко оценивал мои кулинарные таланты. Так что, надеюсь, сумею приятно удивить троих изголодавшихся по нормальной еде мужиков.

Жаркое.

Салат из черных помидоров и подвяленного — но какой уж есть, чудо, что он вообще обнаружился, — базилика. Щепотка перца. Капля масла, по виду похожего на оливковое... в очередном сундуке масла этого залежи обнаружились...

Я настолько увлеклась исследованием — надо же знать, что у меня под рукой имеется, — что не заметила появления Ричарда.

Просто обернулась, а он стоит.

То есть сначала я увидела, что что-то да стоит; такое темное и косматое... и не заорала исключительно на остатках силы воли. А что, этой воле и без того досталось изрядно за сегодня.

Ричард был...

Не знаю, маг он там или не маг, некромант, женоненавистник и вообще, но... пока он производил впечатление человека, которого хотелось покормить и пожалеть, при этом, желательно, не прикасаясь.

Во-первых, от него воняло.

Изрядно так воняло.

И запахок сладковатый, пряный, поначалу даже приятным кажущийся, этакий запах розового куста. Только стоит чуть принюхаться, и за этой розовостью чудится характерный душок разложения.

И я с трудом удержалась от того, чтобы зажать нос. И улыбнулась.

Господи, а надето на нем что? Рубаха разодрана в лохмотья. Остатки левого рукава повисли на манжете. Из дыры в правом выглядывал острый синюшный локоть, тоже, к слову, с красноватой вспухшей полосой ссадины. Штаны, относительно целые, были заляпаны в чем-то белесом и засохшем...

Я сглотнула.

— Добрый день.

Бабушка учила меня, что не одежда красит человека. Мало ли что с Ричардом произошло, может, у него предыдущий день не задался, а если избавить его от этих обрывков и отмыть, прекраснейшим человеком окажется.

— Мы с вами незнакомы. Вы, должно быть, Ричард?

И улыбаться.

Очаровательно. Смогла же я несколько лет супружеской нашей жизни улыбаться Максусу?

Он кивнул.

И нахмурился.

Что-то не так? Конечно, следовало бы переодеться, мой наряд, подозреваю, несколько экстравагантен, но хотя бы цел и относительно чист.

Не то что у некоторых.

Хмурый.

И видно, что хмуриться привык. Вон, морщины появились... сколько ему лет? С виду около тридцати, может, чуть больше. Не мой типаж совершенно. Невысокий. Чуть выше меня. Тщедушный, и сутулится. В детстве ему по спине линейкой железной не доставалось за осанку неправильную... пускай. Кожа темная, то ли от природы, то ли от избытка свежего воздуха. Из пегой гривы волос перья торчат, явно не из подушки добытые. И не только перья... беленькое — это кости? А шнурочки, которыми он тонкие косицы перевязал, надеюсь, не из человеческой кожи сделаны.

Лицо...

Обыкновенное, пожалуй. Разве что нос ломаный выделяется, массивный и кривоватый. И вот шрам на левой щеке, из-за которого глаз

прищуренным кажется, внимание привлекает. А вот подбородок жесткий, прямой.

Щетинистый.

И щетину он поскреб. А я протянула руку:

— Оливия. Можно Ливи...

И что сделал этот хам? Повернулся спиной. То есть моя скромная особа не удостоена была и слова? И почему-то меня это разозлило. Так разозлило, что я едва не расплакалась.

От злости.

Ну уж нет! Не дождется!

И я тоже повернулась к некроманту спиной. Пусть он трижды великий маг, но за стол с грязными руками не пущу...

Пускать не пришлось.

Ричард демонстративно отпилил себе ломоть черствого хлеба. Положил поверх него изрядный кусок ветчины, как по мне, несколько заветрившейся, но ему, похоже, было не привыкать — профессия обоняние отбила? — и устроился в дальнем углу.

Вот и славно.

Ужин.

Белая скатерть — откуда только появилась? Или это прежняя? Но тогда каким чудесным образом она вернула исходную свою белизну? Фарфор альвинский фамильный, пусть и пострадавший во время очередного тихоновского эксперимента, но все одно изящный.

Салфетки.

Колечки для салфеток.

Ричарда от вида такой красоты мутило. Или от голода? Или вообще от жизни поганой, беспросветной. Почему-то именно сейчас было невыносимо жаль себя, причем сразу за все прожитые годы. Был бы бабой, расплакался бы.

Бабой Ричард не был.

А потому принятое волевое решение подлежало исполнению, пусть и черствый хлеб в горле застревал, а ветчину, судя по запаху, есть было вовсе опасно для жизни. Ничего. Ричард и не такое едал. Ветчиной его не проймешь.

Эта же... Оливия-можно-Ливи... имя дурацкое, сама тоже идиотка... откуда только взялась? Порхает бабочкой... цветочки поправляет в вазе.

На кой им, к Проклятому, цветочки?

— Худой роже и зеркало негоже, — заметил Грен, который за девицей

наблюдал с явным удовольствием.

— Что?

Мудрость подгорного народа ускользала от понимания Ричарда.

— Лопнешь сейчас от злости.

— Так заметно?

Грен усмехнулся.

— Нет ли вошки, нет ли блошки — один червячок, да и тот золотой...

Значит, заметно.

И что с того? Ричард имел полное право злиться. Эта девица... откуда она вообще взялась? Домоправительница. Знал он таких, прости Фрада, домоправительниц. Сначала они домом правят, потом и хозяевам на шею садятся. Пары дней не пройдет, как перед этой будут они ходить строем и руки перед едой не то что мыть — вылизывать.

А Ричарду с грязными, может, вкуснее.

Нет, он отдавал себе отчет, что злость его иррациональна, что ничего-то плохого пока не произошло и, возможно, не произойдет, но вот... вызывала она раздражение.

Глухое.

И гнев праведный.

Чем? Ричард призадумался. Горячая еда — это благо, которого они ввиду собственной косорукости были лишены, как лишены порядка и чистой, не говоря уже о целостности, одежды... и действительно стоило бы нанять кого-то...

...кого-то попроще.

В деревне там. Или в трактире. Девку покрепче и, главное, без иллюзий относительно своей роли здесь. А эта... благородные лайры — а у нее на лбу большими буквами написано, что особа она благородней некуда — не чинят рубашки простым горожанам.

Или не простым.

Ладно, с Тихоном она, допустим, уживется. Он — существо беззлобное, ко всему альвин, а альвинов лайры любят трепетной платонической любовью, ибо модно. Грен... подгорцев любить сложнее, но он способен поддержать беседу и прическу сделать. А значит, будет сочтен полезным.

Ричард же...

Он вцепился зубами в бутерброд.

Да он скорее сдохнет, чем позволит себя выдрессировать. Хватит. Уже один раз поддался, и второму — не быть!

— Значит, — ветчина комом ухнула в желудок, — пара часов до

Ормса?

— Чудак покойник: умер во вторник, в среду хоронить, а он поехал боронить. — Грен лишь тяжело вздохнул. — Ричард, не дури, а? Сам не хочешь, дай другим жизни порадоваться.

— Да радуйтесь, всех Богов ради... мне кое-что выяснить надо... ты вообще не забыл, куда и зачем мы едем?

И последовавший вздох стал лучшим подтверждением того, что Грен не забыл. Да и как подобное забудешь?

...сейчас Ричард не мог бы сказать точно, когда именно появилась эта идея. Сначала она ему самому показалась в достаточной степени безумной, чтобы раз и навсегда выкинуть ее из головы. Вот только выкидываться идея не пожелала. Она возвращалась, сначала во снах, потом и наяву, заполняя паузы дневных переходов, заставляя думать и передумывать.

Раз за разом.

И в конце концов Ричард сдался.

Что он терял?

Год работы в императорской библиотеке? Благо за прошедшие после выпуска семь лет он сумел скопить неплохой капитал и мог позволить себе отпуск.

Квартирку в Белом городе.

За чертой обошлось бы дешевле вдвое, но ему хотелось исполнить студенческую мечту.

Полный пансион.

Благообразная вдова-хозяйка. Мансарда. Кресло-качалка. Сад с белыми розами и хризантемами. Тихие улочки, махонькие ресторанчики. Неторопливое течение жизни в сени императорского дворца. И главным развлечением — сплетни.

...слышал ли Ричард о бароне Лемштейн, который, поговаривают, женился, но исключительно, чтобы этой женитьбой перекрыть иные слухи, о своей любви вовсе не к женскому полу Какой кошмар, верно? И если так, то жену, бедняжку, жаль... или не жаль? Она из обедневшего рода, а Лемштейны богаты. Только и говорят ныне, что он ей на свадьбу ожерелье преподнес сапфировое с камнями, каждый с яйцо размером. Гусиное.

Нет, сама хозяйка не видела, но люди врать не станут...

...или вот маркиза Гольденберг в срочном порядке отбыла. Дом ее выше по улице, такое белое здание с колоннами. И шесть розовых кустов, все разного цвета — суцая безвкусица. Сразу понятно, что происхождения маркиза простого. Ни одна урожденная лайра не будет высаживать розовые кусты разного цвета. А она, сказывали, в молодости была диво до чего

хороша, вот и умудрилась увлечь беспечного маркиза. Тот даже помолвку разорвал с достойнейшей особой, родителей ослушался и вот теперь пожинает плоды собственной беспечности. Маркиза-то не просто отбыла, а говорят, в тягости она, и отец ребеночка — вовсе даже не маркиз, но Сам... кто? Естественно, Император! Она ведь его фавориткой была... да, была, но теперь вряд ли вернется... почему? Не позволят... герцогиня Орисс де Вильо...

Да, конечно, та самая!

Вы имели честь быть знакомы? Чудесно! И она действительно столь хороша, как о том говорят? Ах, знакомство давнее, и вы ничего не слышали?! О, она вышла замуж года четыре тому. Об этой свадьбе долго говорили. Ее отец приказал во всех трактирах угощение выставить. И на площадь бочки с вином выкатывали... а на невесте было платье из живых цветов.

Альвинийская магия.

И Император, увидев невесту, сказал, что ей быть главным украшением дворца...

Слушать это было невыносимо.

И сам Белый квартал вскорости встал поперек горла. Чистые тротуары. Мощеные улочки. Императорская гвардия. Дамы с собачками.

Дамы собачатся, но вежливо, одаряя друг друга сомнительной свежести комплиментами. Весь этот мир был искусственным, накрахмаленным, как воротничок рубашки. И в этой его крахмальной чистоте Ричарду места не было.

В этом мире знать не знали об упырях.

Какие упыри, милостивые Боги? В приличном обществе об этом говорить не принято. И о жорлах. О костяных червях. О стаях грызл, после которых не остается ничего живого. О бродячих курлицах, полуразумных и тем опасных...

В этом мире было безопасно.

Уютно.

И потому виделась в глазах вдовы, пусть и вынужденной сдавать комнаты постояльцам, а все одно обеспеченной, плохо скрываемая жалость. А еще недоумение — как вообще возможно стало, что подобные Ричарду сущности — вряд ли она вообще считала его человеком — нарушают покой его?

Плевать.

Идея, в тишине и благодати Белого города, разрослась. Ожила. И обросла плотью фактов, подтвержденных хрониками. Стоило порадоваться,

что звезда некроманта — изрядно потемневшая и обзаведшаяся парой-тройкой собственных шрамов — открывала полный доступ к Большой Императорской библиотеке. И не только к ней. В белокаменном здании, где разместились Гильдия некромантов, Ричарда тоже встретили вполне любезно.

— А, это ты, малыш Риччи. — Старый неприятель за годы несколько раздался и отнюдь не в плечах. А в остальном он был прежним — нагловатый и позолоченный. — Рад тебя видеть...

Его звезда сияла, что новенькая.

И пяток рубинов — надо же, за какие достижения его Император отметил? — придавал ей вес.

— И я рад, — покривил душою Ричард. — Лойро Альвинар.

— Брось, — отмахнулся Бран и подхватил Ричарда под локоть. — Зови как прежде...

— Титулованным засранцем?

Смешок был ответом. И снисходительное похлопывание по плечу, мол, он оценил этакую шутку. Грубоватую. В духе простонародья.

— По имени, малыш Риччи... Боги всемилостивейшие, сколько лет прошло? А ты постарел... слышал, бродишь? Честно говоря, не удивлен. С твоим-то неуживчивым характером. Думал, тебя сожрали давно.

— Как видишь.

— И упырям поперек горла встал? — хохотнул Бран. — Сказывали, что ты в каких-то Забубеньях жвиркла встретил?

— В Бубенчиках, — уточнил Ричард, разглядывая сокурсника. Белая кожа. Сытая рожа. Волосы завитые по последней моде, присыпаны золотистой пудрой, тоже по этой же моде...

— Что, вправду встретил?

— Вправду.

— И живой?!

— Сам удивляюсь.

Бран расхохотался и от души по спине хлопнул.

— А я и подзабыл, какой ты веселый парень... везет тебе... на живого жвиркла посмотрел...

Этим бы везением Ричард от всей души поделился бы. Жвиркл был матерым, с телегу длиной. Его темно-зеленая броня надежно защищала его от магии, да и в целом тварь нежитью не являлась.

Просто хищник.

Огромный. Живучий.

Верткий.

Это кажется, что подобная громадина не может быть быстрой. Еще как может. У него клешни, что ножи... стальной прут срезали чистенько, что уж про человека говорить.

— А мы тут тухнем, да... на государственной службе. — Бран щелкнул по звезде, которую носил, на цепь повесив, чтоб, стало быть, каждый видал, не просто так лойр идет, но благородный некромант, самим Императором за службу отмеченный. — Жвиркла ты, к слову, зря посек... мне отец сказывал, что туша пришла в совершенно непригодном виде. А его бы в стазис и выставить.

— Извините.

Тогда Ричард меньше всего думал про то, как бы тушу не повредить. Его, глобально размышляя, туша эта интересовала в самую последнюю очередь. Он пытался выжить.

И добраться до выпуклых сетчатых глаз.

И до нервного узла, расположенного в основании этих глаз. А остальное...

— Ничего... мы выставили жвалы и клешни... матерая тварь, матерая... мне за него первый камень пожаловали.

— Что?! — вот это уже было обидно.

Тварь уничтожил Ричард.

— Вот, — Бран нежно погладил рубин. — Лично из рук Императора получил... эта тварь, если знаешь, полдеревни пожрала. Нам тут челобитную доставили. Думали, кого отправить, а тут ты...

— И камень...

Брану, который не сделал ничего.

Алый камень.

Благодарность императорскую.

— И отцу, конечно... он ведь у меня, если не забыл, Глава Департамента утилизации... название дурацкое, ощущение, будто он золотарями заведует, верно? Ну пойдем, друже, посидим. Расскажешь, чего интересного... я наших позову. Рады будут.

Отвертеться не получилось.

Да и... впервые, пожалуй, Ричард готов был поступиться принципами и попросить о помощи.

...за одним столом сидели маркиз, баронет, два графа, три виконта и Ричард, на которого смотрели с сытой снисходительностью, как на бродячего кота, взятого в дом из милосердия.

Не в дом.

В ресторан.

Конечно, разве снизойдет баронет до простого трактира? Только «Императорский олень». Не переживай, малыш Риччи, мы все понимаем... угощение за наш счет... не стесняйся. Пробовал устриц на льду? Вот так, раковину открываешь, сбрызгиваешь лимонным соком... если решишь блевать, пусть вазу подадут. Ты, конечно, парень простой, но блевать на пол здесь не принято. Для того специальные блевательницы имеются...

И смех.

И хлопки по плечам.

И просьба рассказать что-нибудь этакое, из жизни простых некромантов... жwirkл? И ты уцелел? Молодчина! Вот всегда знали, что тебя не потопить... а помнишь, как мы... или вот еще...

Вечер воспоминаний тонул в вине, а Ричард — в словах.

И позолоте.

Слишком роскошно. И компания эта... они свои, давно уже понимают друг друга с полувзгляда. Собрались? Зачем? Удумав очередную шутку? Нет, переросли. И отпала необходимость ставить наглеца на место. Уже поставлен.

Кто он такой?

Обыкновенный некромант.

— А хочешь, — Удальф сытно срыгивает и роняет тонкую кость в вазу для костей. Медную. Сияющую. С гравировкой, — я перед отцом словечко замолвлю? Нам хорошие спецы всегда нужны... поначалу тут покрутишься...

— Лучше уж к нам! — Фиско к лицу черный цвет. И бледность аристократическая, пудрой подправленная. — Эти скупцы с тебя семь шкур снимут, а мы нормально платим. Сдельно. Извел криксу — двадцать золотых... изгнал шамыжника — тридцать...

— А жwirkла завалил — и фирма разорилась! — крикнул кто-то, и компания зашлась пьяным хохотом.

После выпуска Ричард бы за это предложение ухватился бы и руками, и ногами... что там ноги, зубами бы вцепился, но не сейчас.

Золото?

Определенно, получал бы он больше. В столице всегда цены были выше, да и снять с какой-нибудь мнительной лайры можно втрое против крестьян. Или вчетверо.

И жwirkлов в столицах не водится.

И проклятых гончих.

— Слушай, малыш Риччи, — с ним говорили снисходительно, как с существом второго сорта, которому оказали высочайшую честь, усадив за

стол. — А чего ты тут делаешь? Вообще? Ну, если работа не нужна...

Ему бы промолчать.

Обратиться бы в Гильдию к кому постарше, глядишь, иначе все повернулось бы. Но он и сам был в подпитии, да и обида душила, детство, конечно, но справиться с этим детством Ричарду было не под силу.

— Я ищу источник волн... — сказал он.

Идиот.

Это ему и сказали. В выражениях изысканных, но весьма доходчиво.

— Слушай, братец. — Удальф приобнял Ричарда и смачно срыгнул прямо в ухо. — Ну ты... выдумщик. Волны... источник... какой, к Старым Богам, источник?

Обыкновенный.

Волны были проклятием Империи.

Проклятием известным, к которому давно уже притерпелись и, собственно говоря, перестали воспринимать как угрозу. Да, раз в десятилетие нечисть вдруг оживала, плодилась и лезла к людям. Где и находила свой бесславный конец.

И да, случались жертвы.

Как без них?

То упыри прорвут периметр, то грызлы вырежут пару хуторов, ну, может деревеньку-другую, то старое городское кладбище — вот же дурной был обычай, хоронить в черте города — не единожды зачищенное и упокоенное-переупокоенное, выродит лича... но такое и в обычное время случалось.

А потому волну просто пережидали.

Вооружались.

Рассылали некромантов.

Раздавали страже императорское заговоренное серебро. Подновляли охранные знаки и молились Богам, чтобы прошла сия напасть скорее. Боги, как правило, внимали, и через месяц-другой волна отступала. На следующие десять лет.

Все это было привычно.

Знакомо.

И ни у кого не возникало вопросов. Кроме Ричарда.

— Смотри, до Первой Магической никто слыхом не слыхивал про эти волны.

Говорить пришлось громко, все же однокурсники были слишком заняты, обсуждая какую-то Морисс дель Форо, которая метила в императорские фаворитки и даже была весьма собой хороша, но вряд ли

Орисс ей позволит...

— Я перечитал десяток хроник. Никакого упоминания о повышенной активности. Даже у Берлиоса Торанского, а он был еще тем занудой. Значит, можно сделать вывод, что до войны этих волн попросту не существовало. Это первое.

Ричард загнул палец.

— Второе. Волна имеет географическую привязку. Провинция Ульгранд. Потом Сикхар, Ванур и Дейто. Так?

Удальф пьяновато кивнул.

— А вот Приморье практически не затрагивают... там о волнах слышали, но что это такое — реально не представляют. Как и в Койнуре. Огхар...

— Там одни горы...

— И горные шайры, которые еще та пакость. Вьют гнезда в шахтах, охотятся на шахтеров, — Ричард повел плечами, отгоняя неприятное воспоминание. — Есть костяные черви, умертвия, неупокойники... как везде. Вот только активность их стабильна, понимаешь?

— П-понимаю. Надо ехать в г-горы...

— В-третьих... — Он икнул и прикрыл рот рукой. — Извини...

— Извиняю, — милостиво кивнул Удальф.

— В-третьих... четкий вектор развития... всегда начинается с окраин и катится к центру, а здесь стихает. Я создал карту происшествий. По каждой волне за последние две сотни лет... все достоверные факты... всегда...

— Молодец! — Удальф не стал слушать дальше и от души хлопнул Ричарда по спине. — Знаешь, куда эти карты засунь?

Уточнять Ричард не стал.

— Ты, конечно, умный, да только дурак... вот кому это надо?

— Гильдии?

Удальф покачал головой и налил себе вина.

Белого.

Илирийского.

Три золотых империаля за бутыл.

— Если отыскать источник и уничтожить его, волны исчезнут. Возможно, и некрофон понизится, а с ним...

— Точно дурак. — Удальф был изрядно пьян, иначе в жизни не сказал бы того, что сказал. — Это никому не надо. Знаешь почему? Потому что тогда ты останешься без работы. И я. И вот он... или он... а хуже всего, Гильдия останется без денег. А без денег, малыш Риччи, плохо... очень-очень плохо.

Удальф щелкнул бывшего однокурсника по носу и рассмеялся.

— Закон рынка. Цену на услуги определяет соотношение спроса и предложения. Думаешь, почему нас мало? А чтобы не мешали... пока мало, нас ценят... очень и очень ценят... никому неохота стать обедом упыря... упыри не разбирают, кого жрать... вот нам и платят, чтоб не жрали... тебе одни, нам другие... а если упырей не станет, куда пойдешь?

Он сунул в руку бокал.

С белым. Илирийским. По три империала за бутыль.

— Пей, Риччи, пей... и выбрось дурное из головы...

...он тогда и вправду напился.

А протрезвев, отправился в Гильдию. И вправду дурак, если надеялся, что там ему скажут что-то иное. Нет, его выслушали.

Внимательно.

И карты просмотрели.

И покачали головами, мол, до чего удивительные совпадения... а потом в выражениях изысканных и воздушных, как беже, до которого квартирная хозяйка была весьма охоча, посоветовали не тратить время на заведомо бесперспективную идею.

Ричарда беспокоят волны?

Увы, не в силах человеческих противиться воле Богов, а волны — есть не что иное, как материальное проявление этой самой воли. Ниспосланы они во устрашение...

...недаром ведь во время очередной волны люди устремляются в храмы, испрашая о прощении и защите...

Мастер-Некромант говорил спокойно.

Ласково даже.

Только этой ласковостью Ричард не обманулся: его идея приходила в голову не только ему.

— Мальчик мой. — В холодных глазах Мастера-Некроманта сквозило что-то такое... отчего захотелось убраться из приемной в место более безопасное, к примеру в логово к жвирклу — Твои старания похвальны... и нам жаль, что талант столь яркий прежде оставался незамеченным...

И ему предложили место.

Хорошее место.

С большой перспективой, внушительным окладом и служебной квартирой в Белом квартале.

Наверное, Ричард от рождения был дураком, если отказался.

Глава 5

ЛЕДИ И ПРИКЛЮЧЕНИЕ

— И вот он мне говорит, куда ты... неразумный человек, — Грен запнулся, верно, в исходном варианте речь нашего некроманта была куда более емкой и выразительной, — лезешь к упырице-то? А я откуда знал, что она упырица? Я ж что видел? Идет дамочка в белом платье... бледна? Так это ныне в моде...

— А когти? — Ричард по-прежнему сидел в дальнем углу.

Забился в кресло.

И давился бутербродом. А на стол смотрел... вот примерно как та несчастная упырица на Грена. Нет, я в жизни упырей не встречала, но подозреваю, что от некромантов они не сильно отличаются.

— Что когти? Я в прошлом году в столице был... чудеснейший город, Ливи, вам доводилось?

— Нет.

— Жаль, непременно должны заглянуть... такая архитектура... а сады! Какие сады... но главное, что в прошлом году в моде были длинные ногти. Магически нарощенные и покрытые синим лаком...

Он повертел в руках вилочку.

Ужин шел своим чередом.

Стол.

Скатерть. Салфетки, которые отыскились в одном из шкафчиков, заваленные кучей пакетов с приправами. И сейчас салфетки неуловимо пахли базиликом и куда явственней — сушеным чесноком. Но эта мелочь не могла испортить настроения.

Неадекватно приподнятого настроения.

Я... я осознавала, что все произошедшее со мной в высшей степени ненормально. Предательство супруга. Убийство. Мир иной... люди и нелюди... и эта машина, которую Тихон гордо именовал октоколесером — язык сломаешь.

Некроманты.

Ужин при свечах, к слову, готически черных свечах, которые тоже отыскились на кухне и вполне себе гармонировали с белым фарфором.

И впору бы в панику удариться или закатить истерику, а я вот... сижу и слушаю истории про упырей.

Не плачу.

Не буду плакать.

Я смеюсь... чему? А чему-то... и слезы, которые из глаз, это от смеха, не иначе... зачем мне плакать? Я ведь жива.

Знаю, что жива.

Что это все — не предсмертный бред, когда время индивидуально и за секунду проживаешь альтернативную жизнь. В фантазии своей или в бреду там я бы выбрала жизнь иную, более... типичную, что ли? Уютную... а в этом фургоне уют наводить и наводить.

— Оливия?

— Извините. — Я встала из-за стола. — Мне... мне бы на воздух.

Леди не плачут.

Во всяком случае, на людях. И пусть люди эти внимательны и, полагаю, за истерику меня не упрекнут, но... я все одно не могу, а если и дальше сдерживаться стану, то меня попросту разорвет.

Я аккуратно разложила салфетку на спинку стула.

И вышла.

За ширму.

Но тонкая ткань — шелк? — не способна была укрыть меня от взглядов. Дверь отворилась беззвучно.

Хорошо.

Вечерний воздух был прохладен. Небо... небо черничного оттенка. И солнце с прозеленью. Смутные очертания городка, до которого мы не добрались по непонятной мне причине.

Лесенка оказалась удобной.

Прочной.

Дорога... холодной, и я вспомнила, что так и не нашла себе обуви. Острый камушек тут же впился в пятку. И эта мелочь, в общем-то ничтожная по сравнению со всем, что сегодня случилось, стала последней каплей.

Я разревелась.

Я плакала, захлебываясь слезами, глядя на зеленое солнце и спутника его, который налился алым цветом...

Как долго?

Не знаю. Может, минуту, может, час. Время смыло слезами. Когда я очнулась, обнаружила, что сижу, прижавшись спиной к холодному колесу. Зеленое солнце почти исчезло за горизонтом, а спутник его повис алой бусиной.

Я замерзла.

И кажется, нарыдалась до хрипоты.

И глаза, думать нечего, заплыли... и если вернуться сейчас, не избежать расспросов, а ко внятному диалогу я была морально не готова.

Надо собраться с силами.

Надо...

И я обняла себя. Летняя ночь прохладна, но, глядишь, не окоченею. Приду в себя и вернусь... мне всего-то надо минуту-другую, чтобы окончательно успокоиться...

Всхлип раздался где-то рядом. Тоненький и жалобный.

Я повернулась.

Никого.

Но ведь... или слышалось? Может, местная птица какая рыдать изволит? Или...

Всхлип повторился.

— Эй, — осторожно окликнула я, вглядываясь в тени. А их в подбрюшьи машины было изрядно. — Кто здесь?

Вновь всхлипнули...

— Выходи, я не обижу...

Плакал ребенок. Несомненно. И где-то рядом... только где?

Я наклонилась, заглянув под вагончик, хотя отдавала себе отчет, что под этим вагончиком ребенок не поместится. Да и как он забрался бы?

И откуда взялся?

Откуда бы ни взялся, но ребенок был. И плакал.

— Я не обижу, честное слово...

Теперь плач доносился со стороны поля, отделявшего нас от города. И я решительно встала. Ребенок был. Я слышала.

— Ты где?

Рядом.

— Ты заблудился? Не бойся... я не причиню тебе вреда...

Я с трудом продралась через узкую полосу придорожного кустарника. Запоздало подумалось, что стоило бы на помощь позвать, все же втроем — на Ричарда я не рассчитывала — искать потерявшегося ребенка было бы проще, но не возвращаться же?

— Иди ко мне. Мы отвезем тебя домой... обещаю!

Я огляделась.

Поле... обыкновенное поле... пшеница волнами ходит, хотя ветра и нет. А она перекачивается, шелестит, кружит. Колосья тонкие касаются рук.

Щекотно.

И страшновато.

Вспомнилась история с упырем, и... и я ничего не знаю об этом мире.

— Эй...

Горло перехватило. Откуда здесь ребенку взяться? До города еще миль десять, как Тихон сказал, выбирая место для стоянки. Нет, если по полю, оно быстрее будет... и если ребенок есть, почему он не выходит?

— Ты где? — я сделала шаг назад.

Октоколесер возвышался серебристою громадиной и ныне гляделся родным, близким. Я ведь не убегаю. Я лишь позову на помощь. И если ребенок действительно заблудился... точнее, если это заблудился действительно ребенок, то мне помогут его отыскать и...

Я увидела ее.

Девочку в белом платице.

Я готова была поклясться, что секунду тому не было ни ее, ни огромного валуна, на котором эта девочка сидела. Она забралась на камень, поджала коленки к груди, обняла себя...

— Эй, — я отступила.

Девочка мазнула ладонью по лицу и повернулась ко мне.

Я отчетливо видела личико ее, с чертами тонкими и изящными. Светлые волосы, заплетенные в две косички. И банты в этих косичках. И пышное платье из какой-то легкой ткани... и даже туфельки атласные, бисером расшитые.

Она была красива.

Слишком красива.

И платье это... мое всякий вид потеряло, хотя я и старалась быть с ним аккуратней... а она...

Девочка еще раз всхлипнула и уставилась на меня. Черные глаза. Яркие такие. Никогда не видела настолько ярких... и надо бы разглядеть поближе... если подойти, я пойму, человек ли она. Нет, конечно же человек.

Человеческий ребенок.

Она заблудилась.

Ей страшно.

Плачет.

Мое сознание словно бы раздвоилось. Одна часть меня требовала немедленно повернуться и бежать изо всех ног к октоколесеру, глядишь, и получится спастись от хитрой твари. Другая не находила в себе сил противиться наведенному желанию заглянуть в черные глаза.

И я шла.

Медленно.

С трудом переставляя ноги. И ноги эти не гнулись. Я чувствовала себя

куклой, которую неведомый кукловод терпеливо и спокойно вел к цели.

Девочка всхлипнула. И из черного глаза выкатилась крупная слезинка. Она пролетела по щеке и была поймана длинным раздвоенным языком, который скользнул по губам. А губы растянулись в дурном подобии улыбки. И чем ближе я подходила, тем явственней становилась нечеловеческая сущность девочки.

Слишком тонкий нос.

Вывернутые широкие ноздри.

Тяжеловатые надбровные дуги и синюшная сеть сосудов на запавших щеках. Треугольные зубы, которые тварь и не собиралась прятать. Зачем? Добыча не ускользнет.

Она близка.

И близость будила голод, заставляла нетерпеливо ерзать на камне, изнывая от желания скорей вонзить зубы в горло.

Меня мутило.

И тварь мутило.

Но меня от отвращения, а ее — от голода... и, наверное, в этом было что-то извращенное, но я даже сочувствовала ей, запертой в этом круге. И когда холодная пятерня вцепилась в руку, я смиренно закрыла глаза. Вот и все. Конец приключениям.

Острые когти пробили кожу...

...раздался оглушительный визг, гроыхнуло — я вяло удивилась, что гроыхнуло так близко. В лицо плеснуло чем-то теплым, но явно не водой... а потом щеку обожгла пощечина.

И я открыла глаза.

— Очнулась, идиотка? — осведомился Ричард, меланхолично дожевывая колосок.

Я кивнула.

И потрогала лицо. И на руки посмотрела.

И даже умудрилась не заорать, сообразив, что покрыты те черною липкою жижей. Я просто вновь зажмурилась и упала.

В обморок.

Глава 6

НЕКРОМАНТ И ЕГО РАБОТА

Ричард вовремя подхватил сомлевшую дамочку и, вздохнув — вот нашел себе приключение, закинул ее на плечо. Нет, благородных лайр полагалось носить на руках с уважением и трепетом, а еще полным осознанием высокой чести, ибо не каждому смертному доверят ношу столь драгоценную, но...

К Старым Богам ее.

И вообще, не стоило вмешиваться.

Сожрали бы? Ничего. Одной душой больше, одной — меньше...

А ведь дура же! Это надо было додуматься, сама, добровольно полезла к каюше. И как только отыскала такую? Старая, матерая. Судя по наряду, лет двести как похоронили...

На поле?

Почему на поле? Не дитя землепашцев, вон, туфельки атласные, платье шелковое. Лайрой была... и личико чистое. Значит, не от краснухи умерла и не от черной оспы...

Ричард носком перевернул неподвижное тело твари и, обнаружив характерный пушок серого лишайника меж лопаток, покачал глазами. Избавились от девочки. Кем она была?

Дочерью местного лойра?

Неудобным ребенком от первого брака? Сиротой, стоящей между добрыми родичами и наследством? Или... не важно, главное, что умерла не своей смертью. И похоронили ее без обряда. И за душу если и молились, то без должного рвения, вот и восстала.

Вернулась на место гибели.

Устроила логово.

Снимала дань, когда с бродяг, которым случилось заночевать в месте тихом и безобидном, когда с селян... может, и не жировала, но на поддержание облика хватало.

Ричард вытер сапог о землю.

Вот к чему он не сумел привыкнуть, так это к черной жиже, заменявшей нежити кровь. Была она вонюча и на редкость вьедлива...

...когда дамочка, всхлипнув, поднялась из-за стола, он проводил ее взглядом.

— Доволен? — поинтересовался Грен, облизывая вилку.

— А что я?

Ричард удивился вполне искренне. Между прочим, он вообще признаков жизни старался не подавать, хотя Боги одни знают, чего это ему стоило! Он просто сидел и наблюдал, как она накрывает на стол... фарфор, салфеточки. Свечи его, между прочим, на крысином жиру топленные, по серебрушке за штуку! А он думал, закончились...

— Ничего. — Грен свечу задул, все же запах у них был специфический, пусть его и старательно заглушали травами. — Ты ее довел!

— Да я ни слова не сказал!

— Оттого телега запела, что давно дегтю не ела... И вообще... она не отсюда.

— Откуда?

— Издалека явно. — Тихон махнул рукой, и остальные свечи тоже погасли. И правильно, нечего чужое добро попусту изводить. Или она собиралась провести тайный, неизвестный Ричарду обряд? — И аура у нее рваная... а это нехорошо.

Это и вправду было нехорошо.

Для нежити рваная аура, что кровь для голодной волчьей стаи, почуют за милю, а то и за две... а эта дура не нашла ничего лучшего, как выбраться из защищенного дома на улицу. И Ричард со вздохом поднялся.

— Постарайся быть повежливей, — напутствовал Грен, подцепляя на вилку сочный кусок говядины.

В животе заурчало.

Живот не желал на улицу — поплачет и вернется, если не полная дура, — а желал остаться в уютном вагончике, где терпко пахло анисовым маслом и немного — крысами. За столом вот, укрытым настоящей белой скатертью... взять тарелочку.

Вилку.

И даже, Старые Боги с ним, нож, как матушка учила...

Ричард утащил кривоватый пирожок и торопливо засунул в рот. Он не отступает от принципов, он... голодный некромант мало по сути своей от голодной нежити отличается.

Дамочка никуда не исчезла.

Сидела, сжавшись в комок, и тихо всхлипывала. Вот уж не было печали. Женские слезы действовали на Ричарда, как серебряная вода на матерого упыря. И вреда вроде никакого, но бесит, бесит...

Он скользнул в тень.

Постоит вот.

На звезды полюбуется. Подумает о высоком... могли бы до города добраться и завтра с утра прямо на кладбище... Ормс — городишко маленький, не на всякой карте Империи его отыскать удастся. И ничем-то особым ныне не примечателен. Правда, это только ныне. Некогда Ормс славился своими пасаками, а заодно с ними — свечными мастерскими, где с благословения Императора, естественно, не нынешнего, изготавливались свечи самого разного толку, от чистых восковых до особых белых, на жиру, но отнюдь не крысином.

Ныне подобные под запретом.

Что случилось после? То ли разгневанные жители, поддерживая Бастарда, сожгли мастерские, то ли пчелы перемерли — они твари нежные, к магическим возмущениям чувствительные весьма. Как бы там ни было, но дело захирело.

А с ним и городок.

Остались какие-то лавки, отдельные мастерские, где еще цеплялись за клеймо Старой Империи, ежегодная ярмарка и, естественно, кладбище.

Древнее кладбище.

Очень древнее.

Настолько, что последний раз использовалось оно по прямому назначению лет двести тому. Происшествий особых за сим кладбищем не значилось. Но если что и прятать, то там.

Или нет?

А если Ричард и вправду ошибается? Если нет никакого внешнего стимула? И волны — это просто волны... ничего не произойдет.

Все, кто мог Ричарда высмеять, уже это сделали.

Пускай.

Посмотрим, кто и вправду посмеется последним.

Он поежился — холодало, а Ричард и в молодые годы плохо переносил холода — и огляделся. Дамочка исчезла. Вот буквально только что была, а теперь...

Тишина.

Звонкая. Неестественная. Комарье и то попритихло. И это — верный признак. Не любят кровососы конкуренции... Ричард повел головой, приносясь.

Землей пахнет.

Травой.

Водой и малость — дымом. Ну и дерьмом, естественно, это уже от города. Выгребные-то ямы в Ормсе остались со времен Старой Империи.

Близко городок... вот добрались бы, а там и трактир отыскали б какой поприличней.

В трактирах тоже пироги бывают.

Правда, черствоватые, как правило, — сколько Ричард себя помнил, никогда не получалось на свежие попасть. И начинка из неизвестного зверя, хорошо, если еще травами гниловатый душок перебивали... но зато никаких благородных лайр в окружении.

Куда она все-таки подевалась?

Шелестит пшеница.

Шепчет что-то... что именно? Ричард размял пальцы. Повернул темное кольцо защиты, активируя. Может, конечно, и не стоило тратить силу впустую, но сам он еще после вчерашнего не восстановился. А мало ли что встретится на простом пшеничном поле?

Дамочку он увидел не сразу.

Шла она...

Да как зачарованная и шла, медленно переставляя ноги. Явно сопротивлялась мороку, обычно люди побыстрей движутся, некоторые и вовсе бегут радостно. Этих спасать — себе дороже.

Ричард скользнул в тень.

Он ступал по следу дамочки, рваная аура — и вправду изодрала в клочья, странно, что вообще живая она — заслоняла его. И получалось прятаться. Не столько из-за умения Ричарда, сколько из-за того, что тварь была голодна, а манящая близость жертвы заставила ее потерять осторожность.

Она едва не пританцовывала на своем камне.

И Ричард оценил.

Что обличье, почти полностью человеческое — а эту маску удерживать непросто. Что камень огромный, что корни, от него в землю уходящие. И тонкую пуповину, которая связывала каюшу с ее желудком. Тот мелко вздрагивал, пускал волны... Ричард остро ощущал и голод твари.

И страх дамочки.

Ничего, потерпит. В кои-то веки жертва не вызывала у него жалости.

Нет, Ричард поможет, но ему надо подобраться поближе. Каюши не сказать чтобы опасны. Хитры. Изворотливы. Заметит и нырнет под землю, спрячется в желудке своем каменном. И поди попробуй выковырай.

Выковыривать придется, конечно.

И валун разбивать на мелкие части. И застрянет Ричард на этом треклятом поле на сутки, а то и на двое... уж лучше так.

Дамочка плакала. Слезы катились из глаз, крупные такие, отборные

слезы... Ричарду даже стало совестно. Ненадолго. Он пообещал себе извиниться. Потом. А сейчас у него другие дела имелись.

Он сложил пальцы, создавая контур простенького атакующего заклинания.

Ближе.

И еще на шаг.

И на два... наполнять контур силой приходилось осторожно. Малейший всплеск насторожит каюшу. А та уже едва ль не скулила, изнемогая от голода. Руку протянула.

И дамочка ей.

Дружеское рукопожатие, конечно... темные когти сжали белое запястье лайры. Каюша раскрыла рот, полный острых треугольных зубов.

В него-то Ричард и ударил.

Попал.

Он привычно закрыл глаза за мгновение до того, как голова каюши разлетелась в клочья. Хлопнуло. Громыкнуло. И плеснуло в лицо горячей жижей, что, в общем-то, тоже было привычно, но неприятно. Он отер ошметки нежити рукавом и развернул дамочку, которая до сих пор пребывала в ступоре.

Затуманенный взгляд.

Приоткрытый рот.

Она, конечно, хорошенькая — некрасивых лайр не бывает, но сейчас выглядела на редкость жалко. И пощечину Ричард отвесил от всей души. За глупость.

И чтобы очнулась.

Она и очнулась. Но ровным счетом для того, чтобы упасть в обморок. Прелесть какая...

Очертив на земле круг, Ричард бросил в него склянку с огненным зельем. Оно, конечно, убить каюшу он убил, но огонь лишним не будет.

Полыхнуло до небес.

Потом пламя привычно осело, и цвет постепенно изменился с темно-зеленого, активного, на белый. К утру и вовсе алым станет, горячим, но не смертельным. Надо будет ребятам сказать, пусть мясо из хладокамеры достанут. Жареное на углях мясо Ричард очень даже жаловал, во многом еще потому, что испортить это нехитрое блюдо не удавалось даже ему.

Дамочка пришла в себя еще на поле.

— Ч-что эт-то б-было? — поинтересовалась она, слегка заикаясь, то ли со страху, то ли говорить на плече лежа было неудобно.

— Каюша.

— Она х-хотела м-меня сожрать?

— Нет, с днем рождения поздравить собиралась.

— У... у м-меня д-день рожденья осенью...

Надо же, а Ричард ожидал слез и упреков. А у нее день рождения осенью. И, усмехнувшись, он ответил:

— А она заранее...

Дамочка замолчала. Задумалась.

Оливия.

Подходящее имя для лайры. Почти Орисс... может, поэтому? Так и не простил... и верить не научился... и поневоле ждал подвоха от женщин, даже если не лайр... матушка все не теряла надежды Ричарда женить. И когда случалось ему появляться в родном тихом городке, она устраивала званые ужины. В том смысле, что звались на них все более или менее подходящие особы в возрасте от пятнадцати до сорока пяти лет. На этих ужинах Ричард чувствовал себя грызлом, загнанным в ловушку.

— Вы н-не м-могли бы м-меня п-поставить? — шепотом попросила дамочка.

Оливия.

Ее зовут Оливия, можно — Ливи... не то чтобы Ричарду так уж важно ее имя, но все-таки с именем удобней.

— Зачем?

— Извините... н-не сочтите за придирку... или жалобу, но... у вас н-на редкость неудобное плечо.

— Да?

— Острое, — вздохнула Оливия. — Я уж лучше сама...

— А вы...

— В обморок обещаю больше не падать, но... меня, кажется, сейчас стошнит.

Веский аргумент, однако.

И Ричард решительно стряхнул дамочку в придорожные кусты. Следовало сказать, что она не упала, как втайне Ричард ожидал, но вывернулась с воистину кошачьей ловкостью.

А вот стошнить ее стошнило.

В те же многострадальные кусты.

Глава 7

ЛЕДИ И ПОДСЛУШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ

Я лежала, свернувшись калачиком, и старательно притворялась спящей. Получалось из рук вон плохо, притворяться я никогда не умела, но ширма, заслонившая мою постель от гостиной, с успехом компенсировала недостаток актерского мастерства.

Постель была... мягкой.

Лоскутное одеяло, пожертвованное Тихоном, теплым и уютным.

Да и вообще... мое возвращение в октоколесер — нет, надо подсказать другое наименование этой махины, пока я язык не вывернула — сложно было назвать триумфальным.

Зареванная.

Заляпанная от макушки до пят смрадной черной жижей, с прилипшими к этой самой жиже листьями и паутиной, я мало отличалась от чудовища.

Некромант, чья любезность иссякла, не соизволил руки подать. Напротив, отвесив весьма издевательский поклон, он произнес:

— Прошу прощения, благородная лайра, но кровь нежити отвратительно отстирывается. А одежды у меня не так много, чтобы ею рисковать.

Одежды ему жаль, значит.

А меня, пытающуюся забраться по скользкой лестнице, не жаль. И что мне оставалось делать? Гордо подхватить драный подол — у меня, между прочим, одежды вообще нет — и кое-как, вряд ли с подобающим благородной лайре изяществом взобраться в вагончик.

— Принимай свою красавицу, — гаркнул Ричард. И над самым ухом, паскудина этакая, я даже присела от неожиданности. — Только отмой. А то смердит.

Меня едва не сожрали, а ему смердит...

Себя бы понюхал, куст розовый.

Но я промолчала, решительно наступив себе на горло, а точнее, на язык. Все же Ричард пусть и не джентльмен ни разу, а жизнь мне спас.

Грен разохался.

Тихон поскреб длинное ухо, что, как я поняла, свидетельствовало о

некоторой растерянности, и предложил принять ванну. Естественно, я не возражала.

Ванна.

Горячая вода. Ароматизированная соль из личных запасов Грена. Бутыль с вязким зеленоватым шампунем, которую сунул мне Ричард, буркнув, что от нежити всякого нахвататься можно. И пахло из бутылки подозрительно знакомо, как от противоблошиного средства, которое покупала бабушка для нашего кота.

Ладно.

Тихон принес полотенца...

И ширмы поставил, закрепив железными крючками.

Он же поднес и чая с ромом. Или скорее рома с чаем? Я даже не уверена относительно рома, но пахло от кружки спиртом, да и вкус был соответствующим. Но выпила я это успокоительное до дна. В конце концов, сегодня можно.

Ванна расслабила.

За длинную рубаху из тончайшего полотна, правда, измаранного сажей и маслом — пятна трудновыводимые и в моем мире, — я была искренне благодарна, как и за постель, в которую меня уложили бережно, пожелав напоследок хороших снов.

Ага... после всего-то...

Но я послушно закрыла глаза.

Свет не погас, скорее уж стал мягким, приглушенным. Да и обитатели вагончика никуда не делись.

— Зачем ты это сделал? — тихо спросил Грен. Почти шепотом. Но в исполнении подгорца шепот звучал весьма внушительно. Я поспешно натянула на ухо одеяло и старательно засопела.

— Что именно? Уничтожил каюшу? Это мой долг перед обществом.

Надо же, какой общественно обязанный отыскался.

— Нет. Зачем ты позволил этой твари добраться до Оливии?

Вот, и мне тоже интересно!

— Ну... если я скажу, что успел в последний момент, поверишь?

— Ахал бы дядя, на себя глядя. Ты вышел сразу за ней.

Интересно.

То есть я предавалась рыданиям по невинно оборванной жизни, прошлой жизни, а он стоял в стороночке и наблюдал? Утешать и не пытался? Впрочем, что еще ждать от этого... хама?

— Ладно... тогда пока каюша пыталась добраться до вашей красавицы, я добрался до каюши.

— Ричард!

Мне тоже захотелось заорать. Нецензурно. Но душевно. Значит, я там, на поле, медленно брела к гибели, сопротивляясь изо всех сил, которых, к слову, у меня не так и много, преисполняясь уверенности, что каждый шаг приближает меня к смерти. Мучительной, между прочим. Так вот, пока я там страдала, эта скотина рядом была?

И просто ждала момента?

Использовала меня в качестве наживки?

Остатки благодарности к поганцу таяли, как фруктовый лед на солнцепеке.

— Что? — лениво осведомился некромант. — Ты сам знаешь, как сложно добраться до такой твари. А она, между прочим, матерая. Лет двести, минимум...

— Не сочти за упрек, друг мой, но в твоих силах было поставить метку. Утром мы занялись бы каюшей, — это уже Тихон вступил в беседу. Голос у него... в один голос влюбиться можно.

Но не нужно.

Любовь, как я убедилась на собственной шкуре, до добра не доводит. А потому альвином будем восторгаться издали. Скажем, как произведением искусства.

— И потратили бы дня два? А то и три? — Ричард определенно не чувствовал себя виноватым. — Я вообще не понимаю, зачем нам эта... лайрочка.

Похоже, выразиться он собирался иначе, однако в последний момент то ли остатки воспитания сработали, то ли здравый смысл.

— Была бы шуба, а вши заведутся, — меланхолично произнес Грен.

Что?

— Что? — переспросил Ричард.

— Есть вкусно. Жить чисто. Мало?

— Если бы дело было в еде и чистоте, ты бы уже давно кого-нибудь нанял. — Ричард определенно что-то жевал. И догадываюсь, что отнюдь не ветчину. Пироги мои оценил?

Пусть поперек глотки станут.

— Тихон сказал, она нужна.

Интересненько...

— Кому? — осведомился Ричард. И я мысленно присоединилась к вопросу. Нет, ребята, безусловно, милые, но... вот как-то беспокойно стало.

— Нам, — ответил альвин.

— И зачем?

— Пока совершенно не представляю себе.

Очаровательно. Я нужна, но зачем — он не знает. И как это понимать? Похоже, данный вопрос занимал не меня одну, поскольку воцарилось молчание. Правда, длилось оно недолго.

— Ты видел? — это Грен. И голос такой... возвышенный, вдохновленный даже.

Это что же альвин видел?

— Не совсем. Но в миг, когда она передо мной возникла, я осознал, что она нам нужна. И размышляя здраво, если бы она не была нужна, то здесь бы не появилась.

Логично. Хотя и логика довольно извращенная.

Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно... как-то так, что ли? И я, закрыв глаза, прислушалась, пытаюсь обнаружить в себе признаки избранности. Признаки не обнаруживались. Зато ссадины на ногах зудели.

И вообще ощущение было... мерзковатым.

Слегка мутило.

И в памяти то и дело вставало то лицо Макса, то твари...

— Сил у нее нет, — заметил Ричард.

— Когда успел?

— На поле... она сопротивлялась зову. Вот и проверил... нет, кое-что имеется, но так, капля...

Ничего. В моем положении я и капле рада, понять бы, что с этой каплей делать.

— ...но раз ты говоришь...

И опять молчание.

То есть слов Тихона о том, что я когда-нибудь понадоблюсь, оказалось достаточно?

— А пироги неплохие. — Ричард сыто срыгнул. А Грен заметил:

— Вечно драться и когти притупятся.

Ормс — городишко небольшой, захолустный до того, что и на городишко-то не походил. Так, деревенька за каменной стеной. У стены этой паслись козы, за которыми приглядывал чумазый паренек. Городские ворота были дружелюбно распахнуты, и, судя по тому, как провисли створки, они и на ночь не запирались.

Удивительная беспечность.

Ричард только головой покачал.

Он забрался на крышу махины, откуда, во-первых, открывался

чудесный вид на окрестности, в том числе на выжженное пятно посреди поля, во-вторых, дышалось легче. А в-третьих, лучше уж козами местными любоваться, чем лайрочкой.

Пригодится.

Зачем? Кому? Спрашивать было бесполезно. Если бы Тихон и вправду что-то видел, он бы сказал, а нет, то и... может, подвела его родовая способность? Или истолковал неверно?

Может, лайрочка нужна была, чтобы каюшу поймать?

И если так, то ныне всякая надобность в ее присутствии отпала?

Машина медленно и осторожно ползла по дороге. Урчал мотор, сквозило магией... левый поток будет, пожалуй, шире правого. Надо будет Тихону сказать, пусть отрегулирует. В Ормсе они все одно на пару деньков задержатся...

Козы разбежались с оглушительным бляением. А пастушок замер, вылупившись на этакое диво. А ведь диво в ворота не пройдет. Старые они. Под телеги делались, октоколесер пошире будет. И повыше.

И, кажется, до Тихона это тоже дошло.

Машина вздрогнула.

Взрыкнула.

И замедлила ход. В какой-то момент Ричарду даже показалось, что остановиться она не успеет, снесет и ворота, и воронью будку стражи, но нет, опустилась носовая решетка, впились в землю тормозные шипы. Он сам вцепился в рукоять, чтобы не скатиться под колеса.

Пыхнуло паром.

Приехали.

Ричард, не дожидаясь, пока стихнет утробный рокот мотора, скатился на землю.

— Эй, любезные, — окликнул он оцепеневших стражей, на лицах которых читался простой, приправленный изрядной долей нецензурных слов восторг. — Где у вас тут машину поставить можно?

— Чегось?

— Машину, — Ричард указал на октоколесер. — Где поставить можно? Или пусть здесь остается?

Эта мысль стражникам категорически не понравилась. Она заставила их нахмуриться и крепче стиснуть слегка заржавевшие алебарды. По лицам их читалось острое желание этою алебардой ткнуть в наглеца.

Ишь, приперся.

Честный люд пугает.

— Не спешите. — Золотая звезда некроманта охладила пыл. — Поле

подойдет какое, главное, чтобы въезд был. И выезд...

С некромантами связываться было себе дороже.

И стража задумалась.

С одной стороны, махина их раздражала. С другой, нарушить Ричард ничего не нарушил. С третьей, мага злить — это совсем ума иметь не надо, тем паче некроманта, особыми полномочиями наделенного... с четвертой, и вправду не оставишь же этакое диво у ворот, ворота иным честным людям надобны.

— А туда езжайте, — наконец решился старший, махнув рукою влево. — Там поля есть. Скот на ярмарку пригоняют. И вам местечко сыщется.

Скот, значит... Тихон вряд ли обрадуется, с другой стороны, в городе они точно застрянут. А это совсем уж не радостно. Проще каюшу из камня выколупать, чем октоколесер из узкой местной улочки.

И Ричард, помахав рукой — Тихон не собирался покидать будку управления, указал влево, где от мощеной дороги отходила широкая вытоптанная полоса.

Октоколесер заурчал. А Ричард, подтянув штаны — опять сползают, все же одними пирогами жирка не наешь, шагнул к воротам. У него свои дела имеются.

— Господине, — один из стражников, совсем еще мальчишка, осмелился заступить дорогу. — А вы взаправду...

— Взаправду он, — одернул напарника второй, годами постарше, видом — посерьезней. — Господине некромант, а вы так приехали аль к градоправителю?

— Зачем мне к градоправителю?

— Ну так это... того... — Стражники переглянулись. — Вывертень у нас завелся.

— Что?

Вот только этой пакости не хватало.

— Вывертень, — сказал старший и шлем снял. Шлем был старым, тесноватым и жарким, в такой-то день. Редкие волосенки стража слиплись от пота, а лицо покраснело. Этак и удар хватит. — Уж пятерых тогось... и такая паскудина хитрая!

Младший только кивал.

Выходило... а хреново выходило. Очень хреново. Вывертень — тварь и вправду опасная.

Быстрая.

Хищная.

И разумная. А еще магически одаренная, чтоб его к Старым Богам.

Но редкая. Последний раз появление вывертня — именно вывертня, а не мелкой нечисти, которую за него принимали, — зафиксировано лет этак полсотни тому.

— Градоправитель в столицу нарочного посламши был... ждали вот, но чтоб так быстро... — Стражник глядел на Ричарда с восторгом, от которого становилось не по себе.

А к градоправителю идти придется. Кладбище кладбищем, а вывертень — Ричард все же надеялся, что произошла обычная ошибка, — дело серьезное. Сам он не остановится, но, наоборот, с каждой новой жертвой будет набираться наглости и, что хуже, сил.

— Где у вас тут... градоправитель? — со вздохом поинтересовался Ричард.

И был послан в нужном направлении.

Да, Ормс был захолустьем.

Тихим.

Мирным.

Узкие старые улочки, мощенные красным камнем. Узкие же домишки о редких окнах — памятью старому налогу на эти самые окна. Узкие балконы, соединившие вторые этажи. И сероватое белье, которое с этих балконов свисало. Плоские крыши. Кованые флюгера.

Голуби.

Собаки. Мальчишки, что, собравшись у старого фонтана, играли в ножики.

Площадь, одновременно и городская, и рыночная. Древний постамент, правда, памятника лишенный, но облюбованный выводком хорьков, которые на царящую внизу суету взирали с некоторым удивлением.

Ричард отмахнулся от лоточника, пытавшегося всучить «самые надежные амулеты». Переступил через коврик гадалки, стряхнул липкое проклятье, посланное в спину. Перехватил ловкие пальцы у кошелья.

— Не стоит, — сказал он мальчишке, который уже изготовился было заорать. — Проклянну.

И вытащил цепь со звездой.

Стало не то чтобы тихо, но число желающих свести близкое знакомство с чужаком поубавилось. Люди расступались. Провожали Ричарда взглядами, когда настороженными, когда исполненными самого живого любопытства. И уловил он шепоток.

— ...и вправду некромант?

— А то, по харе, что ль, не видно? У некромантов хари-то наглые...

— ...хиленький какой...

— ...ага, вывертню на один зуб...

Ричард смахнул с плеча еще одно проклятье, слабенькое, несформированное. Вот же... благодарная общественность.

— Ничего, этого сожрут, глядишь — кого другого отправят...

...пожирней, чтоб на два зуба хватило.

Хотя зубов как таковых у вывертней нет. У них тонкий хоботок, покрытый прочными костяными чешуями...

Особняк градоправителя походил на неудавшийся матушкин торт. Кремово-белый, украшенный многочисленными завитушками, но при этом какой-то разваливающийся, что ли? Дюжина пузатых колонн с трудом удерживала массивный портик с гербом Старой Империи. Ступени были щербаты. Окна — темны, затянуты коваными решетками, которые вроде бы и чистили, но без особого усердия.

У парадных дверей дремала пара стражников, которые при виде Ричарда оживились было — не так, похоже, часто заглядывал простой народ к градоправителю, но стоило показать звезду, и стража сникла.

— У себя?

— А то ж... — Стражник почесал шею. — Снедают ишшо...

— Снедают — это хорошо.

В желудке заурчало, напоминая, что и от завтрака Ричард отказался из чистого, к слову, упрямства.

Внутри пахло сыростью, бумагами и скандалом.

— Сволочь! — визгливый женский голос донесся откуда-то сверху. — Скотина!

— Милия!

Мужской был низок и преисполнен раскаяния.

— Я на тебя потратила лучшие годы жизни!

Ричард с сочувствием подумал, что бедного мужика ждут худшие...

— Я подарила тебе...

Что именно там подарили, Ричард не узнал, потому как слова заглушил звон бьющегося стекла.

— Милия! Это мамин фарфор!

— Да твоя мама...

— Госпожа не в духе, — печально заметил старый слуга.

Камзол с поблекшей позолотой и заплатами на рукавах. Высокий парик, щедро посыпанный пудрой. И поднос для визитных карточек, который сунули Ричарду под нос. И доверительно так добавили:

— Вам стоит выбрать другое время для визита. Когда госпожа изволит

пребывать не в духе, то и господин впадает в расстройство. А в расстройстве он не склонен решать дела...

Понятно.

И весь город подстраивается под настроение госпожи градоправительницы.

— Ничего. — Ричард обошел и слугу, и поднос. — Я как-нибудь переживу.

Останавливать его не стали, лишь проводили печальным вздохом.

— ...как ты посмел! Предать мое доверие...

— Милия, тебе показалось!

— Ты тискал эту потаскуху на глазах у всех, а мне показалось? — голос дамочки ввинчивался в череп. И Ричард в очередной раз мысленно поздравил себя с единственно верным решением избегать брачных уз.

— Мы лишь танцевали, Милия...

— Танцевали?! Это не танец, это срам...

— Это модно!

— Модный срам?! Тарис, ты... ты выставил себя на потеху! Боги милосердные... да весь город только теперь и говорит...

— Милия, все ведь танцевали...

— Но не уткнувшись носом в чужие сиськи...

— Я не виноват, что лайра Фицджеральд столь... высока...

— И сисяста!

— В этом я тоже не виноват.

Ричард остановился.

На втором этаже было не менее неудобно, чем на первом. Узкий коридор. Сумрак. И огромные портреты в тяжелых рамах. Благородные лойры. И не менее благородные лайры, чья изысканная красота несла в себе отпечаток старой крови.

Интересно...

— Боги видят, я была терпелива, Тарис. Я старалась не замечать взглядов, которые ты бросал на других женщин. Я не верила сплетням...

— Милия...

Ричард двинулся на голоса.

Идти пришлось недалеко. Дверь была не просто приоткрыта, но распахнута настежь.

— ...я убеждала себя, что они завидуют. Злословят.

— Так и есть!

Комната.

Не сказать чтобы большая, но и не маленькая. Потолок в тех же

завитушках, которые от времени пожелтели. Жерло камина, по летнему времени забитого сухими цветами. Каминная решетка.

Ковер.

Стены, обитые полосатой тканью. И, судя по разводам, обиты они были давно.

— Я ведь любила тебя! И ради этой любви пошла против отцовской воли...

Стол.

Стулья. На одном восседает дама неясного возраста, но внушительной стати. Она то ли бледна, то ли напудрена сверх меры. И бледность эту подчеркивают что рыжие волосы, уложенные в прическу-башню, что темно-зеленое атласное платье.

Поза дамы страдающая. Одна рука отставлена. Другая — прижата к высокому челу. К отставленной ручке припал мужчина. Невысокий. Пухлый.

— ...я снизошла...

— Милия...

Круглощек. Лысоват. Но лысину стыдливо прячет под реденькими волосами. В хвост их собрал по столичной моде десятилетней давности. Бант нацепил. Смешно смотреть. И сам он, раззолоченный, что кубок драгоценный, смешон.

— Кем ты был? — в руке благородной лайры развернулось крыло веера. — Всего-навсего купцом! Им бы и остался, если бы не мой батюшка... а ты, неблагодарный...

— Я благодарный! — взвился градоправитель, к ручке припадая с поцелуем. — Милия, я тебе не изменял! Я бы... я бы никогда...

— ...он тебя в люди вывел!

Ричард постучал в дверь.

— Доброго дня, уважаемые...

Захлопнулся веер.

Приподнялись рыжие брови, а на лице бледном появилось выражение брезгливости и, пожалуй, легкого недоумения. Мол, как получилось, что ее, благородную лайру, прервали.

И кто?

Ричард прекрасно отдавал себе отчет, что выглядит, мягко говоря, непрезентабельно. Одежда простая, пусть и из подгорного хлопка шитая. Такая и холод, и жар, и слюну грызла выдержит, а запачкается в крови ли, в слизи, то отстирается легко. А что запылилась слегка, так он не виноват.

Дороги такие.

Сапоги разношены.

На шее амулеты гроздьями, да не стандартные, золотые, как в высшем обществе принято. Нет, недаром Ричард и шаманизм учил, и рукопись... пригодились. Если же выглядят его амулеты не слишком привлекательно, так это, как Грен утверждает, вопрос вкуса.

Ричарду вот птичьи перья да молочные зубы криксы куда больше нравятся, чем янтарь на платине.

И дешевле, если разобраться.

— Надеюсь, не помешал? — Ричард достал платок и кое-как оттер характерное белое пятно на рукаве.

Был тут вывертень или нет, но голубей в Ормсе водилось множество.

— Вы кто такой? — тонкий визгливый голос Милии заставил Ричарда поморщиться. — Тарис, кто это такой? Отвечай немедленно!

И веером хлопнула по лысой макушке.

Вот дура.

Тарис стерпел. Кряхтя и вздыхая, он поднялся с колен, кое-как одернул перекосившийся камзол, фалды которого свисали ниже колен, по той же, надо полагать, моде. И извлек из кошелечка лорнет на массивной ручке.

Он оказался немолод.

И непозволительно смешон. Круглое личико. Светлые бровки. Нос массивный хрящеватый. Реденькие бачки, побитые сединой.

...и если имелась в его жилах благородная кровь, то весьма и весьма разбавленная. Впрочем, эту догадку Ричард оставил при себе.

— Вы кто такой будете? — поинтересовался градоправитель отчаянно строгим голосом. Отчаяния в нем было куда больше строгости.

— Некромант. — Ричард предъявил звезду.

И Милия поджала губы.

Да уж. Некроманта из дому так просто не выставишь...

— Н-некромант? — слегка заикаясь, переспросил градоправитель.

И покраснел, как девка, банные дни перепутавшая.

— Некромант, — подтвердил Ричард. — У вас тут, говорят, вывертень завелся.

— Где?

— В городе.

— Тарис! — теперь в голосе лайры Милии отчетливо слышались нервические ноты. — У нас в городе вывертень?! И ты молчал?

— Я...

— Боги милосердные! — Милия закатила очи. — За что вы послали мне такое наказание?

Белый кружевной платок смахнул пот с лысоватого чела.

— Мы можем поговорить в каком-нибудь... более подходящем для беседы месте? — Ричард поднял массивный осколок вазы, надо полагать дорогой и древней.

Может быть, ценной.

Но когда это останавливало истерящих женщин?

— Поговорить? С ним? — Милия поднялась и оказалась выше мужа на полторы головы.

Если соперница-баронесса примерно того же роста, то обвинения в позорном бюстоглядстве не лишены оснований. Выше выреза многоуважаемый Тарис Олейн просто физически не способен был заглянуть.

— Да что он вам скажет? Что он вообще знает?!

— Милия...

— Он же ничтожество!

— Милия!

— Нет, дорогой, я хочу, чтобы этот милый юноша, — при этих словах Ричарда одарили воистину очаровательной улыбкой, он даже содрогнулся, — знал правду. А правда в том, что мой супруг — совершенно бесполезное создание, только и способное, что на гулящих девок заглядываться...

Щеки градоправителя залились багрянцем. А благородная лайра, уцепившись за круглую щечку, изволила удалиться. К немалому облегчению обоих мужчин.

— Вы... — Градоправитель испустил тяжкий вздох. — Вы не обращайте внимания... Милия — она милая... на самом деле очень добрая...

...как голодная грызла, не иначе.

— Но ревнива... вспыхивает по малейшему пустяку. Потом успокаивается. Ей самой неудобно будет, да... вы придете на ужин?

— Зачем?

Ричард протянул осколок, который многоуважаемый Тарис положил на стол. И опустившись на корточки, принялся собирать остальные, белые, похоже, и вправду фарфоровые.

— Она лайра... а я и вправду сын купца... в третьем колене... батюшка очень успешный был, а я Милию как увидел, влюбился... жить без нее не мог.

Или без ее связей?

Вряд ли потомственному купцу грозило стать градоправителем. Но

почему отец Милии не возразил? Или... дело в деньгах? Титул титулом, кровь кровью, а золото золотом? Впрочем, какое Ричарду дело?

— Ей здесь скучно... — градоправитель ссыпал горсточку осколков на блюдо. — Вот и выплескивает... приходите вечером на ужин? Расскажите что-нибудь... этакое...

Ага, теперь понятно.

К вечеру дражайшая супруга остынет настолько, что, глядишь, и не станет при посторонних скандал затевать. Что ж, почему бы и нет?

— Я буду не один.

— Это просто замечательно! — Тарис застенчиво улыбнулся. — Милия обожает общество новых интересных людей...

Про нелюдей Ричард уточнять не стал.

К утру я не то чтобы пришла в себя... нет, я искренне надеялась, что утром все вернется на круги своя. И потому, проснувшись, долго лежала в постели, не решаясь открыть глаза.

Сон ведь.

Влад сбежал? Нет, Влад сейчас ванную занял. Стоит под душем, напевает фальшивым голосом арию герцога из «Травиаты». Потом зубы чистить будет, забрызгает пастой и зеркало, и умывальник, и я получу законный повод проявить недовольство.

Нет, я не буду недовольна на самом деле, это игра такая, одна из множества маленьких супружеских игр, которые появляются у каждой пары за годы совместного бытия.

А остальное — это сон.

Мир иной.

Октоколесер... что-то не то я накануне посмотрела, вот и...

Где-то рядом протяжно, обреченно даже замычала корова. И я открыла глаза. Увы. Ни лепнины, которой Влад столь гордился, будто бы сам лепил этих ангелочков с цветами вкуче, ни лиловых легких штор из органзы, ни окна в пол... помню, его установку пришлось долго согласовывать, но если мой супруг чего-то хотел...

Увы, окно, как и он сам, остались дома.

Над моей головой покачивался полосатый чулок. Шелковый. С парой дырок на не слишком-то чистой ступне. Перед носом виднелась серебристая гладкая стена, на которой кто-то красным лаком вывел многозначительное «Дик — скотина».

Припомнив события предыдущего дня, я мысленно согласилась с сим постулатом.

И вправду скотина.

Нежити едва не скормил.

Но как бы там ни было, день вчерашний остался в прошлом, а что готовил грядущий?

...поле, не русское, но обыкновенное такое, немалого размаху. Темная земля, утоптанная в камень. Редкая травка. Загоны для скота. Парочка волов, меланхолично жующих сено. И дюжина чумазных ребятишек неопределенного полу. Они, в отличие от скотины, на октоколесер взирали с благоговейным вниманием, но подойти ближе не решались.

Оно и к лучшему.

— В городе мы застрянем. — Грен вертел круглую шляпу с высокой тульей, украшенной алыми и зелеными лентами. — Дорогая Ливи, могу ли я просить тебя о помощи?

Я кивнула.

Город.

Маленький такой средневековый город. Ладно, может, для средневековья и не маленький. Или не совсем средневековый.

— Чудесно...

Красная стена, сложенная из неровных булыжников, метра три в высоту. Бойницы. Пузатые башенки с короной зубцов. Городской вал. Ров. И широкая, но изрядно запыленная дорога, по которой нам предстояло дойти до городских ворот. Ни такси, ни кареты поблизости не наблюдалось. И натруженные накануне ноги противно заныли. А внутренний голос робко поинтересовался, вправду ли я стремлюсь на экскурсию?

Я не стремилась.

Во-первых, ноги действительно болели, а выданные Греном туфли были чересчур велики, пусть тот же Грен и набил длинные носы их ветошью. Во-вторых, туфли были не единственной бедой.

Платье.

Увы, пришло оно в полную негодность. А другой одежды у меня не было. Пожертвованная Тихоном альвинская хламида — национальное одеяние, между прочим, — из тончайшего полотна цвета давленной вишни, конечно, прикрывала мою наготу, но... и для моего мира подобное одеяние было бы эксцентричным, а уж здесь...

В-третьих, мне было страшно.

И любопытно, конечно, но...

— Возьми. — Грен протянул изящную сумочку, расшитую бисером. — Ты, главное, лицо держи...

— Какое?

— Вот такое, — он выпучил глаза и поджал губы. — Лайры...

И тихо добавил:

— К лайре вязаться не станут...

Интересно. Но сумку я взяла, правда, с некоторой опаской. Заглянула внутрь — Грен препятствовать не стал. Пусто... почти пусто. Пара шелковых платков. Расческа, родная сестра той, которую он мне же подарил. Ленты. Заколки. И полдюжины крохотных флаконов.

Пара стражников и не пыталась нас остановить, проводила ошалевшими взглядами. Ну да, полагаю, еще та живописная компания. Ряженный в шелка подгорец. Девица в наряде не то изысканном сверх меры, не то странном. И высоченный альвин в серой кожанке и летном шлеме. В шлеме имелось отверстие для косы, которую Тихон не то украсил, не то утяжелил десятком гаек. В сочетании с курткой, на голое тело наброшенной, получилось весьма... специфично.

Образ довершали круглые летные очки.

На нас оборачивались?

О да! Нас провожали такими взглядами, что становилось неуютно. Иные и пальцами тыкали. Качали головами. И больше всего мне хотелось провалиться под мостовую.

Но, как и было велено, я держала голову.

Леди должна уметь держать лицо.

А город... к моему удивлению, он не сильно отличался от маленьких провинциальных городков моего мира. Да, здесь не было многоэтажных громадин, как не было автомобилей, автобусов и сотворенных из стекла и металла супермаркетов, но в остальном...

Узкие улочки.

Дома, стоящие столь тесно друг к другу, что казалось, будто они — одно огромное, бесконечное строение. Перемычки балконов. Постельное белье, проходя под которым приходилось нагибаться. Кадки с геранью. Кошки и голуби.

Вел Гренморт.

Тихон был молчалив и задумчив. Я... я шла и старалась не слишком вертеть головой по сторонам. Вот толстая неопрятного вида дамочка устроилась стирать прямо на улице. Выволокла бадью, водрузила на табурет и мучит, трет сероватую простынь, успевая переругиваться с соседкой.

Вот пьяноватый мужичок колотит в дверь, требуя впустить его...

...дети кидают в окно камушки, а когда из окна выглядывает хозяйка — страшного вида старуха, — с визгом разбегаются. Дремлет на

солнцепеке собака. И благообразного вида старец взирает на город с высоты балкона, время от времени стряхивая на головы прохожих пепел длинной папироски.

— А... — Я дернула Грена за рукав. — А все города такие?

В этом месте жизнь текла неторопливо. И была размеренной, predetermined. Здесь каждый знал о соседях все и даже больше, а чего не знал — о том догадывался.

— Какие? — Грен огляделся. — А, нет, Ормс — захолустье... но Дику сюда надобно. Дела.

А про то, какие именно, распространяться не стал.

Надеюсь, он не собирается принести меня в жертву на местном погосте. Во-первых, я давно уже не девственница, а для темных дел, если не изменяет память, нужны исключительно девственницы. Во-вторых, сопротивляться стану.

— А мы?

— А мы прогуляемся по рынку... тебе одежки прикупить надобно...

С этим я не стала спорить, но лишь заметила:

— Денег нет.

Но есть украшения, которые я благоразумно прихватила с собой. Все же альвинийские шелка, может, и бесконечно изящны, но чувствую я себя в них голой.

— Не бери в голову, — Грен отмахнулся. — Тихон...

— Здесь беспокойно. — Тихон остановился и повел головой. — Ревность. Кровь. Смерть.

И разрушения.

Очаровательно. Но Грен к этой тираде отнесся с величайшим вниманием.

— Ты видел?

Альвин нахмурился и за ухо себя дернул. Этак он без ушей остаться рискует...

— Здесь беспокойно...

— Да понял я, понял.

— Ливи...

— Глаз с нее не спущу. — Грен дернул меня за руку. — Но ты же понимаешь, девочка не может ходить вот так... благородная лайра...

Он говорил что-то про лайр, про моду провинциальную и стереотипы, в которые альвинийские шелка никак не укладывались, про рынок, продукты и необходимые вещи... и, не смолкая ни на мгновение, упорно тянул меня за собой.

Улочка.

И еще одна.

Похожи друг на друга, что сестрицы-близнецы. Даже белье одинаковое — полотнища простынь, белые паруса рубах и длинные чулки, прихваченные деревянными прищепками.

Но вот очередная улочка вывернулась и вывела нас на рыночную площадь.

— Вот, — Грен распростер руку, — там мы найдем все, что нужно.

Не сомневаюсь. Но я в первое мгновение просто ошалела.

От звуков.

Квохтали куры, верещали поросята, орали люди, и не только, кажется, люди...

От запахов — сразу и навоза, и благовоний, и сдобы свежей, и еще чего-то. Хотелось чихать и кашлять, а дыхание перехватило.

От красок.

Вдали виднелось приземистое здание о дюжине колонн. Перед ним в центре площади вздымался массивный куб постамента, на котором уцелели полторы ноги. А все остальное пространство занимали... дома и домишки, махонькие соломенные шалашики, да и просто разостланные на земле платки. Телеги и тачки. Возки. Люди, которые стояли.

Сидели.

Бродили меж рядов.

Ругались.

Торговались. Просто были...

— Главное, лицо держи, — сказал Грен, подхватывая меня под руку. — И помни, благородную лайру тронуть не посмеют...

— Грен. — Все же мне было крепко не по себе. Я с трудом справилась с приступом паники: никогда не любила толпы, а уж такой — и подавно. — А с чего вы решили, что я... что...

— Лайра?

— Д-да...

Я не называла титула. Титула у меня не было, не считая того, бабкиного, оставленного ею ради великой любви.

— Так по тебе ж видно.

— Видно?

Нет, манеры многое дают, но вот чтобы с ходу...

— Посмотри, — Грен указал на ближнюю бабу, которая сидела, окруженная плетеными корзинками. В одних лежали круглые желтые яйца, в других — редис или вот еще круглые зеленоватые помидоры. — Вот у

нее нет ни капли благородной крови. По вам, людям, сразу видать, кто кем рожден.

Баба как баба.

Широка в кости. Короткошеяя. И лицо такое, грубоватое. Но это еще не повод... или... что я знаю о мире нынешнем?

— А она? — я указала на другую торговку, которая торопливо что-то объясняла крупному мужичку, то и дело выхватывая из корзины то один, то другой пучок трав. Мужичок морщился и покупать не спешил.

— И она... они все...

И эта была крепко сбитой.

Не сказать чтобы некрасивой, но...

То есть я тонка в кости, спасибо бабкиным генам, изящна...

— Твои волосы, — продолжил Грен, осторожно коснувшись косы. — Такие возможны только у лайр... твои глаза...

Ясно.

Фенотип определяет положение в обществе? Идея неоригинальна, но вот впервые сталкиваюсь с реализацией.

— Ты лайра, Оливия, — сказал Грен. — А эти... от осинки не родятся апельсинки. Я не знаю, откуда ты пришла и что случилось там. Захочешь — расскажешь сама...

Вряд ли мне поверят.

А если и поверят, то... лучше быть благородной лайрой с туманной перспективой защиты дальней родни, нежели безвестной попаданкой.

Поэтому помолчу.

— ...но здесь достаточно взгляда, чтобы понять, кто перед тобой.

— Спасибо.

— Идем, — Грен подал руку. — Нас ждут великие дела.

Глава 8

НЕКРОМАНТ И ВЫВЕРТЕНЬ

Жертвы вывертня числом три лежали в городской лечебнице, которая, к величайшему удивлению Ричарда, не только работала, но пребывала в состоянии вполне себе приличном. Располагалась она сразу за особняком градоправителя, занимая невысокое двухэтажное строение весьма скучного вида. Ни тебе колонн, ни ступеней, ни статуй, зато глубокий и тихий подвал, сгодившийся в качестве мертвецкой.

— Первых мы похоронили, — извиняющимся тоном, каковой, как понял Ричард, был для него привычен, произнес Тарис.

Он отчаянно потел, хотя в мертвецкой царил изрядный холод. И отнюдь не благодаря стабилизирующему артефакту. Этот если и работал, то на последнем издыхании, о чем Ричарду немедленно сообщил местный медик и в тоне, который подразумевал, что прямой долг Ричарда — вдохнуть в указанный артефакт если не новую жизнь, то силы.

Сил лишних не было.

Совсем не было.

А надежда, что стражники ошиблись, умерла, стоило лишь взглянуть на тело.

Девушка на оцинкованном столе была нага и при жизни довольно симпатична. Конечно, не лайра, далеко не лайра. Кость широкая. Кожа жестковатая, смуглая и с характерной для южан желтизной.

Осматривать тело не мешали.

Тарис вздыхал, прикладывая то к одному глазу, то к другому платок. Нос он заблаговременно заткнул восковыми шариками и теперь шумно дышал ртом.

А ведь не воняло.

Да и сама мертвецкая была вполне себе прилично устроена.

Сводчатый потолок. Десяток ламп, из которых, правда, активировали две — сами понимаете, господин некромант, в нашем захолустье штатный маг бюджетом не предусмотрен. Массивные ванны с сухим льдом. И пара столов для обмывания.

Тележка с инструментом.

— Ее я не трогал. — Медик, представившийся Ганцем, стоял, скрестив руки на груди.

Ричарду он напоминал богомола. Высокий. Тощий. С непропорционально длинными руками и широкими массивными ладонями. Голова приплюснута, вытянута, глаза навывкате.

— Почему? — Ричард не без труда перевернул тело. — Протокол...

— Все очевидно. А родственникам не объяснишь про протокол... они в Деву верят.

— Даже так?

— Провинция-с, — заметил Ганц, будто это что-то объясняло. Впрочем, да, объясняло. Старые Боги ушли со Старой Империей, как представлялось, безвозвратно. А оказывается, тут, в захолустье, еще верили в Деву Светозарную, которая собирает не только души, но и тела, дабы из старых слепить новые. И душу она разделяет, позволив ей родиться и вырасти вновь.

Как-то так.

Главное, что Дева — это из расширенного курса религиоведения, который Ричард посещал... а он уже и не помнил зачем. Но факт, культ ее считался исчезнувшим, однако вот же...

— Но она все одно повреждена. — Ричард отметил характерные следы захвата на шее. Синюшные полосы. Довольно узко расположенные.

Он примерился.

По его руке.

Почти по его, но все одно тоньше. А его рука для мужской была довольно изящною.

— Одно дело повреждения прижизненные. Дева знает, что не всяк волен над телом своим. И другое — глумление посмертное, — менторским тоном заметил Ганц, который наблюдал за действиями Ричарда с легкой усмешкой.

Мол, и без тебя находились умники.

Да, руки у вывертня были изящны, вот только силы в них хватило, чтобы шею свернуть. И не просто свернуть, еще немного — и голову оторвал бы. Вон как легко двигается, позвонки, надо полагать, раскрошены. А на виске характерная дыра.

Хоботок у вывертня твердый.

Крепкий.

Кость пробивает, что игла. А после высасывает мозговое вещество.

— Бедняжка. — Градоправитель закрыл оба глаза. Складывалось ощущение, что стоял он здесь одной силой воли и сила эта вот-вот иссякнет. — Она была такой милой девочкой...

— Вы были знакомы?

Ричард сунул в дыру палец.

Вскрывать?

И навлечь на свою голову обозленную родню несчастной. Подделать вывертня... нет, бредовая идея. Палец погрузился в нечто желеобразное...

Странно.

— Мозговое вещество, — любезно прокомментировал Ганц, подав серый клоч ткани.

Очень странно. Спугнули? Нет, вывертень высасывает мозг мгновенно. А от тряпки... да, определенно, пахло миндалем. Характерный аромат для слюны вывертня. И значит, слюну он впрыснуть успел, а мозг не выел?

— Арисса была горничной... служила при доме... тихая... вежливая... очень работающая... — Градоправитель покосился на девушку. — Мне так жаль...

— Как это произошло?

Ричард перешел ко второму столу.

Еще одна девушка.

Лет двадцати с виду... и, похоже, благородные здесь отметились. Кость тоньше, пальцы длинные, да и мозолей на руках не наблюдается. Личико чистое, с изящными чертами. Пожалуй, при жизни она была весьма хорошенькой.

Странно.

Ричард обошел стол.

Эту девушку вскрывали, но...

— Арисса попросила выходной... у нее матушка приболела... конечно, это было очень неудобно, оставаться без горничной накануне большого приема... у нас не так много прислуги. И Милия еще выговорила девочке... Милия очень на нее рассчитывала. И Арисса обещала вернуться.

Ричард приподнял свод черепа.

Мозг отсутствовал, а изнутри кость затянула серая сетка застывшей слизи.

Верно.

Вывертень срыгивает в головы жертв слюну. Зачем — непонятно... но это точно он.

Или нет?

Вывертень голоден. И голод утоляет. Он не грызла, у которой один инстинкт — рвать. А тут... шею просто раздавили...

— ...девочка не появилась вовремя. Мы решили, что матушка ее больна серьезно... Милия сказала — уволить, но я... понимаете, мне было

жаль Ариссу. Да и у Милии характер... редко кто оставался в доме больше месяца... Арисса у нас год служила.

— Мейстр Ганц, — позвал Ричард. — Скажите, я верно понял, что эти раны были нанесены после смерти?

— Именно.

— А утром нам сообщили... девочка возвращалась к нам... спешила, наверное... задержалась дома... я так думаю... и спешила... а он ее... подкараулил... я приказал утроить патрули...

Бессмысленно, хотя народ должно успокоить.

Ричард разглядывал узкие длинные раны на спине и плечах горничной. Следы когтей? Очевидно. Но зачем? Рвать мертвую. Бессмысленно.

Глупо.

А вывертней отличает почти нечеловеческий, но разум.

И две жертвы за четыре дня? Выверть был сыт. И понятно, почему он не тронул мозг Ариссы. Но тогда зачем убил? А потом еще и изуродовал мертвое тело? Это было лишено смысла.

На первый взгляд.

И Ричард, глянув на оба тела, неуловимо похожие, принял решение:

— Вскрываюте.

— Благородная лайра, вы просто очаровательны... — У торговца дернулся левый глаз. Надо же, а Грен утверждал, что местные торговцы вовсе совесть утратили. Судя по глазам — не до конца, ибо розовая тряпка с пятью рядами оборок, отделанная ярко-лиловым кружевом и украшенная тремя рядами зеленых пуговиц, сидела криво.

В груди она была тесновата.

На боках — висела.

А подол, несмотря на обилие оборок, был короток. К этому чуду портновского искусства прилагались костяной веер и длинные перчатки с зелеными лампасами. Надо полагать, в цвет пуговиц. Ах да, еще с дюжину нижних юбок.

— Издеваетесь? — я повернулась спиной и вытянула шею, пытаюсь оценить вид сзади.

Бесполезно.

Вырез, отделанный атласными розочками — зелеными и лиловыми, достигал поясницы... нет, чем я думала, соглашаясь примерить такое?

Уже ничем.

Я устала от гомона. От людей, которые норовили схватить меня за рукав, от благовоний — их совали прямо под нос, дабы придирчивый

покупатель в полном объеме оценил крепость аромата. От попыток затащить меня в лавку, где торговали...

Чем тут только не торговали. Восточный базар? О нет, ни шелков, ни золотых украшений, зато в полном объеме скотина, птица и сельхозпродукция. Почти свежее мясо манило полчища мух, рыба не отставала, правда, душок издавала такой — куда там благовониям... Грен же в этой суматохе чувствовал себя если не как рыба в воде, то почти. Он ловко скользил меж торговыми рядами, успевая одновременно и пробу снимать — а пробовать здесь давали охотно, — и словечком-другим перекинуться, и остановиться в одном ему понятных местах.

Вот лавка травника. Точнее, лавкой это назвать сложно. Больше всего сооружение походило на дощатый деревенский клозет. Только со стен и потолка свисали пучки трав, и владелец — благообразный старец — восседал на табурете.

Короткий обмен знаками.

И в глазах старца мелькает интерес.

Короткий торг. Стопка золотых монет, которая отправляется в сумку, в обмен на махонький флакончик из темного стекла.

...еще одна лавка. Не травник, хотя пахнет здесь именно травами. И лавка расположена на первом этаже крохотного домика. Он возвышается над рыночной площадью этакой башней о трех этажах. И хозяйка башни, узколицая женщина с оттопыренной губой, долго разглядывает нас, прежде чем запереть дверь. Снова торг, на сей раз яростный, а у меня — несколько минут отдыха.

Хватает, чтобы разглядеть сумеречный торговый зал.

Пару зеркал.

В одном отражается худенькая брюнетка с безумным взглядом. И в не менее безумном наряде... в остальных — полки со склянками и банками, содержимое которых весьма и весьма разнообразно. Травки... травки мало интересны. Вот сушеная жаба, кажется. И пара коровьих рогов. Или не коровьих? Какие-то мелкие шарики. Козий навоз? Желтый жир... Светлячки? Живые? Суеются, толкутся, бьются о стекло.

Я протянула было руку...

— Не стоит, благородная лайра. — Мои поползновения не остались незамеченными. — Шабру чувствительны к магическим потокам. И весьма дороги.

— Не настолько, как слезы единорога...

— Если это и вправду слезы! — Женщина крутила флакончик, на сей раз прозрачный. — Может, расскажете, любезный, как у вас получилось

заставить эту тварь плакать?

Светлячки облепили банку.

Они ползали, а я... я вдруг ощутила их слабый далекий интерес. Такой знакомый интерес... голодный... как у каюши...

— Я рассказал ему очень грустную историю. — Грен потупился и протянул серебряную иглу. — Можете проверить... за ваш счет.

— С какой это радости?

Светлячки застыли.

Так, я ничего не делала, но если они...

— Или мы уходим. — Грен вытащил флакон из рук хозяйки. — Боже мой, на свете, в розовом корсете; хоть бы в худом, да в голубом... Думаю, найдутся желающие кроме вас... мне вас порекомендовали знающие люди. Выходит, ошиблись.

Это заявление женщину не испугало. А вот меня... что в этом флаконе? Слезы единорога? Буквально? Или же это просто название чего-то... не знаю чего. Местного наркотика?

— А если я стражу кликну?

— Думаю, ей будет очень интересно узнать, для чего вам понадобились не только слезы, но и ведьмина метелка... — Грен указал на склянку с серыми былинками. — Еще, если не ошибся, здесь есть и краснокaменник. А вот там явно кровь. Девственницы-лайры?

Женщина скривилась.

— Отвод глаз? Или просто пользуетесь, что в вашем захолустье нет никого, кто бы разбирался в редких... ингредиентах? — Грен выделил последнее слово. — Поэтому, милочка, не стоит грозиться... а то ж и небо разорится.

— Двадцать империалов.

— Тридцать...

— Двадцать два... они все равно долго не хранятся.

— Двадцать девять. Думаю, вы сегодня же перепродаете их втрое дороже. Или вчетверо? Альвинийский бальзам на слезах единорога... сколько местные красавицы заплатят за то, чтобы повернуть время вспять?

— Двадцать три... в нашем захолустье не так много людей, у которых имеются деньги.

— Двадцать восемь... немного, но вам хватит...

Сошлись на двадцати пяти монетах, и золото вновь же перекочевало ко мне в сумку, а прозрачный флакон достался дамочке...

— Грен. — Когда мы вышли на улицу, я решила спросить. — А что такое с...

Он дернул меня за рукав:

— Не здесь...

— Но...

— Клянусь своей бородой, — за бороду он и дернул, проверяя, крепко ли держится, — ничего плохого мы не делаем...

— А незаконного?

Грен одарил меня укоризненным взглядом.

— Закон что дышло. Куда повернул, так оно и вышло.

...была лавка, забитая товаром разнообразным, от золоченых — или золотых? — подносов до чучел певчих птиц. И старик, дремавший на разостланном коврике... полнотелая женщина в белом фартуке и высоком колпаке...

...и наконец, нынешняя лавка, следовало заметить, весьма богатая.

Каменный дом с узкими окнами. Желтые стеклышки.

Узорчатые решетки.

Ковер на полу.

И платья на деревянных манекенах.

Хозяин лавки, который поспешил навстречу дорогим гостям, беспрестанно кланялся, заверяя, что с нами в скромный дом его заглянуло солнце... нам тотчас подали чай со льдом в запотевших стаканах.

Усадили.

...и дальше начался торг, который все длился и длился. А я, попивая чай — признаться, не отказалась бы я и от нормального обеда, — разглядывала выставленные образцы.

...и то самое, розовое с оборками.

...и куда более приличное лиловое.

...и довольно симпатичное даже черное из переливчатой парчи. Спороть бы еще лишнее кружево, и оборки убрать... оборки, похоже, были в моде.

— Вы душу из меня вынимаете, — со слезой произнес торговец.

— Ну что вы! Душа мне без надобности. То ли дело кошелек...

Я потрогала ткань.

Плотная.

И торг завершился, но лавку мы не покинули. Грен, к огромной радости торговца, чья душа, похоже, именно в кошельке с золотом и обреталась, вспомнил, что мне нужна одежда. И начался... нет, не ад, разве что очень изысканный ад, наполненный батистом, кружевом и бесовками-швеями... они окружили меня, что-то говоря, причем одновременно и громко...

Я просто закрыла глаза.

А когда открыла, обнаружила себя в этом... наряде.

— Нет, — это было первое и единственное слово, которое мне удалось выдать из себя.

— Благородная лайра просто не привыкла к своему облику...

Надеюсь, в этой жизни не наступит момент, когда я привыкну к чему-нибудь подобному. И я решительно повторила:

— Нет.

— Розовый ныне в большой моде... — попытался убедить меня торговец. Интересно, как давно это дивное платье украшает его мастерскую.

— Нет.

— А этот фасон... его шили для благородной лайры Кариссы... — торговец пощупал кружево. — Какие ткани! А строчка... мои девочки ночей не спали...

— Сочувствую. — Я старалась тоном донести как глубину моего сочувствия, так и невозможность дальнейших переговоров. Я уж лучше и дальше в альвинийской рубаше ходить буду. — Отдайте его заказчице.

Лицо торговца исказила печальная гримаса.

— Увы... это невозможно... бедная Карисс... скорпостижно скончалась.

— Какое несчастье, — пробормотала я, избавляясь от платья, для этого понадобилась помощь двух девушек. Нет, если и остальные сделаны по тому же принципу, то... кто будет мне шнуровать корсаж?

Надо заказывать нормальное белье. И не только его.

Знать бы, во что это обойдется...

— Мы все горюем...

Я поверила, что торговец горевал вполне искренне. Не знаю, кем была эта лайра Карисс и от чего она изволила скончаться, но весьма специфический вкус ее ввел несчастного в убытки, и, похоже, немалые.

— Мы можем заказать платья? — Я приняла решение.

Никаких корсажей.

Пуговиц на спине.

И нижних юбок.

Все должно быть просто и строго. Как и подобает если не благородной лайре, то скромной домоправительнице.

Моя, вернее, Тихонова рубаша успела пропылиться и пахла потом. Нет, с одеждой вопрос надо решать. И с обувью.

С бельем.

С тысячей мелочей, которые нужны человеку для нормальной жизни.

— Но... — Торговец прижал облако розового атласа к груди.

— Конечно, — сказал Грен и, подмигнув, заметил: — Если не здесь, то в другом месте. Ормс, конечно, не столица, но и здесь портних хватает... был бы омут, а утопленники найдутся.

В следующие минут десять мне подали бумагу, вполне себе хорошую, пусть и сероватую, но плотную, а к ней — графитовый карандаш. Рисовать худо-бедно я умела, а чтобы набросать рабочую модель, таланта особого не нужно.

Платье домашнее с отложным воротничком.

Кокетка.

Свободная юбка до середины голени длиной. Я видела, местные девицы похожие носят, значит, сильно выделяться не должно.

...и еще одно.

...длинный сарафан.

...пара-тройка блуз свободного кроя.

Юбка-брюки...

— Это для верховой езды? — уточнил торговец, который за моими художествами следил жадно. — Столичная мода?

Я кивнула.

Столица далеко, но... пусть лучше столица, чем мир неведомый или блажь благородной лайры.

Юбка.

И снова юбка, на сей раз узкая, классический карандаш с разрезом сбоку. Что поделать, столичная мода, она такая... странная.

— Вот и все...

Для начала хватит. И не стоит вспоминать собственный мой гардероб, где одних сарафанов было десятка два... за них я заплатила свою цену.

И за туфли.

И за норковый полушубок, подаренный Владом на Рождество... и за... надеюсь, здесь зимы мягкие, потому что шубу я точно не потяну.

— Ты еще кое-что забыла, — заметил Грен. — Нам понадобится платье на выход... лучше два...

— Но...

— Оливия, не спорь... нам понадобится, — он выразительно приподнял брови. И я сдалась. Может, и вправду понадобится. Да и какая женщина в здравом уме от платья откажется?

Простое.

Никаких оборок и атласных роз. Сдержанная красота ампира.

— Столица, — развел руками Грен.
И мы занялись выбором ткани...

...из мертвецкой Ричард выходил в состоянии глубочайшей задумчивости.

Интересная картина складывалась.

Девчонка была беременна. Нет, это с девчонками случается, причем частенько, и порой отнюдь не к радости такое прибавление. В столице-то нравы помягче, да и то... что бы ждало, откажись кавалер жениться? От места отказали бы. Беременные горничные никому не нужны.

Семья?

Если и вправду столь ревностные последователи Старых Богов, то вряд ли нашлось бы в доме их место ублюдку... значит, улица.

А там или приют, которых словом Императора открылось целых три, а после родов — работный дом, ибо Император был не только мудр, но и экономен. А ребенка — в другой приют... Или бордель, а ребенок... что ж, в лучшем случае его бы подкинули к лечебнице. В худшем... худших много.

Нет, быть может, беременность эта к вывертню отношения вовсе не имела, но...

Ричард огляделся.

И вытащил из связки амулетов один — два фазаньих пера с цеолитовой бусиной. Прислушался. Кивнул сам себе и решительно зашагал к рынку.

Грен находился где-то рядом.

И чем ближе Ричард подходил, тем четче определялось направление.

Прямо.

Поворот.

Еще поворот... и прямо... идти вслепую ему не нравилось, но заклятье, сколь он ни бился, не менялось.

Три шага. И снова налево... и понятно, где еще искать этого чудака, как не в модной лавке. К раздражению Ричарда, Грен был не один.

Девушка застыла перед зеркалом, замотанная в несколько слоев тончайшего лилового шелка... ей лиловый был к лицу... и розовый... и на лице этом застыла тоска... а Ричарду в голову пришла одна интересная мысль.

Очень интересная.

— Доброго дня. — Он улыбнулся настолько очаровательно, насколько это вообще возможно с переломанным носом и кривоватым левым

клым. — Рад, что вы здесь.

— Я?

Девушка удивилась.

— Вы выглядите прелестно...

Пожалуй, переборщил. Она насторожилась. Понятно, прежде Ричард вел себя иначе.

— Действительно? — переспросила она, подхватывая ткань над грудью. Ткань была тонкой, а грудь высокой... да и вообще... лайра, ничего не скажешь.

Несправедливо это, когда красота по праву рождения.

С другой стороны, Боги постановили, и Ричарду ли решать, что справедливо, а что нет?

— Нет, — сказал он. — Но нас пригласили к ужину... и было бы неплохо, если бы ты привела себя в порядок.

Девушка исчезла за ширмой, чтобы выйти... Боги милосердные! Что на ней надето? Да это просто... да лучше голой, чем...

— Извините, — ехидно произнесла она и скрестила руки на груди. — Мое платье вчера было испорчено, а Тихоноризель любезно...

О да, чтоб его благородным предкам икалось за такую любезность.

Альвинийский шелк льнул к телу, и ладно бы к костлявому телу Тихона: лицемерие этих мощей вряд ли было способно доставить эстетическое удовольствие кому бы то ни было, но нынешние... линии стоили того, чтобы на них взглянуть.

Линии.

Именно.

Лучше уж думать о кривых линиях и абстрактных окружностях, чем о том, как эти окружности обрисовываются под тонким шелковым полотном... и уж точно не о кружеве, выглядывающем в декольте.

С другой стороны, мысль оформилась.

Окончательно.

— Для провинции сойдет и это...

...еще как сойдет.

Конечно, нехорошо так поступать даже с лайрой, которая, в принципе, пока ничего плохого Ричарду не сделала. Но с другой стороны, вывертень — тварь такая... с него станется затаиться на недельку-другую, а то и на месяц-другой. Месяц в Ормсе не привлекал.

Другие дела имелись.

И вообще, все, что Ричард делает, он делает не для себя, а для общественного блага. Именно...

Глава 9

ЛЕДИ ПРИГЛАШАЮТ К УЖИНУ

Вот то, как на меня смотрели, мне не нравилось. Нет, если бы было в глазах некроманта законное восхищение, я бы поняла и простила. За восхищение в глазах женщина способна простить мужчине если не все, то очень и очень многое.

А этот...

Смотреть смотрит.

Щурится.

Нос переломанный почесывает мизинчиком. И вид такой... вот аккуратно как у кота, который собирается канарейку сожрать и прикидывает, как бы половчей до нее добаться.

Вот гад.

— Туфли другие нужны, — наконец выдал он. — Эй ты... принеси что-нибудь подходящее...

Торговец спорить не решился.

И предо мной появились атласные туфельки с крохотными бантиками. Оно, конечно, стиль не совсем тот, да и подошва у них тонюсенькая, явно не для улицы предназначена, но не в моем положении привередничать.

— И с волосами пусть чего-нибудь сделают...

Тоже мне, умывальников начальник, куаферов командир... но как ни странно, никому и в голову не пришло возражать. Меня усадили, обернули покрывалом...

— Вполне себе... — Ричард милостиво кивнул, а потом обошел меня с одной стороны, с другой... разве что в декольте не заглянул.

— Зубы показать? — поинтересовалась я.

— Не стоит... думаю, нужны будут не они.

Он нарисовал в воздухе загогулину, щелкнул пальцами, и меня обдало жаром, который, впрочем, сменился на холод.

— Так-то лучше... от благородной лайры не может пахнуть, как от старого мерина...

Это он кого тут меринком обозвал? И еще старым? Да я... на себя бы посмотрел, жеребец недоделанный! Но возмущение свое я оставила при себе.

Пахло от меня... розами?

Нет.

Похоже, но нет, запах более терпкий, мужской, кажется... а платье? Платье стало чистым. Не просто чистым — идеально чистым.

Не только оно. Я чувствовала себя так, будто в косметическом салоне побывала. Пыль, пот, раздражение... если верить огромному зеркалу, я была прекрасна, как в лучшие дни нашей с Владом жизни.

Высокая прическа подчеркивала линию шеи. Альвинийские шелка делали фигуру обманчиво хрупкой, каким-то магическим, не иначе, способом не скрывая, но подчеркивая округлости...

Проклятье, этак недолго и в себя влюбиться.

— Погоди. — Ричард тряхнул сумкой, следовало заметить, размеров весьма внушительных. Не знаю, что он там таскает, но... — Нет... не то... не пойдет... ага... вот. — На свет появилось золотое ожерелье из пластин, чем-то напоявшившее мне строгий ошейник. — Примерь.

— Не хочу.

— Я настаиваю. — Этот гад умел улыбаться. — Не дело благородной лайре появляться без украшений. На рынок еще пойдет, а вот в обществе... не поймут.

С чего это вдруг его стало заботить, поймут ли меня в обществе?

В комплекте к золотому ошейнику шли золотые же кандалы, сиречь браслеты. И я еще упрекала Влада в любви к массивным вещам? Да каждый из этих браслетов минимум килограмм весил.

Отказаться не вышло.

Ричард был столь любезен... столь любезен, что мне стало очень и очень не по себе. И я решительно... попыталась избавиться от этой красоты.

— Не спеши, девочка. — Он приобнял меня. Какая утомительная нежность.

И в глаза заглянул.

И улыбнулся так... очаровательно. У меня от этой улыбки прямо мурашки по спине побежали.

— Разве они не прекрасны?

— Что ты задумал? — поинтересовалась я, усилием воли стряхивая некую липкую томность, вдруг меня охватившую. Состояние, что характерно, прежде мне не знакомое.

— Почему я...

— Ричард. — Я ответила не менее очаровательной улыбкой. — Я тебе не нравлюсь. Никак. Ни в золоте. Ни без золота. Я это, если хочешь, шкурой чувствую. И с утра ты...

— Я был не прав...

— Может быть. — Какая женщина способна устоять перед таким убойным аргументом, как признание мужчиной собственной неправоты? У меня вот вышло. — Но я и теперь тебе не нравлюсь. Тогда зачем это все?

Я дернула золотой ошейник, который и не думал расстегиваться. Да и как, если застежка маскировалась под чеканную пластину. Пойди попробуй отыщи ее самостоятельно среди других аналогичных пластин.

Грен наблюдал за нами, покусывая наманикюренный мизинец. И вот было в его взгляде что-то такое... настораживающее.

— Ладно, — сдался Ричард, но плечико мое не выпустил. И поглаживал этак, нежно. Была б мороженым — растаяла бы. — Угадала... мне ты ни в золоте, ни под золотом... но, думаю, произведешь впечатление на одного хорошего человека...

— Да за...

— Тише, — пальцы плечо сдавили.

Не сказать чтобы больно, скорее уж предупреждая.

— Я хочу позлить его жену, и только...

— Зачем?

— Старые счеты...

И плечико отпустил.

Вот и думай... с одной стороны, чувствую шкурой, что не сказал он всей правды. А с другой... мне с ним еще уживаться. Пойду навстречу? Будет обязан. И мнится мне, что этакому ковбою от некромантии хуже нет, чем быть обязанным человеку, которого он, мягко говоря, недолюбливает.

Нет, это еще не месть...

Это просто случай выпал.

— Конечно, дорогой. — Я улыбнулась еще шире и, повинувшись порыву, поцеловала Ричарда в щетинистую щеку. — Для тебя — все что угодно...

У него глаз дернулся. Надеюсь, от радости.

Свечи.

Хрусталь и фарфор.

Шампанское в высоких бокалах. Точнее, фруктовое вино, которое прилично было потреблять дамам. Я и потребляла. Вино было легким.

Общество...

— Ах, ужасно слышать... — Тарис склонился над моей рукой, которую не выпускал, то и дело пытаясь облобызать в знак величайшего ко мне уважения.

Его супруга молчала.

Хмуρο так молчала.

Выразительно.

Могла бы убить... я поежилась и ответила градоправителю очаровательнейшей улыбкой.

— Увы, в жизни случаются огорчения...

...к примеру нынешний ужин. Да меня скоро, плюнув на все этикетки, сожрут в самом что ни на есть буквальном смысле слова. Милия мало что не облизывается.

А начиналось все так чудесно...

Особняк.

Настоящий дворецкий.

Ричард, ради грядущего действия почистивший и собственный костюм, для чего ему пришлось снять кучу безумного вида бижутерии. Как ни странно, но после чистки его одежда стала выглядеть еще более отвратительно. Оказалось, что пыль прикрывает разной величины пятна и выводок мелких дыр у воротничка. Но Ричард, кинув взгляд в зеркало, лишь плечами пожал: мол, сойдет.

И принялся бижутерию цеплять.

Пара серег с перьями.

Каменная бусина на веревочке. Косточка? Кусок оплавленного олова... мы в далеком детстве делали себе талисманы, плавя оловянные ложки в кирпичах, а потом выливая содержимое в песочные ямки. Некоторые и камни кидали.

Да уж...

Подобных странноватого вида вещей у Ричарда было много.

Одни он на шею цеплял.

Другие — прятал в рукавах.

И браслеты отыскиались. И заколки. И некое подобие запонок, правда, сделанных явно из подручных материалов. Наконец он отряхнулся и руку подал.

— Прошу, благородная лайра... а ты, Грен...

— С вами, конечно... — Грен, занятый будто бы созерцанием внутренностей лавки, поднялся. — Тихон, думаю, уже на месте...

Тихон и вправду стоял перед особняком, разглядывая его с печалью в очах. На плече его возлежало массивное нечто, похожее на связку железных труб, в которые безумный инженер воткнул полтора десятка шестеренок и огромный тускло светящийся шар.

— Здесь пахнет злом, — со вздохом произнес он, и я принялась.

Пахло... навозом, тухлою рыбой — на солнце она портилась

моментально. Пирогам. Камнем и солнцем. Городом. А вот злом — нет, не чувствую...

В особняке нас встречали.

Любезно.

Правда, любезности этой хватило ровным счетом до гостиной, где я была представлена невысокому лысоватому мужчине и его супруге. О да... мой внешний облик оценили оба.

Так оценили...

— Лайра Оливия... вы невыразимо прекрасны...

Тарис лепетал какие-то благоглупости про ясные очи, кои сразили его наповал, белую кожу и прекрасную рожу... то есть он выразился иначе, естественно, в изысканно-возвышенном стиле. Каждое произнесенное им слово заставляло Милию поджимать узкие губы.

Белая, она делалась еще белее.

А на щеках вспыхивал болезненный румянец.

— Вы могли бы остаться! — выдохнул Тарис, и нож в руках супруги царапнул фарфоровое блюдо. Звук получился... предупреждающий.

— Увы, но...

— Помилуйте, где это видано, чтобы особа благородная путешествовала в компании...

Он вовремя вспомнил, что вся эта компания ныне восседала за одним столом. Тихон задумчиво рисовал соусом по фарфору. Вместо кисточки он использовал собственный мизинец, и поскольку никто в его сторону не смотрел, я сделала вывод, что местный этикет на альвинов не распространяется.

Или позволяет гостям рисование.

Грен разглядывал столовые приборы.

Ричард меланхолично что-то жевал, притом жевал он с первой минуты и, судя по количеству съеденного, желал немедля компенсировать все предыдущие голодные годы жизни...

— ...безусловно, достойной, но мужской... — вывернулся Тарис.

Не будь он градоправителем.

— Но что станет с вашей репутацией?

Я потупилась, как подобает особе скромной, — а что платье? Увы, в столице ныне мода такая. А все мы покорны веяниям моды. И произнесла:

— Боги не осудят, а люди... пускай. Я не боюсь.

— Неужели? — Милия отложила нож.

И так аккуратно... бережно даже.

— Значит, вы, Оливия, людей не боитесь? Совсем?

Она, опровергая теорию Грена, была нехороша собой. И вот что удивительно, я сама не могла сказать, в чем именно нехороша. Высока.

Тонкокосна.

Черты лица правильные. Пожалуй, слишком правильные.

Рыжие волосы собраны в простой пучок, правда, перевитый жемчужной нитью. И прическа эта ей категорически не идет. Она подчеркивает резкость черт и некоторую излишнюю худобу. Милия выглядит почти изможденной.

— Почему же. — Мне вспомнился Макс. — Некоторых людей стоит бояться, но беда в том, что не всегда можно понять, каких именно...

— Да... вы верно заметили. — Ее улыбка была вымученной. — Не всегда можно... понять... а поняв — простить... извините меня.

Милия поднялась и прикрыла салфеткой фарфоровое блюдо.

Чистое.

К еде она не притронулась. К вину тоже...

— В последнее время я дурно себя чувствую...

— Может, стоит позвать врача?

— Кого? А... вы имеете в виду целителя. — Милия потерла пальцами виски. Она и вправду была очень бледна, до глубоких теней под глазами, до лиловых губ. — Боюсь, мне он не поможет... это мигрени... вас не мучают?

— Нет.

— Тогда вам повезло... Тарис, проследи, чтобы меня не беспокоили...

Она удалилась, а супруг остался на мое несчастье. И теперь, избавившись хоть и на время от второй половины, он совершенно распоясался.

Губы его то и дело касались моей ладони.

И запястья.

И дай волю, облизывал бы руку до локтя... а может, и выше... взгляд Тариса блуждал где-то в области декольте... комплименты становились все более двусмысленными.

— Пожалуй, — я поняла, что еще немного и не выдержу, — нам пора... уже поздно, и я устала...

— Конечно, дорогая. — Тарис с готовностью вскочил. — Я провожу тебя...

— Куда?

Что-то мне слабо верилось, что этот раззолоченный человечек и вправду поведет меня через весь город к пустырю, где тихо и мирно дожидался хозяев октоколесер.

— В твои покои, естественно, — и подмигнул так.

Проклятье!

Я оглянулась.

Ричард жевал.

Грен дремал или делал вид, что дремлет. А Тихон, изрисовав блюдо, принялся за скатерть. И, судя по мечтательно-сосредоточенному виду, в данный момент времени его интересовало лишь это альвинийское, чтоб его, народное творчество.

— Боюсь, я...

Помощи ждать было неоткуда.

— Мы ночуем здесь, — заметил Ричард, с трудом проглотив кусок мяса. — Хозяин был любезен. Предложил. Я согласился.

Только меня забыл предупредить.

— У нас большой дом... — Тарис опять подмигнул: мол, настолько большой, что нам, милая, никто не помешает...

...я очень надеялась, что в этом большом доме отыщется большой канделябр. Или еще что-нибудь, подходящее для беседы с излишне гостеприимным хозяином.

Тихон поднялся.

— Лайра Оливия. — Он подал руку, которую я приняла, не сдержав вздоха облегчения.

Лучше с ним.

А там закроюсь... переночую... а завтра перекинусь парой слов с хозяйкой дома. Сдается, если кто и способен окоротить излишне любвеобильного толстяка, который на меня разве что слюной не капает, то она. А если нет, то буду ночевать в машине.

Там место имеется.

И свой фарфор.

Остальное же как-нибудь...

А покои мне отвели роскошные. Темно-зеленые сдержанные тона. Тяжелые портьеры. Узкие и высокие окна. Крохотный балкончик, с которого открывался вид на город. Правда, смотреть, как оказалось, было не на что.

Темень.

Редкие пятна газовых фонарей. Темные контуры домов.

Запах... свежести ночной и гардений. Азалии в керамических горшках.

Я стояла и смотрела на новый мир.

Мой дом?

Похоже, отныне так... Вернуться? Наверное, если хорошо поискать, то

способ найдется. Как в сказке. Медные сапоги истоптать, железные караваи сгрызть... только не было у меня желания что-то там топтать и грызть. Меня охватила странная апатия.

Я стояла и думала... о чем?

О том, что, по сути своей, мне не к кому возвращаться.

Бабушка? Она умерла.

Влад?

Предал.

И подставил.

Он не мог не понимать, чем для меня обернется его побег. Но ни словом, ни жестом не намекнул о грядущей опасности, не говоря уже о том, чтобы взять меня с собой.

Друзья?

Я внезапно осознала, что как таковых друзей у меня нет. Когда-то давно в детстве имелись, а потом... у каждого свой путь и своя жизнь, в которой нет места приятелям по двору. А новые... Владовы коллеги? Они были мне неприятны. Их жены? Мы встречались. Пили кофе. Обсуждали моду, салоны... глупости какие-то, которые казались мне важными. Ссорились и мирились.

Только это не было дружбой, так, знакомство подходящего круга. И там, дома, я была не менее одинока, чем здесь.

Я обняла себя.

Хватит жалеть. Жалость ничего не изменит. И... и менять следовало там, в прошлом, только это не в моих силах. А что в моих? Использовать второй шанс.

Я использую.

С этой благой мыслью я вернулась в комнату.

Надо сказать, зря.

В низком разлапистом кресле — лапы были грифоньими и когтистыми — меня ждал гость. А ведь дверь я заперла, благо имелаась щеколда.

— Что вы здесь делаете? — я постаралась говорить спокойно.

И встала поближе к камину.

На каминной полке выстроился с десяток бронзовых лошадей, каждая из которых выглядела вполне себе аргументом в грядущем споре.

А спору быть.

— Я сгорал от желания продолжить наше знакомство.

Тарис изволил переодеться.

Бархатный тяжелый халат поверх рубахи смотрелся этакою домашней мантией. А вот колпак на корону вовсе не походил.

— Я не сгорала, — холодно заметила я.

И подумалось, что надо было попросить Тихона избавить меня от ожерелья.

— Ах, милочка, мы с вами наедине. — Тарис вытащил из-за спины пыльную бутылку. — Хватит притворяться...

Бокалы.

И куцая веточка винограда.

— Вы очаровательны. — Он отщипнул виноградинку и, покрутив в пальцах, протянул мне.

— Спасибо. Я сыта.

— Пока сыта... пока, милочка... вопрос, как надолго этого хватит? — Тарис не обиделся. Сунул виноградину в рот и глаза прикрыл. — Ваша история очень душещипательна... благородная особа в затруднительном положении... но в ней много неясностей. Откуда вы появились? Куда направляетесь?

— Не ваше дело.

— Может, и не мое... а может, и мое. Вдруг вы шпионка Шеррада?

— Я?

— Нет, я, конечно, так не думаю... слишком вы уязвимы для шпионки... документов и тех, полагаю, нет? Конечно, кто рискнет спрашивать у благородной лайры бумаги?

Я молчала.

Шантаж?

Не страшно. Не знаю почему, но я не боялась. А вот мерзко — это да... до того мерзко, что тошнота к горлу подступила.

— Но дело даже не в бумагах. Боги с ними, с бумагами... но ведь денег у вас тоже нет. А это уже гораздо, гораздо печальней...

Он причмокнул губами.

А я сделала глубокий вдох. И как быть? Орать? Звать на помощь?

— Не стоит, — махнул рукой Тарис. — Ваши спутники спят... моя супруга тоже не услышит. Ее мигрени — дело такое... когда-то она велела устроить комнату, в которую бы не проникали звуки. Это оказалось очень и очень удобным. Не переживайте, дорогая, я не насильник. Я предпочитаю договариваться.

А пялится по-прежнему в декольте.

— И с вами договоримся...

— Думаете?

— Конечно. — Он оторвал вторую виноградину. — Все очевидно. Лучше обслуживать одного благодарного мужчину, чем троих...

— Что вы себе...

— Правду, милочка. Правду. Если вас еще не оприходовали, то оприходуют в самом ближайшем будущем. Вы же не настолько наивны, чтобы полагать, будто ваш титул чем-то да поможет?

— Убирайтесь.

Он лжет.

Или...

Нет, о таком не стоит думать. Грязь слов, не более того... никто из спутников моих ни словом, ни жестом не дал понять, что...

— Я предлагаю вам достойную жизнь.

Тарис причмокнул.

— Я состоятелен... весьма состоятелен... и способен оценить такую... милую девочку. И быть благодарным за внимание... за понимание... мне так не хватает понимания.

— Уходите.

— Гордая? Люблю гордых... подумай хорошенько, девочка... — Он поднялся и шагнул ко мне. А я отступила к камину. — Пока ты молода и красива... но как надолго хватит твоей молодости и красоты? Это товар. И надо радоваться, что на этот товар нашлись желающие, готовые платить полную цену...

Он вдруг оказался рядом.

Так близко, что я почуяла кисловатый запах его пота. И отвернулась.

Отвернулась бы, если бы позволили. Жесткие пальцы сдавили подбородок, заставили повернуться и посмотреть в глаза.

— Мы можем дружить, девочка... и я хотел бы дружить... очень хотел бы...

Рыхловатая кожа.

Крапины пота. И желтые зубы, которые если и чистили, то давно. Он был не просто некрасив — уродлив. И я, очнувшись от наваждения, стряхнула руку.

— Убирайтесь.

— Подумай, деточка... — Он отступил и облизнулся. — Или не думай... все уже решено.

Глава 10

ЛЕДИ И ВЫВЕРТЕНЬ

Тиха летняя ночь.

Пахнет в кои-то веки не пылью и падалью, а цветами, букеты которых расставлены по дому в огромных вазах. И запах этот, резкий, назойливый, Ричарда раздражает.

Он открыл балконную дверь.

Выглянул.

Город отходил ко сну. Где-то вдалеке лаяли собаки. Редкие газовые фонари силились разогнать темноту, которая здесь, на юге, была особенно плотной. И в ней, казалось, оживает прошлое.

Легко закрыть глаза.

Представить, как все было раньше.

Город, напоенный древней магией. Особняк этот... раньше, надо полагать, он был больше и мрачней, несмотря на белый камень. Он возвышался над площадью, где торговать не смели. Это же святотатство, устраивать торговлю у ног Императора. Какого? Кто стоял на постаменте? Сильван Третий, прозванный Великим? Правда, народная молва его окрестила Кровопийцей, но разве это важно? Сильван присоединил к Империи Побережье, растерев в прах Вольные города. Или это сын его, Аушрен Сильный, взошедший на трон после скоропостижной кончины отца? Сказывали, сыновей у Сильвана было семеро, и предыдущих шестерых он казнил. А вот младшенький успел ударить первым.

Этот долго давил мятежи.

И построил Каратис, прославившийся на весь мир университетом, общественной библиотекой и банями. Был еще, кажется, театр. Но в народе оценили именно бани.

Или Гернарда? Единственная женщина, сумевшая взойти на трон Старой Империи. И прозванная, словно в издевку, добрейшей? Доброты в Гернарде, если верить фактам, не было ни на гран. Кровь она лила легче, чем мужчины... да и не только кровь. Чего стоит чума, насланная на мятежную Тарону? Провинция, некогда процветавшая, обезлюдела.

Зато другие не рискнули бунтовать.

Одно дело армия, а совсем другое — магия старой крови.

Нет, в этом городе, как и во всех прочих, Императора чтили. Так оно

было безопасней... а еще варили меда, катали свечи, плавили жиры и... и не только животные. В темном искусстве крыса никогда не заменит человека.

Тошнота подкатила к горлу, и Ричард мотнул головой, отгоняя призраки прошлого.

Старая Империя.

Забытая.

Уже давно не запретная. К чему запрещать то, о чем остались лишь легенды? А те свитки... ему несказанно повезло, что их не зачистили. Да и умение читать между строк пригодилось.

Туман ползет с северных окраин. Нормально ли это? Ветер... Ричард послунывил палец. Ветер южный, а туман ползет с севера. И, кажется, именно там расположена его цель. Ричард закрыл глаза и перебрал связку амулетов.

Перья сойки и каменный дуб.

Не то. Кости черной кошки с янтарем? Снова не то... оловянное сердце голема... обошлось ему в десять золотых, и то считал удачей: големов ныне почти не осталось. И что с того, что сердце это было лишено силы? Ричард напоил его своей кровью. И привязку сделал.

Хорошая вещица получилась.

Туман был наполнен магией. Нет, не сформированным заклятьем, скорее уж ошметками его... пылевые облака, завихрения, потоки, которые стоило бы стабилизировать.

Интересно.

Безопасно ли? В городе не говорили о тумане. Или о его жертвах. Вывертень вот...

Мысль заставила вздрогнуть и очнуться.

Вывертень?! Как он вообще забыл о том, чего ради явился?! Ричард выругался и сжал в кулаке оплавленный кусок олова. А к нему и кошачьи кости.

Не магия, нет.

Магию Ричард бы почувствовал. И ладно бы амулеты, они не совершенны, но его татуировки предупредили бы о направленном воздействии. Значит, воздействия не было, но... меж тем он испытывал преогромное желание отдохнуть.

Прилечь на кровать.

Мягкую такую кровать... перины... как давно Ричард не спал по-человечески? Чтобы на перинах, чтобы под пуховым одеялом... накрахмаленное до хруста постельное белье. Подушка с легким запахом

лаванды...

Лаванды?

Нет, не лаванды... и верно, не было воздействия прямого, а опосредованное ни один амулет не распознает.

Ричард решительно подошел к вазе и вытащил цветы.

Розы.

Белые, розовые и темно-красные. Смотрится неплохо. Ветви аспарагуса... вполне вписываются в композицию. А вот это что прячется среди колючих ветвей? Тонюсенькие стебельки с невзрачными былинками цветов. И компенсацией за бледность — сладковатый терпкий аромат, так похожий на запах лаванды.

Бирута бледная, в просторечье — забвенница. Хорошая травка для тех, кто бессонницей страдает или нервическими расстройствами. Пара стебельков под подушку — и человек забудет о всех невзгодах, сон его будет крепок и спокоен... а здесь далеко не пара и не в одной вазе.

Случайность?

Ричард усмехнулся и, вытащив из сумки меловой карандаш, начертил на тыльной стороне ладони руну силы. Засыпать он не собирался, но так было надежней...

Он выглянул в коридор.

Прислушался.

Тихо... и вновь же пахнет забвенницей... интересно... к их приходу готовились? Удобный случай, которым грех не воспользоваться?

Он толкнул ближайшую дверь. Конечно. Грен спит и похрапывает... Тихон? Этот не храпит... а темно-то... светильники остались, но один через три и тусклые, словно на последнем издыхании.

Прислуга?

Спит однозначно.

Оливия...

Она дремала, устроившись в кресле, замотавшись в пушистый плед, и выглядела настолько беззащитной, что Ричарду стало совестно. Правда, ненадолго.

Он ткнул Оливию в бок, и она открыла глаза.

— Влад? Я еще немного... рано...

Кто такой Влад?

Имя это Ричарду не понравилось. Абстрактно.

— Просыпайся, — сказал он и добавил шутки ради: — А то поцелую...

В сонных глазах Оливии появилась и окрепла искра разума.

— Это ты?

— А кто такой Влад? — Не то чтобы Ричарду так уж хотелось это знать, но внимание Оливии следовало переключить.

— Не твоё дело. Что ты...

— Вставай. — Ричард стащил покрывало и поднял девушку.

Теплая.

Мягкая.

Пахнет... не забвенницей, что уже хорошо. А об остальном он думать не станет. Хватит с него благородных особ с их игрищами во влюбленность. Ричард уже понял, где его место, и не будет пытаться его изменить.

— У нас есть дело...

— Дело? — Она попыталась вывернуться, но как-то неубедительно.

— Сейчас ты пойдешь и немного прогуляешься...

Говоря по правде, я думала, что не усну после столь приятной беседы. Было мерзко. Гадко. И сам вид кровати — надо сказать, пресолиднейшего ложа с бархатным балдахином — внушал отвращение.

Я сидела в кресле, думая обо всем сразу и ни о чем конкретно.

И сама не заметила, как задремала... снилось мне субботнее утро. Солнце, проникающее сквозь портьеры... вялое раздражение — красота красотой, но спать хотелось... аромат свежего кофе... неотвратимость пробуждения.

Влад.

По субботам он вставал раньше меня.

Я прекрасно знала, что будет дальше. Поднос. Ваза с одиноким цветком... что на этот раз? На прошлой неделе был розовый тюльпан... на позапрошлой — гортензия... еще веточка лаванды...

Две чашки кофе.

Пышная пена.

Рисунок-сердечко... мелочи, в которых виделось мне ежедневное подтверждение нашей любви. Влад закрепит поднос, он всегда был аккуратен. А потом наклонится и на ухо прошепчет...

— Просыпайся. А то поцелую...

...а раньше он целовал.

В щеку.

Я открыла глаза и убедилась, что Влада нет. А есть Ричард в своем безумном наряде. Волосы дыбом. Глаза горят.

— Это ты?

Дурацкий вопрос. Он. Вижу, что он. Только не понимаю, что он тут забыл? И зачем пришел? Сделать еще одно предложение, от которого я не могу отказаться?

— Кто такой Влад? — поинтересовался Ричард. И в голосе послышалось раздражение?

— Не твое дело. Что ты...

Остатки сна растворились в печальной яви. Треклятый некромант не позволил договорить, но решительно сдернул теплое покрывало.

— Вставай. У нас есть дело.

И на руки меня поднял.

Легко так поднял. А я, пусть и гляжусь тщедушной, но вешу пятьдесят пять килограммов. Влад вот утверждал, что носить их не так просто, а он был повыше некроманта и в плечах пошире. И... и вообще, будут меня тут всякие на руках таскать!

— Дело?

— Сейчас ты пойдешь прогуляешься...

— Что?

Гулять? Посреди ночи?

— У тебя бессонница. — Ричард осторожно поставил меня на ноги. И платье, съехавшее с плеча, поправил. Волосы пригладил.

— У меня нет бессонницы...

— А давай представим, что есть? — Он завел прядку за ухо.

— И в приступе бессонницы я гуляю по дому?

В это верилось слабо.

— Ну... может, тебе попить захотелось... и ты искала дорогу на кухню...

Пить мне не хотелось вот никак. Более того, даже если бы меня жажда мучила, я бы после таких уговоров постаралась бы с нею управиться. Что-то все это, мягко говоря, выглядело преподозрительно.

— Ричард, — я старалась говорить ласково-ласково. Мужчины же, что коты, ласку любят. Так моя соседка утверждала, а поскольку замужем она умудрялась побывать раз шесть, то знала, о чем говорила. — Солнышко...

Он явно смутился.

Да уж, солнышко из него, как из меня шпалокладчица.

— Скажи, что ты задумал?

— Я?!

И глаза честные-честные.

— Задумал. — Я села в кресло и обняла себя. — Не отрицай. Кому на этот раз скормить собираешься?

— Не собираюсь!

Получилось почти искренне. Я же молча сунула палец под золотой ошейник.

— Снимешь?

— Нет.

И набычился. Смотрит хмуро. Прикидывает, буду я похожа на несчастную заблудившуюся в местных коридорах девицу, если меня пинком из комнаты выставить.

— И не пытайся, я буду сопротивляться.

Ричард хмыкнул.

— Орать стану... так орать, что всю нежить твою распугаю.

Я, конечно, сомневалась, что нежить здесь столь пуглива, но что еще я могла сделать? Только в кресло вцепиться, а судя по выражению на лице некроманта, он готов был выставить меня за дверь вместе с креслом.

— Поэтому... — Я сделала глубокий вдох. — Рассказывай, что ты задумал.

— Вывертня поймать.

— Кого?

— Вывертня, — повторил Ричард. — Не слышала?

Я покачала головой.

— Может, и к лучшему... Оливия. Это безопасно...

Я приподняла бровь.

— Почти безопасно... — поправился Ричард. — И другого способа нет. Вывертень разумен. И хитер. Он знает, что я здесь, и затаится. На неделю. Месяц... а если он тот, о ком я думаю, то и на год... он и таился. Он матерущий, судя по следам. Но раньше вел себя осторожно. Охотился или за чертой города, или в старых кварталах... тела прятал. А теперь вот осмелел.

— А я при чем?

— Я на тебя манок поставил.

Значит, золотое ожерелье — это отнюдь не забота о моем внешнем виде.

— Но вывертень достаточно разумен, чтобы распознать воздействие... и устоять перед ним. — Ричард присел на корточки и теперь глядел снизу вверх. — Мне пришлось немного его... спровоцировать.

— Милия?

Ричард пожал плечами.

— Может быть, но... вывертень хорошо прячет свою сущность.

Он замолчал.

И я молчала.

Мне предлагают поработать приманкой? Нет, я уже приманка, если этот треклятый манок для нежити болтается на моей шее... отказаться?

Самое разумное.

Потребовать, чтобы Ричард немедленно снял ожерелье? И гордо удалиться... куда? В пыльные объятия Тариса? Или кого-нибудь, ему подобного? Он ведь прав, этот человечиска, у меня нет ничего.

Ни документов.

Ни денег...

— Двадцать пять золотых, — сказала я, подбирая юбки.

— Что?!

— Если ты хочешь, чтобы я помогла, плати.

В конечном счете этот поганец все равно меня использует, так и вправду пусть заплатит. С деньгами я буду чувствовать себя уверенней. Немного.

— Двадцать пять золотых. И я буду гулять по этому дому до рассвета...

— У меня столько нет!

А вот теперь он врет. Это я почуяла явно.

— Найди. Грен одолжит.

— Ты обязана мне помогать...

— Кто сказал?

— Закон Империи!

— Не читала...

Не без труда, но я выдержала исполненный укоризны взгляд. Конечно, я сволочь распоследняя, если не собираюсь пожертвовать своей шкуркой во благо общества бесплатно.

— Пятнадцать, — выдавил Ричард.

— Двадцать четыре...

Торговаться я не любила, но умела. И пусть сие искусство бабушка полагала низким, недостойным истинной леди, но владела им в полной мере. И мне вот пригодилось.

Сошлись на двадцати.

Как мне кажется, по нынешним меркам сумма очень даже неплохая.

— И что мне надо делать?

— Ничего... просто прогуляйся... и главное, Оливия, не надо бояться. Я буду рядом. Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось.

Он сказал это так искренне, что я почти поверила. Но туфли надевать не стала. Если придется бежать, то лучше босиком.

В коридоре было тихо...

— Полночь, да?

Почему-то эта тишина действовала мне на нервы, и вообще сама идея, глобально так сказать, утратила всякую привлекательность.

— Давно прошла. А что?

— Ну... нежить ведь в полночь оживает... — Я цеплялась за наш разговор, как утопающий за соломинку.

— Кто тебе такую глупость сказал? — вполне искренне удивился Ричард. Но удивление не помешало ему подтолкнуть меня в спину. — Иди... и помни, я рядом. Даже если тебе кажется, что я исчез, я рядом...

Ага...

Рядом.

Близко.

Или далеко? Дверь закрылась, отсекая меня от относительно безопасной комнаты. То есть умом я понимала, что безопасного в ней ничего нет, что если, несмотря на наличие засова, градоправитель проник, то и вывертень сможет, но...

— Куда идти? — шепотом спросила я темноту.

— Прямо. Все время прямо. В хозяйское крыло...

Голос Ричарда звучал рядом, но я его не видела.

Обернулась.

За спиной никого.

Коридор пуст. И темен. Редкие фонари, надо полагать, магией заряженные, только сгущают тени. И в каждой мне мерещится... так, Оливия, надо успокоиться. Взять себя в руки.

И вести так, как положено вести жертве обыкновенной беспечной.

Плечи распрямить.

Улыбочку изобразить... у меня бессонница... бессонница, я сказала... и потому я решила ее развеять. Прогуляться. Раз сада нет, то хотя бы по особняку... вот на картины поглядеть... правда, какие-то мрачные, сплошь батальные полотна... или вот кто-то над кем-то склонился. Впотьмах не разобрать, кто это...

— Моя прапрапрабабка, — раздался вдруг низкий голос, и я подпрыгнула.

— Вы?

— Простите, но вы говорили вслух.

В белой рубашке и крылатой тяжелой шали Милия походила на привидение, но отнюдь не доброе и симпатичное.

— А это ее супруг... он продался Шерраду и устроил заговор против

Императора, — Милия поправила шаль. — Узнав об этом, она сама поднесла ему чашу с ядом. А после сидела у постели... она очень его любила.

— Но Императора любила больше?

— У нее было шестеро детей. Если бы заговор открылся, в живых не оставили бы никого. В Старой Империи были свои законы... в знак благодарности Император послал своего живописца, чтобы он запечатлел бессмертный подвиг...

...а заодно напоминание о предательстве. Страшный выбор. Муж или дети...

— Она прожила еще шесть лет, пока старший из сыновей не вошел в возраст наследования. А затем покончила с собой.

— Ужасно.

— Вы так полагаете? — Милия смотрела на меня, и было в ее глазах что-то такое...

Предвкушение обеда?

Или у нежити это завтрак?

— Наш род всегда хранил верность Императору. И после того, как старая династия пала, об этом не забыли... увы, мой предок отказался признавать Ублюдка. И об этом тоже не забыли. Мы лишились почти всего, а то, что осталось, постепенно уходило... и я последняя в роду.

— Мне жаль.

В темноте она казалась почти красивой.

— Мне тоже, — ответила Милия. — Мой муж уже приходил к вам?

— Я...

— Приходил. Низкий человек, но богатый... мой отец всего-навсего хотел достойной жизни для меня и моих детей, потому и согласился на этот брак. И видит Мастер, лучше бы я осталась старой девой. В нищете нет позора...

Она повернулась спиной.

— Погодите. — Не знаю, что меня заставило пойти за этой женщиной. — Я... я не собираюсь становиться его любовницей!

— Тогда вам лучше уехать, и поскорей.

— Но...

Договорить мы не успели.

Я скорее ощутила присутствие твари, чем увидела ее. Стало... стало иначе. Не холодней. Не темней, просто иначе. Сердце оборвалось. А потом вдруг застучало в сумасшедшем ритме. Меня захлестнуло иррациональное желание бежать.

Прятаться.

Но я не смогла и шага сделать. Единственное, на что меняхватило, — вцепиться в руку Милии, такую теплую... человеческую.

То, что шло по коридору, вряд ли можно было назвать человеком, скорее уж оно было человекообразно. Вытянутая, словно дыня, голова, которая сидела на тонкой шее. Узкие плечи. Длинные руки, почти касавшиеся земли. Тонкие пальцы шевелились, будто тварь играла на невидимых струнах. Горбатая спина, раздутая грудная клетка...

Она остановилась.

Тварь разглядывала нас.

А мы — ее.

Бледная шкура, обвисавшая на шее многочисленными складками. Красные глаза. Прорези носа. И длинный завиток на месте рта.

— Вот и все. — Милия облизала сухие губы. — Уходите. Он пришел не за вами...

Она выше подняла голову.

И улыбнулась.

Самоубийственная храбрость. Я вот подобною не отличалась. И потому сделала единственное, что могла в данной ситуации: завизжала.

А голос у меня был хороший.

Очень хороший.

Оперный.

И верхние ноты я брала легко... меня и в консерваторию приглашали, но, увы, оперная певица — это не для леди...

...Ричард знал, что женщины нежить недолюбливают. Нет, это логично, сложно было бы найти того, кто нежить любил или хотя бы симпатию испытывал. Но вот женщины... обмороки.

Крики.

Визг.

В первые мгновения и Оливия, и Милия, на чье присутствие Ричард не рассчитывал, замерли. И вывертень остановился, приподнялся, позволяя разглядеть себя во всей красе. И вновь удивительно... ишь, разожрался. Спинной гребень в три ряда. Шейных складок не менее семи...

Дыхальца открыты.

Вбирают воздух и запахи жертвы.

Ричард замер. Если тварь почует и охотника, она сгинет. Вывертни не только хитры, но и не по-человечески быстры.

Расширились носовые щели... но вывертню изрядно должен был

мешать цветочный аромат. И он тряхнул головой, защелкал и, приподнявшись на передних конечностях, выпятил грудь.

Милия судорожно вздохнула.

Бежать она не станет. Не та порода. Защищаться... нечем, хотя, конечно, странно. В ее роду — и чтобы не осталось самого захудалого защитного артефакта? Или... впрочем, с этим Ричард разберется позже. Он пошевелил пальцами, высвобождая плетение-сеть.

А вывертень присел. Спина выгнулась, распрямились гребни... руки разошлись.

Атакующая поза. Почти по учебнику.

Второе заклятье медленно наливалось силой.

И когда почти оформилось, Оливия завизжала... о нет, это был не просто визг. От этого звука шарахнулись тени, задребезжали стекла в древних рамах, а пара светляков, мигнув, погасла. И вывертень, присевший, упал, распластался на полу...

...а ведь слух у твари тонкий.

И в этот момент Ричард почти ей сочувствовал. Настолько, насколько вообще был способен сочувствовать подобным...

Оливия же, схватив ближайшую вазу, швырнула ее в вывертня. При том визжать она не переставала... как ей воздуха хватает? Звук сделался тоньше. Выше... и стекло в ближайшем окне рассыпалось мелкой пылью...

Тварь шарахнулась, уходя от удара, и взлетела по стене. Острые когти с легкостью пробили деревянные панели. Зависнув вниз головой, вывертень возмущенно заверещал: приличным жертвам полагалось цепенеть и падать в обморок, а эти...

— Ах ты... — Оливия перевела дух и потянулась за второй вазой. И Ричард понял, что, если не начнет действовать, тварь точно уйдет.

И затаится.

Она, конечно, нежить, но и у нежити есть нервы.

Он скинул истончившийся полог и швырнул в вывертня ком ловчей сети. Нити силы распрямились, чтобы, столкнувшись с преградой, эту преграду облепить, опутать... тварь свалилась с потолка, но в полете умудрилась перекрутиться. Она билась в сетях, оставляя ошметки оплавленной шкуры, и нити силы трещали.

Воняло паленым.

И дерьмом.

Открыла было рот Оливия... но Милия успела раньше.

Скрещенные пальцы.

И слово.

Короткое Слово, произнесенное на запретном языке. И тварь вдруг затихла, обмякла... а в следующее мгновенье собственная сеть Ричарда судорожно сжалась, разрезая вялое тело вывертня на куски...

Глава 11

ЛЕДИ И ЛЕДИ

Леди не...

Леди много чего не делают. Не ковыряют пальцами в носу. Не копаются в грязи. Не обзывают мальчишек нехорошими словами... и не только мальчишек.

Не устраивают истерик.

Не плачут на людях.

И вообще... единственное, дозволенное проявление чувств: обморок. Да и то, полагаю, исключительно в силу невозможности справиться с обмороком усилием воли. Я и не пыталась.

Тварь.

Сеть, свившаяся из ничего... и шипение, и вонь, и куски шкуры... черное, как деготь, пятно, которое расплзлось... и Милия.

Я не поняла, что именно она сделала, но знала — это из-за нее тварь разрезало на куски. И голова, вытянутая, словно дыня, голова покатила к моим ногам...

Вот тогда-то сознание меня и покинуло.

А вернулось...

— И давно вы догадались? — голос Ричарда звучал где-то рядом.

— Недавно.

Это Милия.

И она тоже где-то рядом, но дальше, левее Ричарда.

— Когда не стало этой девочки... она была влюблена в него. Глупышка... никогда не понимала этого. — Милия бесконечно устала, если позволила отразиться этой усталости в голосе. — Любовь, заставляющая забыть обо всем... чушь...

— Вы мужа не любили.

Это прозвучало обвинением, и Милия спокойно ответила:

— Было время, когда я испытывала к нему симпатию. Отец постарался. Мы жили... древний род, родовое гнездо, где пауков больше, чем людей... какие люди? Я, отец и моя нянюшка, которая осталась, потому что идти ей было некуда. Я бесприданница. Хорошей крови? Кому это сейчас интересно. Вы забыли о том, на что способна правильная кровь.

Я не спешила открывать глаза.

Быть может, конечно, и нехорошо подслушивать чужие беседы, но вот слишком мало я знаю о нынешнем мире, чтобы выжить. А спрашивать не у кого. Вот и будем собирать информацию иначе.

— И когда Тарис попросил моей руки, отец согласился. И меня убедил. Как же... молод, относительно красив для простолюдина... тогда он и вправду был симпатичен, без лысины и живота. Состоятелен. И любит меня... правда, в последнем отец ошибся. Тарис любил женщин в принципе, но паче женщин — власть.

Я сосредоточилась на ощущениях.

Лежу.

Это понятно. Где лежу? На чем-то мягком... приятно пахнущем... ладно, потом посмотрим.

— Брак со мной упрочил его положение. И когда старый градоправитель умер...

— Сам?

— Не знаю. Кажется, это был несчастный случай... поймите, тогда меня интересовало совсем другое. Каюсь, была глупа, но... мне было шестнадцать. И все шестнадцать лет я провела в холодной дыре, развлекаясь перешиванием прабабкиных платьев. А теперь к моим услугам были лучшие портные города... балы, вечера... о да, я всецело отдалась этой новой жизни. Я даже по-своему полюбила мужа, который эту жизнь обеспечивал. Помилуйте, да у меня впервые появились украшения!

— И вам не было дела до градоправителя.

— Именно... определенно, это был несчастный случай... его завалило... или утонул в реке? Простите, не помню. Главное, что Тарис занял это место... выкупил дом. Я стала самой известной дамой в городе. И этим гордилась.

Зачесалась пятка.

И руку мою кто-то держал... вот крепко так держал. Ричард?

Вряд ли Милия, ей-то точно не за чем... а Ричард? Пульс проверяет? Иной причины я не видела.

— Несколько лет я была счастлива... единственное, у меня не получалось забеременеть. Тариса это... огорчало.

Пауза.

И тихий голос Ричарда:

— Вывертни не способны завести потомство. В обычном смысле. Они... обоеполы. И когда приходит срок, создают гнездо. Охотятся, но жертв не убивают. Стаскивают их в тихое место...

— Прошу прощения. — Милия прервала рассказ, за что я была ей

весьма благодарна. — Но это не то знание, которого мне не хватает для полного счастья.

Вот уж верно.

Я мысленно ее поблагодарила. Мое живое воображение и без того дорисовало, что именно вывертень способен сотворить с беззащитными людьми...

— Извините, лайра... значит, вы просто жили? И никаких признаков?

— А какие должны были быть признаки? Тарис... он был обыкновенным человеком. Пожалуй, чересчур любвеобильным. И как ни странно, но ему отвечали взаимностью. Я не понимала! Нет, я не желала понимать.

Я все-таки решилась открыть глаза.

Где я?

Полагаю, в личных покоях Милии. Ей к лицу лиловый.

Обои в узкую полоску.

Плотные гардины. Низкая мебель, выглядящая несколько тяжеловесной, но не лишенная очарования. И Милия в стеганом халате. Она сидит на кресле, словно на троне. Прямая спина. Горделивая посадка головы. Руки на подлокотниках кресла.

И халат — чем не мантия.

— Оливия, — она обратила внимание на меня. — Вам лучше?

— Да, благодарю.

Я лежала на кушетке. А Ричард сидел рядом и за руку держал. Правда, стоило глянуть на него, как руку он моментально разжал и пересел на низенькую скамеечку. Вообще-то она для ног предназначена была, но некромант устроился на ней, что кур на насесте.

Если ему удобно, то и пускай.

Я села.

— Я предлагала воспользоваться нюхательными солями, но ваш спутник отказался.

Что ж, за это я была ему весьма благодарна.

Нюхательные соли были у моей бабушки, уж не знаю, где она их доставала в Советском Союзе, но воняли они изрядно. Запах из тех, что и мертвого подымет.

— Вы многое слышали? Впрочем, не важно... наш брак разваливался. День за днем, год за годом... Тарис... уделял внимание другим женщинам. И с каждым годом все меньше заботился о моих чувствах. Если поначалу он как-то скрывал свои романы, то в последние годы...

Она махнула рукой:

— Вас интересует не это...

— Почему же. — Ричард поерзал, все же скамеечка была узенькой и жесткой. — Полагаю, вы не единожды высказывали свое недовольство...

— Как утром?

— Да.

— У меня случаются... приступы... это нервное. Доктор прописал капли, но мне от них дурно становится, — признала Милия. — И да, я позволила себе быть несдержанной, но...

— Он ведь давно к вам не заглядывал?

— Что?

— Ваш муж. Отношения между вами давно стали... скажем, платоническими? — Ричард щелкнул пальцами.

— Да что вы себе...

— Милия, — теперь он говорил спокойно, но жестко. — Вы сами упомянули о крови. И вы, лучше, чем кто бы то ни было, должны знать о ее свойствах. Вам нужна... телесная любовь.

Надо же, как изысканно он выразился. Телесная любовь...

— Ныне принято считать, что лайры Старой Империи были несколько...

— Распущенны? — Милия приподняла бровь. — И вы полагаете...

— Я не полагаю, я знаю. Сила требует выхода. Заприте ее, и она сожжет вас. А постель — это лучший способ сбросить напряжение.

Милия посмотрела на меня. А я... что я? Я кивнула. Мол, воздержание длительное — оно только в монастырях хорошо, а нормального человека и до ручки довести способно.

— Муж вас игнорировал, а завести любовника гордость не позволяла. Верно? Капли ваши опийные лишь усугубляли положение. Вы сделались нервными. Истеричны, уж простите за прямоту...

Милия лишь поджала губы.

— Вы сами не способны были контролировать свои чувства, хотя, полагаю, искренне пытались. Но совладать со вспышками гнева не под силу и лучшим из нас...

Ага, как он мило...

Милия нахмурилась, но ненадолго.

— Ваш супруг, полагаю, все же по-своему был к вам привязан, если не избавился раньше, но... постоянные скандалы кого угодно доведут.

— То есть я сама виновата?

— Не вы. Ваша кровь. С такой не играют. Как бы там ни было, но ваш супруг устал. И решил избавиться от вас. Но как это сделать, не попав под

подозрение? Вызвать вторую свою суть.

Ричард поерзал и сполз со скамеечки на ковер. Он сел, скрестив ноги, и подпер щеку кулаком.

— Полагаю, он стал тем, кем стал, довольно давно... личинку отложили в уже взрослого человека, который был достаточно силен, чтобы выжить. И принять изменения. Многие сходят с ума... не суть важно. Главное, что он ведь часто в разъездах бывал?

— Да.

— И возвращался всегда довольный, успокоенный?

— Да.

— А перед отъездом, напротив, был нервозен и зол?

Милия кивнула.

— Вывертню нужна еда. Не так часто, как другим тварям, но нужна... Тарис был достаточно разумен, чтобы не охотиться в своем городе. К чему привлекать внимание? А вот за городом людей хватало. На дорогах не так и спокойно, и если исчезнет пара-тройка бродяг, кому будет до этого дело? Городская тюрьма, опять же, чем не неиссякаемый источник еды. Главное, обставить все разумно. Тарис своей волей отпускал воров и прочую мелочовку... его считали милосердным, да...

— Вы сразу поняли, что это он?

— Не сразу, — Ричард глянул на меня. И взгляд был такой, виноватый... — Но меня, скажем так, очень удивило, что тварь, которая так долго скрывала свое существование, позволила людям узнать о себе. Сначала я думал, что вывертень молод, вот и голод его ведет впереди разума. Но в мертвецкой... пробои были крупными. А значит, и тварь тоже. Захват, опять же... и то, как он подчистил первую девушку. Нет, это сделал матерый зверь... но если так, то почему он испортил тело? Не из опасения ли, что обыкновенную дыру пропустят? Возможно, жертва была не первой и не второй. А тут... это как на площади проорать, что он существует.

Ричард потер кривую переносицу:

— Разве что ему было нужно, чтобы вывертень появился... и не просто появился, но убивал часто и много. Зачем? Затем, что если он кого-то убьет, то... вот, скажем, взять вас. Вы дама благородная, уважаемая. Случись вам умереть, расследование начнется. Если, конечно, причина вашей смерти не будет очевидна всем. А что может быть очевидней нападения вывертня?

Тоже мне, Шерлок...

А раньше мне он рассказать не мог?

— После вашей смерти Тарис бы огорчился. И устроил бы облаву... и

написал бы гневное письмо в Империю... но вывертня не нашли бы. Так ему казалось. Мы все думаем, что умнее окружающих. Мое появление несколько спутало планы. Нет, Тарис послал прошение, но он знал, что некромант явится недели через две, если не позже. К этому времени можно было бы объявить, что тварь ушла... скажем, облава ее спугнула. Некромант был бы зол, конечно, но что взять со скромного градоправителя, которому невдомек, как надо охотиться на вывертней.

— Но некромант появился раньше... — Милия произнесла задумчиво. — Почему он все же решился?

И я кивнула.

Странно.

Вот явились по твою душу, если, конечно, у нежити душа имеется. Так сиди себе тихонько. Погоди, пока уедет гость незваный, а там уже и воплощай коварные планы в жизнь. Зачем же танком переть? Ричард усмехнулся.

— Во-первых, самоуверенность сыграла злую шутку. Он привык считать себя неуловимым. Самым сильным. Самым хитрым. Во-вторых, та девушка... его разозлила. Она была беременна, вы знали?

— Нет.

— Полагаю, она спала не только с вашим мужем, а когда поняла, что беременна, решила выбрать ребенку правильного отца. Она ведь не знала, что вывертни бесплодны. Тарис же, полагаю, был в курсе этой небольшой особенности. И понял, что его, такого умного, обманывали... это разозлило. А злость бесследно не проходит, да...

Ричард замолчал.

Вздыхнул.

И признался:

— Было еще кое-что... манок... вывертень и человек сосуществуют в одном теле. Но манок зовет именно сущность вывертня. Вытаскивает ее наружу. Это как огонь для ночного мотылька. Зову можно противостоять, но это если есть желание. А у вашего супруга желания не было... точнее, последнее у него отбила Оливия, когда отказала ему.

— Даже так? — Взгляд, которым меня одарила Милия, был далек от признательного. Так смотрят на подобранную шавку, которой, вместо благодарности к хозяевам, вздумалось зубы скалить.

— Он ведь был самолюбив, верно? Оливия дразнила... она была рядом, но недоступна... человеческая часть была возбуждена, взбудоражена и утратила контроль над тварью. А дальше... дальше вы объясните мне, что произошло.

— Ничего. — Милия щелкнула пальцами. — Я лишь помогла вам справиться с опасной тварью. Исполнила свой долг перед Императором, как и подобает скромной подданной...

...мне вспомнилась та картина.

Только вот... представляется, что Милия не собирается уходить вслед за мужем.

Я не ошиблась.

Утро.

Солнце в окна. Птички поют... хотя нет, не поют и не птички: шумит рыночная толпа. И я, стоя на балкончике, вновь смотрю на город. В свете солнечного дня он кажется таким... убогим? Низкие домишки с плоскими крышами. Улочки извиваются.

Пыль.

Пустота.

И плакать охота. Сейчас бы пасть на чью-нибудь героическую грудь и оросить ее слезами горячими... бредовые мысли. Надо бы к завтраку спуститься. Мыслится, что произошедшее ночью не является достаточно веской причиной, чтобы этот завтрак отменять.

Но...

Не хочу.

Милия, Ричард... вчера он проводил меня до моих апартаментов и даже любезно пожелал спокойной ночи. Издевался, не иначе. Я уснула лишь на рассвете, и то не то чтобы уснула, скорее уж провалилась в полузабытье.

К завтраку я все же вышла.

Облачилась в единственное пока свое платье. Плеснула холодной водой в лицо, надеясь, что нынешняя бледность вполне себе аристократична. Спину выпрямила.

Голову подняла.

— Бесконечно рада видеть вас в добром здравии. — Милия улыбнулась.

Почти искренне.

Почти любезно.

Сегодня она выглядела иначе, да... что изменилось? Ей к лицу строгий наряд темно-зеленого цвета. Местный траур? Похоже на то. Ни кружев. Ни оборок. Ни иных украшений. Гладкая переливчатая ткань сама по себе прекрасна. Как и шитье черной нитью.

Волосы забраны в пучок.

В ушах — серьги из какого-то черного металла.

На шее — полупрозрачная лента.

— И я рада... — Я присела. — Как вы...

— Женщины в моем роду всегда отличались немалою выдержкой. —

Милия аккуратно разрезала вафлю на махонькие кусочки, каждый из которых прожевывала тщательно, будто не было в мире занятия важнее. — Конечно, пойдут слухи... бедный Тарис погиб, защищая меня...

— Что?

Темные глаза блеснули.

— Градоправитель не может быть нежитью, — спокойно сказала Милия, накалывая на вилку мягкий кусочек вафли. — Это подорвет доверие к власти. А вот героически погибнуть, защищая честь и жизнь любимой жены...

Ее губы тронула улыбка.

— Извините...

— Я буду вам очень благодарна, если иное вы оставите при себе, — спокойно сказала Милия.

— Но...

— Оливия, вы ведь позволите называть вас так? Вам, конечно, это кажется ужасным... скрыть правду... но кому она нужна? Вывертень уничтожен, это факт. И останки его будут выставлены на площади. Это тоже факт. Как и урна с прахом моего дорогого супруга, благодаря которому и удалось задержать тварь.

Кружевной платочек скользнул по сухой щеке.

— Скорбь вам стоит отрепетировать, — не удержалась я.

— Всенепременно. Благодарю.

— Значит, правда не нужна? А как же родственники тех девушек...

— Вывертень мертв. Этого достаточно, чтобы родственники успокоились. В остальном же... правда? Будет скандал — и такой, каких здесь не случалось со времен Отречения...

Это еще что за дата? Нет, мне срочно нужен учебник истории. И географии. И вообще...

— Меня, скорее всего, возьмут под стражу, даже если я не виновна, а я клянусь кровью своей, что не виновна. — Милия отложила нож и вилку. — Кто в это поверит? Нет, Императору проще будет казнить меня как соучастницу...

— За что?

— Не «за что», а зачем. Чтобы успокоить возмущенный народ. И чтобы раз и навсегда избавиться от мятежного рода... мы ведь так и не

принесли присягу... — Она постучала ногтем по столу. — Мы с вами не враги, Оливия. И я понимаю, что вы смущены и растеряны... не знаю, что с вами приключилось. Уж извините, ваша история выглядит несколько... натянутой. Но я могу вам помочь.

— Чем?

— К примеру, — она сложила салфетку, — выправив бумаги. Что вы смотрите? У меня есть все ключи, в том числе от кабинета Тариса. И я знаю, где лежит городская печать. И я сумею ей воспользоваться. Моя кровь дает некоторые преимущества...

Бумаги — это хорошо.

Очень хорошо.

Плохо, что меня пытаются купить...

— Затем, полагаю, в деньгах вы нуждаетесь. Это тоже поправимо... две тысячи империалов.

— Сколько?

— Три? Четыре? Пять? — Милия наблюдала за мной с насмешкой. — Десять устроит? Я выпишу чеки. Отделения подгорного банка есть в каждом городе. Если же предпочитаете наличные...

— Вы меня покупаете?

— Я с вами договариваюсь.

— Но ведь не только я... знаю...

— Ричард? Этот милый мальчик оказался куда менее упрям...

...и более сговорчив, сиречь продажен?

— А где он?

— На кладбище.

Выжидательный взгляд. И я пожимаю плечами: сама понятия не имею, что именно ему понадобилось. Но всенепременно спрошу. Кладбище? После сегодняшней ночи кладбища меня не пугают.

— ...я разрешила действовать по своему усмотрению.

— А вы...

— Печать, дорогая. Малая Императорская печать, которая есть воплощенный символ власти... полагаю, когда Его Величество соизволит снизойти до проблем малого городка, он пришлет наместника. А пока мне придется взвалить на свои плечи все бремя власти.

Что ж, плечи эти пусть и отличаются худобой, но, думаю, бремя власти выдержат.

— Так как, Оливия?

Как?

Не знаю.

Мне нужны были деньги. И документы. И... и чувствовалось, что кроме пряника в широких рукавах — руки Милии казались тонкими и бледными — спрятан и кнут. Но... соглашусь? И что изменится? Тварь ведь и вправду мертва. А Милия жива.

И другие живы.

И...

Я вздохнула.

— Это ведь не... причинит вреда?

— Кому? — насмешливо приподнятая бровь.

— Не знаю. Кому-нибудь...

— Кому-нибудь точно не причинит... так наличные или векселя?

Глава 12

НЕКРОМАНТ И КЛАДБИЩЕ

На местном погосте пахло полынью.

В полыни стрекотали сверчки. Где-то далеко надрывался соловей, и вообще было на редкость благостно. Правда, Ричарда сия благостность не способна была обмануть. Он отпустил извозчика, который, узнав, куда направляется честный каро, замолчал, и сделался хмур, и ныне поспешил убраться.

Назад пешком?

Ничего. До города всего-то мили две.

А пока... солнце поднялось. Еще пару часов — и припекать станет, что хорошо, нежить в такую погоду предпочитает прогулкам на свежем воздухе уют и прохладу старых склепов.

Ричард повязал на волосы косынку.

Размял руки.

Огляделся.

Кладбище заложили на вершине холма. Интересно, естественного он происхождения или же очередной древний курган, насыпанный поверх истлевших костей. Ричард читал исследования Тельзора Благого. Теория его о древнем народе великанов была более чем интересна.

Как теория.

Кости те не хранили в себе ни капли магии.

Кладбище спало. Опоясанное стеной из белого заговоренного кирпича — Старая Империя знала толк в защите, — оно дышало обманчивым покоем. Но стоило отворить крохотную калитку — Милия была столь любезна, что предоставила оригинальный ключ, — и все изменилось.

Смолкли сверчки.

Соловей остался где-то вовне. Ударил по ушам гулкая настороженная тишина.

И Ричард остановился.

В шаге от калитки.

Прислушался.

Он всегда умел слышать больше, чем другие. И тишина, неестественная, тяжелая, не была тому помехой.

Вдох.

К запаху полыни добавляется влажный, тяжелый — старого камня. И желтого лишайника, круги которого расползаются на надгробиях... гниющего дерева. Костей.

Кости?

Разрытые могилы... и значит, затаился где-то гуль-мертвоед, который и живым-то не побрезгует. Если один, то выбраться не рискнет. Со стаей... со стаей в одиночку лучше не встречаться. Но запах не сильный, а значит, могил разрыто не так и много. Стая давно бы перекопала кладбище.

Гуля Ричард вычистит.

Несложно.

Что еще?

Силовые потоки... темные пятна провалов. Личинки упырей? Или уже почти взрослые особи, только ослабевшие в запертом этом контуре? Ричард сделал отметки про себя. Упыри или нет, но поработать придется... темно-лиловое пятно.

Гуль?

Похоже на то. Здоровый или... самка? Тогда тем более убрать надо, пока не разродилась. Гули растут быстро, а взрослые способны изгородь подкопать. Для них заговоренный кирпич не преграда. Что еще? Потоки, расползаясь по кладбищу, доходили до ограды, свивались, что ручьи в реку, а река, сделав почетный круг — у калитки она образовывала небольшое завихрение, — устремлялась к центру.

К храму?

Ричард открыл глаза и поморщился. Солнечный свет показался неожиданно резким. Да и к обыкновенному зрению следовало привыкнуть.

В нем, в обыкновенном, и кладбище было... обыкновенным.

Полынь и крапива. Травы. Звездчатка-могильница на старых камнях. Иные вовсе лишайником заросли, не различить ни имен, ни эпитафий. Другие поднимаются из пышных моховых шуб. Третьи просели, утонули в жирной земле, что в болоте...

Могилы...

Разные.

Простые, с темными кругляшами надгробных камней. Под такими в Старой Империи хоронили обыкновенных горожан, если хватало у них денег на приличный погост. А нет, то и... да, гуля, пожалуй, стоит поискать в дальней канаве, которая по сути своей одна сплошная могила для городской бедноты.

Вот камни высокие.

И не простой гранит, а темный, абисский... такой стоит дороже. А вот

и мрамор, за столетия не утративший благородной своей красоты. Зачарован, а потому не тронут ни мхами, ни лишайниками. Земля чуть просела под тяжестью памятника, но и только.

Дева коленопреклонная роняет слезы в чашу.

В руке ее лилия... и значит, похороненная здесь лайра умерла девицей. Что ж, случается, хоть и не часто... напротив нее застыл воин. Меч обнажен, следовательно, скончался от ран. Второй — с воздетым над головой — убит на поле боя.

Этот язык камней завораживал Ричарда. Удивительно было читать о людях, которые умерли давным-давно, задолго до его, Ричарда, рождения, вот так, по позам и символам.

По лепесткам опавшим — четверо детей остались... ягненок на руках — после долгой болезни... ворон и ветвь омелы — знание и способность к чародейству...

Он остановился перед храмом.

Перед остатками храма.

Старый?

О да. Верно, он был возведен на вершине холма во имя Богов, чье время отошло, как и отошло время самой Империи.

Не храм — крепость.

Стены, сложенные из огромных валунов. Такие ударом катапульты не разрушить, да и огненный вал они выдержать способны. Или водяную стену. Или еще что... кроме серого строительного раствора камни крепились магией, и, судя по тому, что заклятья ни на толику не ослабели, магию эту сдабривала изрядная доза крови.

Узкие бойницы окон.

Запылившиеся, затянутые паутиной. Света они почти не пропускают. На воротах из каменного дуба — проржавевший засов. Он поддался далеко не сразу, будто сам храм не желал впускать чужака. А для Старой Империи он, простолюдин, владеющий запретным даром, был и будет чужд.

Что его ждало бы там?

Ничего хорошего. В лучшем случае — цепь и ошейник, ограничивающий свободу воли. В худшем — алтарь в таком вот тихом храме.

Почему его не снесли?

И не только его... в столице — ладно, там на старых фундаментах возвели новые строения, светлые и легкие, этакое каменное кружево. Да и в прочих более или менее крупных городах от храмов Старой Империи остались лишь груды камней. Но вот Ормс... и не только он.

Сколько раз попадались Ричарду такие вот древности?

Камень.

Раствор.

Заклятья крови. Сила дремлющая. Запертая не столько магией, сколько обыкновенным засовом, зачастую изъеденным ржавчиной. И никому не приходило в голову по воле доброй засов сдвинуть.

Могилы разоряли.

Что купцов, что лойров и лайр, пытаюсь в древних гробницах отыскать золото... находили, и порой не только золото. Да что там лойры, лет пять тому особо ушное ворье добралось до императорских склепов, правда, Новой династии, а все непорядок... а вот храмы, если уж получилось у них уцелеть, стояли нетронутыми.

А ведь золота здесь побольше, чем в какой-нибудь могиле.

Ричард поежился.

Не в уважении к Богам дело, а в чем?

Пахло... пылью и пахло. Камнем. Сырым гранитом и благородным мрамором, который посерел, потемнел, а может, казалось лишь? Сквозь затянутые пыльной пеленой окна свет почти не поступал. Но и малости хватало, чтобы разглядеть роскошное убранство.

Ряды лавок из каменного бука.

Передние украшены резьбой и инкрустацией. Черен длинный алтарный камень. И заросли липкой грязью высокие чаши, в которых некогда горело синее пламя. В чашах по сей день остались темные горки горячего камня. Ричард тронул один.

Понюхал.

Древесные смолы... и не только они. Тонкие ароматы тлена и трав.

Массивные трубы органа.

Бархатные полотнища, расшитые золотом, укрывали холодные стены... еще немного, лет сто, а может, и двести, они окончательно превратятся в грязные тряпки, обвиснут, сползут, накрывая статуи Великой Девятки. И Боги, зная о том, хмурились.

Ричард поклонился им всем.

— Я верю в иных Богов, — в гулком пространстве храма голос его прозвучал громко. И шелохнулась пыль на полу... сквозняк, но и только. — Однако я пришел в ваш дом не затем, чтобы разорять...

Быть может, это и глупо.

Конечно.

Боги никогда не снисходили до людей... да и если уж стерпели они утрату столичных храмов, не поразили наглецов ни молнией, ни

проклятьем, то к чему им на Ричарда гневаться.

Но...

...не тронули ведь ни бархат, из которого можно было бы выплавить не один фунт золота. Ни массивные чаши, ни алтарную посуду. Взять тот же клинок для жертвоприношений. В рукояти его тускло посверкивал огромный карбункул цвета крови. За него в лавке дали бы не одну сотню империалов.

А если не тронули, то была причина.

И Ричарду ли искать новых врагов?

— Я лишь ищу ответы.

Он огляделся.

Хмурится седовласый Воин, сжимая мраморное копье. А рукоять позолочена. Да и доспех его украшен щедро.

Печальна улыбка Вдовы.

И темное ее убранство дышит силой... артефакт? И не один... тот же фиал в ее руке. Неужели знаменитые Слезы, способные излечить от ран?

— И я знаю, что вы оскорблены, обижены забвением...

Шаг за шагом по узкому проходу.

И к алтарю.

Черный камень. Гладкий... еще одна странность. Храмы были разными. Маленькими, как этот — здесь едва ли сотня вместится, и огромными... тот же Великий Храм, если верить хроникам, рассчитан был на девять тысяч человек... да, храмы были разными, а вот алтарные камни на них — одинаковыми.

Из чего он сделан?

Не гранит.

Не мрамор, пусть и зачерненный каким-то неведомым образом. Жаль, но стоит признать, что вместе со Старой Империей исчезло многое... но не мрамор. Обсидиан? Про драконье стекло Ричард слышал, и даже довелось держать в руках тонкий клинок... жаль, купить не вышло.

Дороговато.

А здесь... похоже, и все-таки... та же гладкость, которую нарушает лишь вязь древних рун. Они не видны, скорее уж ощущаются под пальцами.

Смерть.

Возрождение.

Слезы. Боль. Становление.

Руны чередуются со странными знаками, и общий смысл ускользает. Ричард нашел круг Вдовы. И щит Воина. Зеркало Девы... полог Женщины.

Дитя.

Мастер.

Темный жнец и Утешительница.

И Жрец, чей символ почему-то был перевернут, и вряд ли случайно.

— Я не готов предложить вам платой мою жизнь. — Он взял жертвенный клинок и вытер его об одежду. — Но я готов добровольно поделиться с вами своей кровью.

Острое лезвие провело черту на коже.

Почти и не больно.

Привычно.

И пусть магия крови давно под запретом, но... иногда не получалось иначе. Ричард вытянул руку, позволяя тонкому ручейку попасть на алтарь. Кровь уходила в камень, как вода в иссохшую землю. И многое изменилось.

Стало легче дышать.

Не только дышать. Давящее ощущение чужого взгляда — а Ричард и не заметил, что на него смотрели, — исчезло.

Воздух стал легче.

Запахи обострились. И не только они. Завихрились, расползлись тонкие нити силы. И привлеченные ими, зашевелились упыри в могилах.

— А вот это лишнее. — Ричард перехватил запястье тряпицей. Затянул зубами. — Гости нам не нужны.

Лукаво улыбнулось Дитя...

...капризное божество. Способное и одарить, и отнять жизнь... второе оно делало чаще и с преогромным удовольствием.

Ричард положил на алтарь принесенный хлеб. Поставил крынку с молоком.

Поклонился.

Долг вежливости на том можно было считать исполненным. А вот ему предстояло понять, что делать дальше...

...их было двенадцать.

Нет, конечно, изначально их было куда больше шести и даже шестидесяти. Сотни и тысячи кладбищ, махоньких погостов на десяток могил и вовсе заговоренных семейных склепов, которые Ричард наносил на карту.

Безумная затея.

Он перерыл не только официальный свод, где значились едва ли не все захоронения, кроме незаконных. Он поднял Хроники, когда его еще

допускали в эту часть библиотеки. Интересно было бы узнать, что именно произошло с Хрониками ныне.

Уничтожены?

Вряд ли. Даже лойры не пойдут на такое. Скорее создан еще один отдел, закрытый, куда и отправились лишние книги. К чему кормить пустое любопытство?

...красные булавки. Синие и зеленые. Сначала в этом не было особого смысла. Просто кусок пергамента, испорченный сталью.

Но потом...

...первыми Ричард убрал самые молодые кладбища.

Потом те, которые заложены были в Новой Империи. Как ни странно, оказалось их не так и много, да и в большинстве своем не кладбищами они были, но общественными колумбариями. И это, как ни крути, разумно. Восстать из пепла не способен самый сильный маг.

Затем настал черед деревенских.

Вряд ли в Старой Империи с ее жесткими рамками, когда за один излишне смелый взгляд на благородного лойра можно было головы лишиться, маги снизошли бы до землепашцев...

И карта почти опустела.

Дальше... дальше пришлось работать медленно, убирая одно кладбище за другим.

Погост на Выйтутях, где лежали пятнадцать поколений семьи фон Гриц, известной своей преданностью Императору... последний из Грицев отошел задолго до Смуты.

Склеп фон Верзен.

Мятежники... и склеп был залит расплавленным оловом: и смерть не избавит от гнева Императора...

Берден, Калужь... Ошерва...

Город за городом.

Слух за слухом.

Вымаранные страницы истории, восстанавливать которую приходилось по оговоркам, рискуя излишним любопытством навлечь на себя гнев Императора.

Новая династия не желала вспоминать о Старой.

А это опасно.

И осталась дюжина мест, которые Ричард должен был посетить сам. И об этой дюжине не знал никто... старому приятелю он рассказал свою теорию в общих чертах. Как и Главе Гильдии. Хотел было привести доказательства, реальные факты, но... реальных не было. Да и чутье,

обостренное годами бродяжьей жизни, подсказывало молчать.

Ричард и промолчал.

К счастью.

Что бы делал он, если бы в этом городе оказался другой некромант? Присланный из столицы с указанием присмотреть за излишне ретивым каро...

Боги улыбались.

Они точно знали, что Ричард искал. И могли бы помочь, если бы захотели. Но правда в том, что тех капель крови, которые Ричард подарил, было недостаточно. Вот если бы он расщедрился на полновесную жертву... не надо органа, чья музыка некогда наполняла древние стены силой.

Ни воскурений.

Они помогали людям отбросить цепи, делая сознание свободным, а душу — счастливой. И не того ли ищут люди в храмах? Счастья для души?

Но пускай...

Не надо прихожан, чьи голоса сплетались, восславляя великих...

И одеяний жреческих, из черной ткани. Ричард знает почему. На черном кровь не видна. А вид крови пугает людей... нет, не стоит пугать паству. Пусть будет восторженна.

Пусть ликует, когда жертвенный клинок касается груди.

Пусть поет.

И замирает именно тогда, когда клинок этот входит в плоть. Пусть молчит благоговейно, выпивая последний выдох жертвы... пусть...

...жертву...

— Нет, — Ричард потряс головой.

...храмы.

Уцелевшие храмы... он посетил три города и три погоста, в каждом наводя порядок. Впрочем, не было там ничего, помимо пыли и запустения, парочки упырей, тройки гулей... обычный набор. А вот храм... сразу стоило догадаться.

Где скрыть место силы, как не в другом?

И нынешний храм пред внутренним взором сиял множеством огней.

Слезы?

Ричард может взять их, если захочет, больше они никому не нужны. И было время, когда фиал в руках Вдовы наполнялся. И переполнялся. И тогда она позволяла прозрачным каплям упасть в ладони Жреца. А тот уж... многим надобно исцеление.

Рана на боку Воина кровоточила. И кровь эта способна была одарить нечеловеческой силой...

...цветок в руках Дитяти. Одного лепестка хватит, чтобы подарить смерть или жизнь любому человеку... разве это мало? Всего-то одна жертва.

Одна жизнь.

И много даров... Боги так долго ждали.

— Нет, — повторил Ричард.

Кажется, дар крови был не самой лучшей идеей. Если они разозлятся...

...кто-то рассмеялся.

Кто-то вздохнул. Рядом совсем. За спиной.

Но за спиной было пусто.

— Не надо со мной играть, — попросил Ричард.

Разве игра? Это еще не игра... вот ноги у мух обрывать — весело... или не у мух... детям не известна жалость.

— Я не стану никого убивать...

Как глупо.

Смерть — закономерный итог жизни. Жизнь без нее вовсе невозможна, так почему бы... Ричард знает? Но убивать не хочет?

А если он этой смертью спасет многие жизни?

Десятки и сотни.

Без помощи он не справится. Даже если найдет нужное... в храме? Да, в храме. Это интересно... это очень интересно. Новая игра. Дети любят игры.

В «горячо и холодно».

Только будет действительно горячо. Ричард справится? Пусть попробует... или жертва? Нет? Тогда игра...

— Я согласен, — сквозь зубы произнес Ричард, подозревая, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Глава 13

ЛЕДИ СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

Милия была столь любезна, что помимо экипажа — помилуйте, дорогая Оливия, к чему вам наемный? — поделилась платьями.

Из собственного гардероба.

Из очень давнего гардероба, судя по запаху, фасону и длине. Платье, сшитое из желтых и черных поперечных полос, было тесно в груди, широко на талии и безбожно длинно, но не в моем положении придираться. К нему у Милии нашелся полосатый же зонтик, объемный ридикюль и ботинки, которые, к моему огромному удивлению, пришлись впору.

— И все же, дорогая Оливия, — сказала она, самолично поправляя жесткий бархатный воротник, который с одной стороны поднимался, а с другой норовил лечь на плечо, что фасоном не предполагалось, — я не понимаю вашей настойчивости. Кладбища, тем более столь старые, не самые подходящие места для прогулок.

Может, оно и верно.

Я и сама не могла понять, что заставляло меня с такой неудержимой силой стремиться на кладбище. Прежде я как-то избегала подобных мест, а теперь... теперь я с трудом сдерживалась, чтобы не спихнуть с козел полусонного лакея.

Я опаздывала.

Куда?

Не знаю.

Но опаздывала безбожно.

— Вы не могли бы... — когда рыночная площадь осталась позади, я не выдержала. И указала на хлыст.

Бить животных нехорошо, но если я не успею, случится... не знаю что, но в высшей степени нехорошее.

Лакей не соизволил обернуться.

Пожалуй, с его точки зрения, я была... да никем. Благородная лайра? Какое благородство, если платье надела чужое, ношеное и даже не соизволила дожидаться, пока его худо-бедно подгонят по фигуре. Мне ведь предлагали, а я, упрямая, на кладбище спешила.

— Пожалуйста...

Голос мой дрогнул.

А сердце оборвалось.

Беда.

Я не чувствовала беды в тот день, когда умерла... я не чувствовала ее и раньше, когда лишь познакомилась с Владом. Или когда он привел Макса, которого принял в собственную фирму, сказав, что вдвоем будет проще... я вообще никогда не отличалась развитой интуицией. Скорее уж была слепа, как старый крот. А теперь вот...

Я сдавила голову руками и попыталась отрешиться от паники. Надо... надо спешить.

— Остановите, — велела я, стараясь говорить именно так, как учила бабушка. Нет, прислуги у нас не было — не те время, место и положение в обществе, — но подобный тон годился не только для горничных. Паспортистки, начальник ЖЭКа и раздражительный наш дворник, которому никто не указ, от тона этого цепенели...

Сработало.

Лакей потянул поводья, и округлая лошадка буланой масти послушно замерла. И лишь затем он повернулся, осознавая, что исполнил приказ не лайры Милии, а какой-то там... в мутноватых глазах его я увидела удивление пополам с обидой.

Да как я посмела?

Обыкновенно.

— Купите мне булочку, — указала я на лотошницу, которая дремала над подносом, полным булок. — С изюмом. Но без сахарной пудры. И не приведи Боги, чтобы там была корица...

Я бросила монетку, которую лакей поймал на лету.

Он скривился.

Но с козел сполз и неспешно — маленькая такая месть — направился к лотошнице. Остановился у подноса... что-то спросил...

Все.

Я подобрала юбки, радуясь, что решительно отвергла и подъюбник на ободу из китового уса, и нижние юбки, что полотняные, что батистовые, ограничившись одной... в юбках исполнить задуманное было сложно. Хотелось бы думать, что на козлы я перепрыгнула аки молодая газель, но на деле я скорее перевалилась, одновременно стараясь и не зацепиться юбкой, и не упасть, и не...

Удалось.

Я подхватила вожжи и хлестанула по широкой конской спине.

— Н-но! Пошла!

И лошадка, к такому обращению не привыкшая, взяла в галоп.

Подпрыгнула повозка, махонькая и изящная — этакая лаковая коробочка на колесах. И я плюхнулась на скамью.

Мамочки родные, что я творю?

А главное, зачем?

Ответа на этот вопрос не было... сзади кричали... спереди... люди разбегались, благо дорога здесь была широка...

— Н-но...

Я никогда не управляла экипажем. Машиной вот — случалось. Катером. И даже самолетом однажды, пусть и под присмотром инструктора, но лошадь... лошадь — это другое.

Я вцепилась в вожжи, прекрасно осознавая, что, стоит вывалиться из экипажа, и вожжи не спасут. Скорее уж затянут меня под колеса. Но... я опаздывала!

— Н-но!

Грохотали колеса по мостовой.

Мелькали дома и домишки.

Раззявленная пасть городских ворот... стража, которая и не попыталась остановить. И верно, дураков нет, чтобы, рискуя жизнью и здоровьем, бросаться к обезумевшей лошади и не менее безумной наезднице...

— Пошла!

Я точно знала, куда мне надо.

По дороге.

По широкой дороге, мощенной желтым кирпичом. Выстроились вдоль нее тонкие кипарисы. Пахло смолой и сухой травой, и еще цветами...

— Н-но, залетная! — я щелкнула хлыстом, который нашелся на козлах, и лошадка, замедлившая было шаг, полетела...

Вперед.

Мне надо... очень-очень надо... туда... куда?

Сюда.

На вершину холма, увенчанную крепостной стеной, по-за которой виднелась темная крыша храма. Там происходило что-то... что-то крайне неправильное.

Опасное.

И лошадь, которая до того шла ровно, вдруг тонко завизжала, а потом... потом она рванула и понесла, не разбирая дороги. А мне подумалось, что до идеи тормоза в этом мире вряд ли дошли.

Горячо.

Холодно.

Детская игра. Только не в божественном исполнении.

Каменное изваяние улыбается, и в этой улыбке видится Ричарду издевка: неужели ты, глупый смертный, в крови которого чудом ожило божественное благословение, действительно надеешься выиграть? Неужели позабыл страшные сказки Старой Империи, такие назидательные, такие...

Не позабыл.

Ричард обвел глазами храм.

Ничего не изменилось. Разве что теперь они все смотрели. Кто с сочувствием — Вдова всегда была добра, даже к чужакам, ведь и они чьи-то дети... кто с ожиданием. Кто просто с любопытством. Давно в этих стенах не происходило ничего мало-мальски интересного.

Горячо.

Холодно.

Один шаг влево... и сосредоточиться на ощущениях. Ничего? Тогда еще шаг. И руки холодеют. Холодно. Значит, вправо... ощущение холода уходит. А в ушах серебряными бубенцами звенит смех. Правда, интересная игра? Вправо... тепло? И вперед? Тепло уходит. Думай, человек. Ты не выйдешь отсюда, пока мы не доиграем.

Ты ведь был столь неосмотрителен, что, соглашаясь, не оставил себе пути отхода.

Люди предсказуемы.

— Боги тоже, — проворчал Ричард, не сомневаясь, что будет услышан.

Дитя не обиделось.

Хорошо.

Обидчикам оно мстило с немалой фантазией.

Повернуться... если не вперед, то назад. Точнее, теперь вперед, к темному своду нефа. Тепло... и еще теплее. Тепло окутывает ласковым коконом. Но с каждым шагом оно усиливается. И вот уже ничего ласкового нет.

— Значит, в этом весь смысл? — Ричард остановился. — Собираешься изжарить меня?

Смех.

И укоризна на лице Вдовы, которую иные именовали Матерью: разве можно так с гостями обращаться? Воин, тот хмур, он бы давно выпорол негодного мальчишку, но разве любящая Мать позволит обидеть младенца? А для нее он, рожденный на заре мира, все одно младенец.

Вечный.

Ничего. Ричард что-нибудь да придумает. Не бывает таких задач, которые нельзя было бы решить, надо только подумать. Ему позволят. Ведь что за удовольствие быстро заканчивать игру?

Но он должен посмотреть.

Неф.

Темнота.

И белый смутный силуэт очередной статуи. В Старой Империи их любили.

Тепло.

Горячо даже.

Жар еще не такой, чтобы закричать от боли. Вполне терпимо. И спасибо за науку, некромант способен выдержать куда больше обыкновенного человека.

...это кровь.

...во всех них, благородных лойрах, течет благословенная кровь... ты ведь никогда не задумывался, кто они? Ответ прост: ублюдки.

Или бастарды, потому что на ублюдков люди обижаются.

Глупость какая.

Взгляд Мастера задумчив. И молот в его руке, кажется, вот-вот сорвется, ударит по каменной наковальне, а может, по голове наглеца, вздумавшего явиться в храм.

...все было просто в начале времен.

Боги.

И человеческие дети Богов, именуемые лойрами, одаренные и великие, они возвышались над иными. И вместо того, чтобы сберечь великий дар, щедро делились им. Сеяли семя. И пожали бурю, когда другие, непризнанные дети их, пожелали большего. Вот и вся история... а ты и вправду думал, что кому-то было дело до угнетенных рабов?

Им дали волю, но сделали ли свободными?

Тонко усмехался Жрец.

И свиток в его руке манил. Возьми его... он лишь кажется мраморным, а на деле... еще одна тайна. Ты ведь любишь чужие тайны, Ричард? Хочешь узнать, кто из твоих предков удостоился высочайшей чести? Или не это, но...

*...ты жаждешь знания?
Ты его обретишь.*

Шаг.

И пот катится по вискам, по спине. Рубаха взмокла. И дышать тяжело. Ричард горит изнутри, но он должен выдержать. Должен понять.

Статуя.

Это не один из Девятки.

Кто?

Кто-то, кто был достаточно велик, чтобы удостоиться... храмового погребения? Это человек... лойр, несомненно. И из чистокровных. Тонкая кость. Черты лица совершенны. Но за этим совершенством сложно что-то сказать о человеке... он сидит...

На чем?

Ну же Ричард. Еще шаг.

Маленький такой шажок, который заставляет застонать от боли. Горячо-горячо. Ты правильно идешь. Осталось немного. Хватит ли тебе духу?

Еще на полпальца...

Правильно, это не кресло. И не трон. Человек сидел на массивном драконьем черепе, исполненном столь умело, что Ричард заподозрил — череп или настоящий, или же ваяли его с натуры. И выходит, правда, что в Старой Империи водились драконы.

Не о том думаешь.

Одежды... струящиеся и легкие. Некогда их раскрашивали, останки краски видны. Туника синяя. Чулки желтые... цвета дома Орисс, который, если Ричарду не изменяла память, находился в родстве с Императором. Одна рука возлежит на черепе. Другая — на колене, но ладонью вверх.

В ладони?

Нет, ладонь пуста.

Видны и тонкие линии, нанесенные скульптором.

Тогда что?

Не венец золотой. Слишком тяжел, хотя и по-своему прекрасен, но... нет. Камень? Карбункул — подходящееместилище для артефакта. Нет, тоже слишком просто.

...подойди, человек. Тебе же хочется рассмотреть поближе, тогда ты поймешь... тогда ты...

— Нет, — Ричард помотал головой. — Погоди... не торопи.

Дитя рассмеялось. Кто ж тебя торопит, глупый? Мы ведь играем. Горячо и холодно...

Ричард отступил.

Плевать.

Он уйдет из храма, чтобы вернуться сюда с кем-нибудь, кто выкорчует треклятую статую, а уже потом Ричард сотрет ее в пыль, но отыщет артефакт.

Ему почти позволили дойти до двери.

Жар исчез.

А холод... холод был почти терпим. Пока рука не дотянулась до дверей. И пальцы обожгло лютой стужей. Они, показалось, и побелели, а на мгновение вовсе прозрачными сделались.

Неужели ты и вправду полагал, человек, что тебе позволено будет уйти?

Нельзя бросать игру.

Холодно или жарко?

Раскрытая ладонь статуи манила обманчивой близостью. Ну же, рискни, протяни руку, глядишь, и коснешься белых пальцев... или вот двери... всего-то надо — выйти из храма. А тебя, если подумать, никто не держит... давай, Ричард, с разбегу и кувыркком за дверь?

Детский смех был не наградой.

Он раздавался в ушах, и Ричард зажал уши руками.

Проклятье!

Влип. Уйти не позволят. Остаться? Остаться он может. Сесть вот здесь, где не жарко и не холодно, и сидеть... разглядывать храм. Любоваться мраморными ликами. И сидеть так... до ночи? Ночью на охоту выползет гуль. А может, раньше упыри проснутся. Но ему ли упырей опасаться? С упырями Ричард поладит. В нынешней-то ситуации они, почитай, любимые родичи... а вот Боги...

— А если я просто возьму и сравню этот храм с землей? — поинтересовался Ричард, создавая на ладони шар. Пусть боевые заветы и не всегда у него получались, то ли дело «белый дым» или же «нити тлена», но храму хватит...

Молния погасла.

И сила... она осталась, Ричард чувствовал ее, близкую, но отделенную прозрачной стеной. Она была и в то же время была недоступна. И в глазах Мастера ныне читался упрек: неужели ты, человек, и вправду вздумал угрожать тем, кто старше и сильнее? Кто одарил тебя магией, глупый

потомок? Ты сам вступил в игру, а теперь обижен, что правила не оговорил?

И кто в этом виноват?

Ричард со стоном закрыл лицо руками.

Итак, сила исчезла... упыри остались с гулем вместе. И думается, на сей раз они не будут воевать друг с другом, но поделят добычу поровну...

...оставался шанс, что его хватятся.

Кто?

Милия? Даже если заподозрит что, пальцем не шевельнет. Похороны, конечно, устроит пышные, как родному супругу... и речь произнесет. Думалось, что речи она произносить умеет...

Грен?

У него свои дела... небось не все добро скинул, да и кое-чем он в Ормсе собирался закупиться. Значит, проведет день на рынке. Тихон? Его дар слишком ненадежен, чтобы на него рассчитывать. Да и альвины бесполезны во всем, что касается Старой Империи. Тихон как-то помянул, что слеп в той, прошлой, тьме...

— И вот что вам за удовольствие? — Молчание тяготило, заставляло ощущать свою беспомощность. — Сотни лет стояли в тишине, покое. Появился человек, дар вам принес, так вместо того, чтобы поблагодарить, вы его сожрать норовите.

Боги молчали.

Человек?

Людей множество. Они — что песок на берегу океана. А сотни лет? Что есть время для тех, кто живет вне времени? Там, где сотня равна мигу, а миг — тысячелетиям.

— Вот не надо мне этой глубоко философской хренотени, — попросил Ричард. — Мне ее в Академии хватило... видели бы вы нынешнюю Академию... а столицу... что бы в ваше время сделали с некромантами, которые, вместо того чтобы людей защищать, о собственной выгоде думают? Хотя... что это я... нет, я, конечно, мало что знаю... почему-то о вашем времени информации почти и нет, даже в закрытых библиотеках, но ощущение такое... не поймите превратно... так вот ощущение, что люди вас не слишком заботили...

Беззвучный вдох.

А ладонь близка, и мнится, что сама статуя стала ближе. Солнце, проникая сквозь запыленные окна, кружевом ложится на мраморную

ладонь. И кажется, что в руке статуи собирается истинный свет...

...утраченное заклинание.

Сколько их было? И утрачены ли они на самом деле? Или, быть может, правда в том, что заклинания те оказались слишком сложны, чтобы в них разобраться? Требовали сил, которых у наследников Империи не было?

Магия крови?

Да, ее следовало запретить. Но ведь остальные... тонкое искусство исцеления... ведь имперские целители способны были на многое. Ричард читал... если хотя бы часть — правда...

Правда.

Они многое умели.

Избавить от проклятия, пусть и столь серьезного, как «черная смерть». Остановить красную чуму, от которой ныне не знали спасения, и малого подозрения лишь хватало, чтобы воздвигнуть над зараженным домом купол. И хорошо, если над домом. Запирали и кварталы, и порой — города...

А в древности красную чуму лечили столь же просто, как ныне простуду.

И неужто это знание было опасным?

Тени на лице Жреца это лицо оживляли. Снисхождение? О нет, уже печаль. Что знаешь ты, далекий потомок, до которого дошли слухи о былой славе предков? Ничего... чума?

Что есть чума?

Болезнь тела.

С нею можно справиться. И да, те, прошлые целители, способны были много на большее... что чума, когда они умели заглядывать в человеческий разум. Он ведь тоже болеет, ты не бывал в Скорбных приютах? Или их тоже не стало?

— Остались, — недовольно проворчал Ричард. Все же это странно было, говорить с ними...

Или с собой?

Может, все, что ныне в голову лезет, в этой голове и рождается? Может, нет божественных явлений, но существует лишь больная фантазия Ричарда. А что, если ему самому место в Скорбном приюте?

— Нет. — Ричард потер руку. На ладони вспухали мелкие пузыри, которые появлялись после ожогов. — Вот это мне точно не примерещилось. И рассказывайте уже... когда еще случится поговорить?

Значит, и разум способны были исцелять?

...и разум, и душу. Запирать чужие страхи, избавлять от сомнений. Приглушать горе, язва которого способна была разрушить суть человека... а еще менять.

И разум.

И душу.

И тело.

Они не желали зла. Лишь знаний. Больше и больше. И знаний не теории, отнюдь... как излечить чуму? Одна сторона монеты, а на другой — как создать иную болезнь, которая во сто крат опасней чумы... Монеты? Разве ты не видишь монеты, человек? Вот она, в раскрытой ладони. Полновесный двойной империял старой чеканки.

Ричард и вправду увидел его.

А ведь недавно готов был поклясться, что еще мгновение тому ладонь была пуста. Но нет, вот монета, лежит. И если он присмотрится — зрение-то у Ричарда неплохое, — он увидит и портрет Последнего Императора, чье имя история не сохранила.

Что до имен?

Горбоносый горделивый профиль, увенчанный венком из дикого лавра. Вязь рун по краю. И символ Девяти с обратной стороны...

— Значит, монета? Скрытый артефакт? Что на него повесили? Отвод глаз? Или обыкновенную завесу? Что-то посерьезней? У вас же были умельцы... и я мог стоять в шаге от него, но не увидеть, верно? Тогда почему теперь...

...потому что игра должна быть честной.

— Логично. И спасибо... я подумаю. Посижу вот и подумаю.

Теперь, когда Ричард знал, что монета существует, он ее не потеряет. А ведь были варианты... были... к примеру, сдуть ее... или нет, золото — тяжелый металл, а весили имперские двойные вдвое против нынешних. Говорят, это золото изрядно разбавляют медью, но Ричард точно не знает.

Да и...

Сил нет. Истратил по собственной глупости, поэтому нечего на Богов пенять. Они, как Ричард успел убедиться, по-своему справедливы. А значит... значит, как говорил дорогой батюшка, который все еще не лишился надежды образумить отпрыска, думать надо головой. Она не

только шапку носить дана.

Ричард хмыкнул и стянул с головы косынку.

Сумку вытряхнул.

— Я потом уберу, честное слово, — пообещал он, не сомневаясь, что будет услышан. — Раз уж играем, то... мы ведь не договаривались о том, что я всенепременно руками полезу... руками в печку лезть крайне неблагоразумно, верно?

Смешок.

И молчание. И как это понимать? Он, его божественный соперник, не возражает? Или ему просто любопытно посмотреть, как Ричард выкручиваться станет?

Пускай смотрит.

— Значит, ваши целители решили, что Богам равны? Неблагоразумно... и, пожалуй, не только они, да? В целом маги... я вот когда читал, не мог одного понять...

Ричард перебирал содержимое.

Склянки с зельями — в сумку, здесь от них толку мало. Да и сомнительно, чтобы гулю пригодился эликсир от кашля. Или упыри бы страдали подагрой... упыри, как Ричард успел убедиться, чаще всего отличались отменнейшим здоровьем.

— ...почему никто и никогда не упоминает о тварях. Вот о мифических, к примеру, мантикорах, пишут... подробно так, что сразу очевидно становится, в те времена мантикоры были обыденностью, как нынешние грызлы... а вот о грызлах ни слова.

Связки артефактов. Сомнительно, что пригодятся. Значит, в сумку... или нет? Вот цепочки и шнурки будут нужны. А серебряная проволока неплохо крутится. Не леска, но ему нужно что-то попрочнее... от места, где жар становился нестерпим, до статуи шага два.

— Читал однажды презабавный документ... староста деревеньки Черные Броды челом бил, дескать, виверний повадился овец таскать. Полагаю, конечно, для старосты забавного мало, овцы-то хозяйские... и просил меры предпринять... выделить Черным Бродам невинную девицу, чтоб, значит, тварь умилоstitь.

...два шага... на треть пойдет собственная Ричарда сабля. Хороший металл. Заговоренный. Жаль, конечно, не копье. С копьем было бы проще. Но если держать за клинок... только надо будет обмотать чем, той же косынкой... проволока серебряная.

Серебро от жара потечет, значит, привяжем... из серебра и шкуры. Шкура каменного василиска, эту так просто не проплавить. Даром что

обошлась когда-то в десять золотых. И брал ведь обрезки... страшно подумать, во что стала бы куртка... и интересно, для кого ее шили.

В столице.

В столице такой одеждой только лайр благородных удивлять.

— И вот я все думал, на кой вивернию невинная дева? И почему этой невинной в Черных Бродах не сыскалось?

...народ простой, нравы тоже... дева должна быть, а девочек еще до первой крови замуж выдавали.

— Почему?

В сумке обнаружили и полые стебли белого бамбука. Для чего-то их Ричард прикупил, вспомнить бы... вспомнит, потом, когда с местными делами разберется.

...потому что девственницы не только виверниям нужны были. Иные обряды лишь с их кровью и проводились...

— Понятно.

Полые трубки Ричард нанизывал одна на другую, сколько шнура хватило, и поверху крепил теми обрезками, которые покороче. Обматывал серебряной проволокой.

— Значит, жертвы... и как вы жили? Хотя... простите, глупый вопрос... обыкновенно жили... как сейчас... лет через двести-триста, думаю, тоже удивляться станут, что грызлам, что...

А вот флаконы он зря убрал.

Кажется, был там один с соком краснотравицы. Пару капель во флягу с водой — Ричард сделал глоток, пить не хотелось, но это пока, а вот когда истратит воду, то и жажда прорежется. Проходили... пару капель во флягу — и полить свое удище.

Сок, соединяясь с серебром, менял его цвет.

Темнело.

И проступало белыми легчайшими нитями.

И значит, пошла реакция... отлично. Еще несколько минут, чтобы металл окончательно окаменел, и можно пробовать. Горячо? Как-нибудь да выдержит... Ричард стянул рубашку и отхватил рукава. Куртка как-никак, но защитит руки, а вот ладони поберечь следует.

Смешок был ответом.

Ну что, человек, готов поиграть?

— А то, — ответил Ричард, поднимаясь.

Мы летели... то есть почти летели. Треклятая лошадка неслась, роняя клочья пены. Экипаж подпрыгивал на камнях, угрожающе трещал, но ни переворачиваться, ни рассыпаться не собирался. Я же сидела, вцепившись в борта, и молилась об одном: не свалиться бы.

Боги нынешнего мира... не знаю ваших имен, и вообще я атеисткой себя искренне считала, но если вдруг вы все-таки существуете, то спасите меня от моей же глупости.

Меж тем высокая кладбищенская стена приближалась.

И была она серьезна, как линия Маннергейма.

Три метра высоты. Камень. И острые пики, вздымавшиеся через каждые полметра. Над пиками воздух будто бы дрожал... а может, померещилось? Главное, что стена выглядела достаточно внушительной, чтобы выдержать столкновение и с лошадьё, и с повозкой, и, что куда печальней, мною. Стена-то выдержит, а вот относительно себя я не уверена. И я сделала единственное, что могла, — заставила себя выпустить края повозки и потянула вожжи, сколько было сил.

— Стой!

Бесполезно.

Лошадь лишь головой дернула, и я едва не вылетела на дорогу.

Мамочки, сейчас мы разобьемся... вот просто возьмем и разобьемся... я зажмурилась и повторила:

— Стой же!

Лошадь завизжала, а под экипажем вдруг что-то очень громко хрустнуло, я открыла глаза ровно затем, чтобы полюбоваться, как летит вперед, подпрыгивая на булыжниках, левое колесо. Правое, крутанувшись, упало в пыль...

Хрустело дерево.

Хрипела лошадь.

Я... кажется, визжала, что совершенно не подобает благовоспитанной особе... стена приближалась, и столкновение, казалось, было неминуемо, когда лошадь вдруг встала на дыбы. Повозка, увлекаемая силой инерции, опасно накренилась, и я все же полетела в пыль... не знаю, Богов ли благодарить, абстрактное Провидение или же собственную удачу, но я не сломала шею.

И не только шею.

Руки были целы. Ноги... и платье вот в пыли извалялось, но это же сущие пустяки.

Кое-как я поднялась. Подобрала ридикуль и зонтик. Изломанные спицы торчали во все стороны, разве что узлами не завязывались. И зонт годился лишь на то, чтобы выкинуть, но я, не иначе как под влиянием стресса, вцепилась в рукоять.

Лошадь убежала...

И как я назад доберусь, а?

Как-нибудь... здесь до города километров пять, а у меня башмаки имеются. Когда страх отступил, вернулось то странное чувство, которое влекло меня вперед, к кладбищу, благо в стене обнаружились ворота. Ну как ворота, калиточка... скромная такая, повозка точно бы не прошла. А вот человек — вполне. За калиткой же меня встречали.

Собака.

То есть в первое мгновение я подумала, что это собака. Крупная весьма собака.

— Привет.

Собак я не боялась. Я бы даже не отказалась завести щенка, пусть и не овчарку — мечта моего детства, но небольшого мопса или же йорка... хотя нет, йорки мне как порода не нравились категорически.

Зверь наклонил голову.

Нет, все-таки не собака... или местные псы выглядят вот так? Крупная голова с огромными ушами. Левое стояло торчком, правое, драное, накренилось, прикрывая желтый глаз. Вытянутую пасть украшали старые шрамы. Розовый пяточок носа подергивался.

Из рта свисал длинный язык лилового цвета.

А с языка протянулись нити слюны.

— Ты меня пропустишь?

Собака не проявляла признаков агрессии. Но стоило мне коснуться калитки, она вскочила. Надо же... короткая шея, бочкообразная грудь, как у бульдога, и кривоватые передние лапы.

— Пропустишь...

Шелохнулся обрубок — огрызок? — хвоста.

И тварь заскулила.

— Ты местному сторожу принадлежишь, верно?

Я решилась и толкнула калитку. Возможно, это было глупо. Наверняка это было глупо, но мне нужно было внутрь.

Я даже знала, куда именно.

К темному мрачному строению, которое возвышалось над древними

могилами.

— Конечно... кому же еще...

Собака посторонилась и заскулила. Тело ее, нелепое все-таки — дворняга наверняка, покрывала короткая жесткая шерсть. На груди и животе виднелись подпалины, на спине шерсть темнела и поднималась узким жестким гребнем.

— Извини, дорогая, еды у меня с собой нет...

Собака вздохнула, но с дорожки соступила. Не без опасения, но я прошла мимо. Она лишь потянула носом и, испустив тяжкий вздох, совершенно человеческий, заковыляла следом, умудряясь прихрамывать сразу на четыре лапы.

— А хозяин твой где?

Я говорила, потому что молчать было страшно.

Очень страшно.

На кладбище царила звенящая тишина. Нет, на погостах в принципе обычно не очень шумно, но нынешний... звона комаров и то не слышно. И птиц. И вообще, кажется, здесь звуков — мое дыхание, шелест гравия под ногами и собачьи причитания.

— Ты тут человека не встречала?

Левое ухо поднялось.

— Некроманта?

Собака села и нахмурилась.

— Такого... знаешь, невоспитанного? Нет? Он, наверное, в храме... полез сюда... зачем? Извини, я не знаю...

Чувство, тянувшее меня к храму, не ослабло. Скорее уж изменилось, и теперь я знала, что нахожусь там, где мне надлежит быть.

Только...

Я не опоздала... почти.

Дорога к храму лежала через могилы. И если у ограды они были одинаковыми — серые грязноватые камни, почти заросшие лишайником, то ближе к середине погоста, который, к удивлению моему, оказался огромен, появлялись вполне узнаваемые очертания памятников. Ближе к центру гранитные плиты сменялись мраморными статуями, которые выглядели так, будто поставлены были лишь вчера.

Магия?

Я оглянулась. Собака... пусть уж будет собакой, хотя теперь было заметно, что обличье у существа скорее гиеноподобное, — не отставала. Она держалась шагах в трех позади. И стоило мне остановиться, как тут же села.

Подняла уши.

И воззрилась желтыми гноящимися глазами.

— Я скоро вернусь...

Я огляделась. От громадины древнего — а я не сомневалась, что место это и вправду было очень и очень древним, — храма веяло жутью. Тень его легла на могилы, будто придавливая их. Да и сам храм скорее напоминал крепость. Сложенный из тех же серых глыбин, что и ограда, он был грубоват, уродлив даже. Единственным украшением — разноцветные куски стекла, будто вплавленные в каменное его тело.

Железные ворота были открыты.

И виделось в том приглашение.

Что ж, кто бы ни приглашал, мне оставалось лишь подчиниться. В конце концов, может, пойму, как я сюда попала и зачем. Я решительно подобрала юбки. Собака заскулила и легла на тропинку. Кажется, она не верила, что я вернусь.

— Хозяина своего поищи... где хозяин? Вон, смотри... это не он случайно? — я указала на человека, который медленно брел меж могил. Наверное, стоило поприветствовать его, но время... время уходило. — Иди к нему, а я скоро...

И собака послушно встала, потрусила в указанном направлении.

Я же, расправив над головой сломанный зонт, решительно шагнула в сень храма.

У Ричарда почти получилось.

Наверное, им, древним и бессмертным, пребывавшим вовне, было донельзя забавно наблюдать за попытками Ричарда добраться до монеты.

Он остановился в трех шагах от статуи, где жар ощущался остро, но не настолько, чтобы не выдержать боль. Ричард стиснул зубы, чтобы не выругаться, — все же храм как-никак.

Боги опять же.

Он ясно видел и статую с протянутой рукой, на которой призывно блестела монета, мол, попробуй дотянись, и улыбку ехидную на мраморной роже, будто тот, с кого статую ваяли, знал, что так оно и будет. А может, и вправду знал. О пророках Старой Империи легенды складывали.

Пока пророки не перевелись.

Может, сами, а может, пророчили не то.

Сотворенная из подручных материалов конструкция была на редкость неудобной. Тяжелая. И скользкая. Она выгнулась дугой, да еще норовила из рук вывернуться, резанув напоследок широкой лопастью клинка. Ну уж

нет. Ричард не для того битый час маялся.

Справится.

Он поднял импровизированное удилище.

И вытянул руки вперед, закусив губу. Жар стал почти невыносим. Кажется, он даже ощутил запах паленой кожи... конечно, кажется... или нет... главное, сбить монету и подкатить ее поближе...

Первый замах прошелся над рукой.

Второй... и удилище ударило по мрамору.

Ничего.

Передохнуть немного.

Сосредоточиться.

Сложно? Не сложнее, чем собрать в бутылке лягушачий скелет... шутка и подработка для первокурсника. В лавке на Запретном переулке этакое баловство принимали и платили по шесть медяков за штуку. Потом уже Ричард узнал, что скелеты эти продавали по три золотых. Не лягушачьи, естественно... кому нужна лягушка, а вот аксолотль водяной...

Серебро шипело.

И капли его стекали по удилищу да норовили на ладонь пробраться сквозь слабую защиту ткани и впиться в кожу.

Ничего.

Потерпеть. И еще разок... верхний край удилища прошел над монетой.

Чуть пониже.

И не спеша... осторожно... отрешась от боли, от вони паленой кожи, от тяжелого божественного молчания... интересно, они делают ставки? И если да, то на кого ставят.

Нет, чуть выше.

Вот так.

Старший брат рыбалку жаловал и каждую субботу выходил за полночь. Брал с собой мешок распаренной крупы для прикорма. Червей копал в матушкином палисаднике. Она возмущалась, но скорее по привычке, потому как никогда всерьез не пыталась изменить детей.

Любила.

И если вдруг с Ричардом случится что, она не будет плакать, нет, слезы она по пустякам льет, а вот если случится, то закроется в своем горе. Побелеет. Постареет.

Ничего не случится.

Он выдержит.

И дотянется до треклятой монеты. Сожмет ее в кулаке и уберется, что из храма, что из городка этого... Удилище уперлось в каменный край

ладони.

Замерло на мгновенье.

В это мгновенье собственное сердце Ричарда почти остановилось. И скользнуло выше, сталкивая монету... вот так... золотой кругляш скатился на пол со звоном и, крутанувшись на ребре, замер.

Вот так.

Замечательно.

А теперь ближе...

Удилище коснулось монеты, вроде бы легко, чтобы просто подтолкнуть, но она вдруг качнулась и покатилась к Ричарду.

Тот едва успел отскочить.

Горячо? О да, куртка задымилась.

И не Только она. Вспыхнули тряпки, прилипая к рукам. И Ричард, со стоном отбросив удилище, рухнул на пол, покатился, пытаясь сбить пламя. Удалось.

Вот так.

Горячо.

О да... двойной империал лежал в трех шагах, издевательски поблескивая. Ну и что ты станешь делать дальше?

Ричард сел и зубами стянул с руки оплавленную ткань. Да уж... кожа красная, а между пальцев и волдыри характерные проступили. Больно. Мерзкая такая боль, будто кто-то иглой тычет раскаленной. А Боги молчат.

Подсказали бы, что ли...

Но нет, это не честно. Ему и так помогли, точнее — не стали мешать, за что им огромное спасибо.

— Ничего, я что-нибудь да придумаю.

Он подтянул сумку.

Левая рука пострадала сильнее. Красная кожа набрякла и сочилась сукровицей. На костяшках и вовсе треснула, обуглилась местами. В сумке где-то был флакон с соком живицы, вот только попробуй достань, когда пальцы распухли и не сгибаются.

Ричард кое-как перевернул сумку набок и попытался уцепиться зубами за край. Вот же... а вечер близок. Интересно, позволено будет упырям в святыню заглянуть?

Тоже часть игры?

Или он раньше сгорит? Ничего, гуль и обгорелыми костями не побрезгует. Небось выбрался уже. Эти твари спят мало, и сон у них чуткий, а обоняние отменное...

— Ричард...

Этот голос заставил вздрогнуть и обернуться. Вот уж кого он меньше всего ожидал увидеть. Интересно, и что эта дамочка здесь потеряла? Или... Милия послала? Решила, что лишние свидетели ни к чему? С нее бы стало...

— Доброго дня. — Ричард кривовато усмехнулся и руки за спину спрятал. Не хватало ему только слез и обмороков бессмысленных.

— Доброго... хотя... — Оливия положила на землю искореженный — от гуля она им отбивалась, что ли? — зонт. — Мне не кажется, что день у вас был добрым... извините, если это не мое дело...

— Не ваше, — охотно согласился Ричард.

— Но вам не помешает помощь?

— Зачем вы здесь?

В нелепом полосатом платье, которое сидит на ней бархатным мешком. Но и этот мешок не умаляет ее очарования...

И сейчас, как никогда, она похожа на Орисс.

Ей тоже шло все.

— Не знаю, — ответила Оливия. — Мне... мне просто... показалось, что я буду нужна.

Она легонько пожала плечами.

— Я попросила Милию...

— И она рада оказалась помочь?

— Скорее уж не стала отговаривать. Здесь опасно?

— Относительно.

Ричард выпустил сумку.

— Что с вами случилось? — Оливия приближалась медленно, не спуская с Ричарда настороженного взгляда, будто ждала подвоха именно от него.

— Ввязался в одну игру без шанса на выигрыш.

Боги слушали.

Разглядывали ее.

— Если вам покажется, что кто-то что-то предлагает, — счел нужным предупредить Ричард, — то десять раз подумайте, стоит ли соглашаться.

— Что это за место?

Она остановилась напротив алтаря. Ни страха. Ни удивления... а ведь люди по сей день боятся не то что этих Богов, упоминания о них.

— Старый храм.

— Это я поняла. — Она с трудом отвела взгляд. — Давайте я вам помогу. У вас есть чем перевязать?

— В сумке.

В обморок падать она не стала. И даже не поморщилась, увидев обожженные руки.

— У вас и шея пострадала, — заметила Оливия.

А платье все одно дурацкое, но лучше, чем то, которое вчера было. В том она была слишком хороша, чтобы думать о деле. Сейчас же Ричард не мог позволить себе иных мыслей.

— Ничего. Бывало и хуже.

Он не лгал.

Бывало.

Тот же жwirkл Ричарда хорошенько пожевал... с десяток швов наложить пришлось. А еще грызлы были, здоровая стая, обосновавшаяся на Высяцких пустошах. И деревеньки, которые скинулись, чтобы нанять хоть кого-то, способного от грызл защитить... две дюжины дворов. Две сотни людей... дети и скотина, которую ценили едва ли не больше детей. Без скотины не прожить. А на пустошах выпасы и...

— У тебя обезболивающее есть? — Она осматривала руку осторожно и хмурилась.

— Есть.

— В сумке? — легкая усмешка.

Она просто не понимает, где оказалась и чем это грозит. А Ричард... ладно, собственная шкура, она ко многому привычная. И один он что-нибудь да придумал бы. А нет, невелика беда. Да, мать переживала бы, но кроме нее, если разобраться, кому он нужен, бродячий некромант без шанса устроиться в жизни? Вот именно... но девчонку было жаль.

Пусть и лайра.

— Какое из них? — Она вытащила с полдюжины пузырьков. — Ты бы их хоть подписал, что ли?

— Зачем? Вот этот, — он ткнул пальцем во флакон с соком живицы. — Пару капель и...

Он зажмурился и губу закусил, но стона не сдержал. Сок опалил холодом, но в следующее мгновение ладони занемели. И это было благодатью.

Впрочем, долго благодать не продлится.

— Как ты думаешь, Милия и вправду не знала? Сиди смирно. Я должна снять ткань... будет неприятно...

— Не будет. Я рук не чувствую. Это временно, так что поспеши... нож возьми... нет, не этот, этот ритуальный, а я себя в жертву принести пока не готов.

Она лишь фыркнула, но отложила кинжал из болотного железа. А вот

его походный набор инструментов рассматривала долго и внимательно.

— Знаешь... — Оливия выбрала скальпель-десятку из подгорной стали и щипцы. — Если бы я была чуть более мнительной, приняла бы тебя за маньяка.

— Кого?

— Человек, одержимый... страстью к убийству.

— А... нет, я живых не трогаю. Милия же... думаю, знала. Не с самого начала, но она и вправду из старых... редкость по нынешним временам. Ее предки, насколько понимаю, предпочитали не высовываться. И правильно. Староимперскую знать вычищали... не всю, выходит...

Даже сквозь немоту ощущалось холодное прикосновение щипцов. Неприятно.

— Она бы почуяла неладное...

— Тогда почему?

— Или почуяла не сразу... или... ее устраивало.

— Что?

Такое искреннее удивление. Неужели она настолько наивна?

— Хотите сказать, что она знала и жила с... с... этим?

— Ну... — Ричард перевернул руку тыльной стороной ладони вверх. — Может, я и поспешил, но... во-первых, она могла не знать, что имеет дело именно с вывертнем. Те — твари осторожные, а голос крови... мог подсказать, что с мужем неладно, но не дать четкого ответа, где именно неладно.

Треклятая монета лежала себе.

И ведь не выпустят, пока Ричард не добудет ее... да и сам он не готов отступить, не теперь, когда уже почти получилось. Надо просто хорошенько подумать.

— Во-вторых, выглядел он вполне себе человеком. Думаю, если бы повадился разгуливать по дому в виде, в котором вы имели честь его лицезреть, она быстро нашла бы способ...

— А почему он ее не...

Она отложила пинцет и вытряхнула содержимое сумки. Нахмурилась.

— У вас нет бинтов?

— В сумке? Нет? Тогда закончились, наверное. — Ричард потер мизинцем ухо, которое, в отличие от ладоней, чувствовал распрекрасно. И трогать его не следовало, но вот удержаться было выше его сил. — И мы, кажется, на «ты» переходили...

— Да? Пускай. — Оливия задрала бархатные юбки и, наклонившись, дернула нижнюю. Что ж, неплохой вариант. Правда, ткань оказалась

прочной.

— Нож возьми...

— Сама разберусь.

Она все же взяла клинок. Третий номер. Для жертв средней величины... кажется, Ричард им только однажды и пользовался, когда свинью раскладывал.

...потом блевал все утро.

— А он ее не мог... точнее, мог, но это однозначно привлекло бы внимание. Расследование началось бы. И как знать, вдруг бы кто обратил внимание на скромного вдовца. Да и она... одно дело — стать почтенной вдовой, женщиной, чей муж погиб, защищая любимую супругу...

Оливия громко фыркнула.

И накинула белую полосу ткани на руку Ричарда.

— ...и совсем другое — женой вывертня. Этого бы не простили... поэтому она и не могла действовать официальным путем. А вот воспользоваться ситуацией... в Старой Империи умели ловить нужный момент.

Повязку Оливия накладывала быстро и аккуратно.

И не морщилась, хотя на то, во что превратились его, Ричарда руки, и самому смотреть было неприятно. Ничего... добраться бы до дома... Тихон подлечит.

Вздыхнет.

Взглянет укоризненно: разве можно быть столь беспечным?

И все одно залечит. Альвинийская магия похожа на теплый весенний ветер с запахом трав... или воды... взморье... он до моря так и не добрался, все как-то было недосуг. А теперь вряд ли получится, потому что если эта монета существует, то есть и другие. И долг Ричарда рассказать обо всем.

Правда, большой вопрос, будут ли его слушать.

— Понятно. То есть ничего не понятно. — Оливия осторожно убрала хвосты повязки. — Но ты мне потом еще объяснишь, ладно?

— Ладно.

Сейчас он был согласен если не на все, то на многое.

— А теперь скажи... — Она вернула инструмент на место. — Как мы отсюда выбираться будем...

Это Ричарду и самому хотелось бы знать.

Глава 14

ЛЕДИ И БОГИ

Я ненавидела лилии.

Белые лилии. Восковые цветы, сам вид которых у меня прочно ассоциировался с похоронами. Нет, я признавала, что лилии по-своему элегантны, что стоят они дольше, а сильный их аромат...

...бабушка лилии любила.

И я посадила их на ее могиле. Белые, конечно же белые. Остальные — слишком вызывающе. Леди же пристала сдержанная искристая белизна.

В храме пахло лилиями. И не просто лилиями, но именно теми, которые выросли на бабушкиной могиле. Запах этот, явственный, отчетливый, заставлял закусывать губу — дурная привычка, Оливия. Леди не грызут губы. И ногти не обкусывают.

Не плачут.

И вообще ведут себя сдержанно.

Я пыталась.

Только чем дальше, тем сильнее увязала в меду эмоций. Будто с души отошла заморозка... хорошее сравнение. Я вдруг осознала, что раньше, после бабушкиной смерти, жила по инерции. По старому распорядку, цепляясь за мелочи, вроде накрахмаленных салфеток и столового серебра, которое надлежало чистить в последнюю субботу каждого месяца. Сервиза фарфорового. И набора крючков.

Я вязала.

Вышивала.

Надевала шелковые блузки с бантом у горла. Юбки-карандаши длиной до середины голени... и шляпки. Я купила три дюжины шляпок и столько же туфель, находя в том странное утешение. Я старалась соответствовать ее идеалу.

А сама...

Запах лилий дурманил. Наверное, если бы я позволила, этот сладковатый аромат увел бы меня... куда? Уж не в страну ли вечного забвения и вечного же счастья? Там, где я бы все-таки достигла чужого идеала и стала бы...

— Оливия...

Я моргнула. Вот тебе и отвлелась. Просто разговор прервался, Ричард

задумался, а с ним и я, причем над вопросами отнюдь не первостатейной важности. Я торопливо мазнула ладонью по щекам, убеждаясь, что до слез дело не дошло.

— Слушаю тебя.

Вежливая улыбка. Наклон головы. Выражение лица... я долго когда-то тренировала его перед зеркалом, и еще с дюжину масок на все случаи жизни. А что, очень удобно, нацепил — и собеседнику кажется, что ты внемлешь каждому его слову, на самом же деле...

...белые лилии и еще мед. Мед я тоже не любила.

Уж не знаю почему.

Мысли путаются.

Надо сосредоточиться. Надо взять себя в руки и уходить. Это место... здесь спокойно и хорошо. Зачем идти куда-то еще?

— Надо, — ответила я, решительно поднимаясь.

Хорошо?

Пыль и запустение. Белый мрамор изваяний, выполненных столь искусно, что статуи кажутся людьми, которые просто окаменели... и почему-то эта мысль не пугает.

— Послушай, Оливия. Это старый храм, но живой. Слишком даже живой.

Ричард поморщился, наверное, ожоги его — где только успел получить? — болели. Я как-то кружку горячего чая на ногу опрокинула, а здесь... здесь ожоги второй степени, да и третьей были, и странно, что он вообще в состоянии здраво мыслить.

— И значит, они здесь присутствуют.

— Боги?

— Да. И не отпустят. Меня, во всяком случае, пока я... видишь там монету? — Ричард указал на запыленный пол, на котором — еще одна маленькая странность — не оставалось следов. Я вошла вот, а следов не осталось. Но монету я увидела. Золотой яркий кругляш заманчиво поблескивал. — Можешь взять ее?

Я пожала плечами.

Наверное.

Попробую.

Я подошла. Наклонилась. И взяла. Золото было холодным, и отнюдь не слабой прохладой металла, готового согреться теплом человеческих рук. Нет, это был холод, идущий изнутри, словно под тонким слоем золота скрывалась ледышка.

— Отлично... а теперь надо как-то передать ее мне, чтобы я не

сгорел. — Ричард кривовато усмехнулся. — Есть идеи?

— Сгорел?

— Мы тут в «горячо и холодно» играли...

Спрашивать, с кем именно, я не стала. Ни к чему, чувствую, лишние знания.

— Если я тебе кину, а ты поймаешь?

Ричард задумался.

— Нет, — он покачал головой. — Боюсь, что просто полыхну...

Понятно.

Я призадумалась. Так мы и стояли друг напротив друга. А он... он сегодня не такой самоуверенный. Потрепанный. И на волосах паутинка. Лицо красное, брови опалило. На скуле длинный ожог, будто кто когтем полоснул. Больно ему, должно быть, а он стоит.

Думает.

Сосредоточен.

— А если... послушай, Оливия. Ты сейчас выйдешь из храма. Неспешно. Прислушивайся к себе. Если вдруг покажется, что что-то не так, бросай ее...

Я кивнула.

— Если получится... договор действует здесь... да, пожалуй. — Он наклонился и кое-как подцепил широкий ремень сумки. — Но если вдруг... ты отправишься в город за помощью. Грена найдешь. Тихона... к Милии обращаться не стоит. Убивать она нас не убьет, это ни к чему, а вот позволить ситуации... развиваться самой.

Кривоватая усмешка.

— Понятно, — ответила я, прикусывая губу.

Было страшно.

Не знаю отчего... что страшного в монете? Тяжелая. И все еще холодная. Но не настолько, чтобы больно было в руках держать. Надо просто выйти из храма... а выход вот он, рядышком.

Десяток шагов.

Узкий проход между лавок. И мраморные Боги смотрят... с любопытством? Пожалуй. Им интересно, получится ли у нас. Получится. Ведь должно бы... и конечно, мне тоже интересно, например, хотелось бы понять, что именно я держу в руке.

Вдруг эта монета дает власть над миром?

Смешок, раздавшийся над ухом, был столь явен, что я вздрогнула.

Да, действительно, зачем простому некроманту власть над миром? Она важна, иначе Ричард не стал бы рисковать, но важна для него. А я? Что

держит меня здесь? Что заставляет играть в чужую игру, когда я могу просто-напросто взять и уйти. Никто не остановит.

У меня теперь будут документы.

И деньги.

И...

До дверей осталась пара шагов. Я обернулась.

Ричард стоял и смотрел. Ничего не говорил. И по лицу его сложно было прочесть, что он думает...

— Ничего, — я показала монету. — Ничего не чувствую. И тогда я дальше?

Он кивнул.

Сдержанно.

А ведь нервничает, не может не нервничать. Только виду не подает. Вот Влад, он другого склада был. И когда переживал, начинал суетиться. Нет, он не устраивал скандалов, выплескивая напряжение, но просто хватался за все и сразу, и, естественно, ничего не получалось толком...

Один шаг.

И от холода немеют пальцы.

Дверь. На глазах прямо покрывается серебристым инеем. И кто-то за спиной шепчет, что уходить не обязательно, что я могу пожелать и, к примеру, вернуться. Это не так сложно, наши миры находятся на расстоянии протянутой руки. Или одного шага. Просто надо хорошо смотреть, куда шагаешь.

Бросить монету.

И домой.

Домой? А остался ли у меня дом там? Муж вот остался. Обручальное кольцо я сняла, но в глубине души я ведь понимаю, что это — ничего не значит. Был алтарь и клятва перед ним. Пока смерть не разлучит...

...а ведь смерть и разлучила.

Он меня предал. А я... я жертва? Или мне нравится думать, что я была жертвой?

— Оливия!

Этот окрик заставил меня очнуться. Жертва? Я ведь никогда не задумывалась о том, откуда берутся деньги. Есть — и все... новые шляпки и туфельки. Платьям в гардеробной тесно... фарфор и серебро. Антиквариат... я позволяла себе если не все, то очень и очень многое.

Вот и поплатилась.

Все по-честному.

Я коснулась двери и толкнула створку, которая поддалась неожиданно

легко. Она отворилась беззвучно, выпуская меня в сумерки. Надо же, а я и не заметила, как день пролетел. Позеленевшее солнце почти коснулось линии горизонта, спутник его пылал розовой жемчужиной в короне старшего брата. Небо сделалось бледно-лиловым, а редкие облака окрасились пурпуром.

Красота.

Воздух прохладен и пахнет землей.

Хорошо. Почти хорошо. Я разжала руку. Монета никуда не исчезла, правда, больше она не была ледяной и вовсе выглядела обыкновенно. Видела я царские рубли. И эта на них похожа. Толще только. С одной стороны физия горбоносого типа с лицом породистым и брюзгливым, с другой — вязь символов.

Наверное, они что-то да значат.

Ричард разберется.

Я сжала монету и огляделась.

Кладбище было спокойно... как кладбище. Все та же звенящая тишина. Статуи, которые того и гляди оживут в сумерках. И старый знакомец.

Собака сидела в паре шагов от меня и сосредоточенно грызла чью-то руку.

Вот тебе и...

Ричард до последнего сомневался, что из его задумки хоть что-то да выйдет. Но Оливия монету взяла и вышла. Нет, шла она как-то странно, будто в полусне, но хотя бы направление верное выбрала — к дверям. И когда дверь со скрипом отворилась, выпуская ее, Ричард выдохнул.

— Вот и все, да?

Ощутимо похолодало.

Поторапливали? Напоминали, что игра еще не окончена, ни эта, детская, ни другая, в которую он ввязался. Или его ввязали? Если храмы остались, то и Боги, получается, не ушли? Или ушли, но не все?

Он поспешно закинул сумку на плечо.

— Ну... спасибо за все, что ли? — Ричард поклонился, прижав руки к груди. Конечно, его поклону не хватало урожденного изящества, но... какая разница? Он не танцор, а обыкновенный бродяга, которому посчастливилось беседовать с Богами.

Счастье, правда, сомнительного свойства.

— В следующий раз, если он будет, я принесу что-нибудь.

Он направился к выходу быстрым шагом, заставив себя смотреть

только на эту треклятую, покрытую вязью древних рун дверь.

Не стоит оборачиваться.

Не стоит верить шепоту, который обещает... что Ричарду надо? Богатство? Если он захочет, он станет богат, богаче нынешнего Императора. Славы? Это несложно... власти? Знаний? Он получит все, что пожелает, только...

— Извините, — Ричард усилием воли отрешился от заманчивой картины, где он восседал на троне из черного алтарного камня, том самом, который был не то утрачен, не то разрушен во время последней войны. — В другой раз...

Воздух встретил холодом.

И жаром.

Что-то гроыхнуло, но далеко, и эхо этого грома избавило его от теней за спиной. Боги... Боги с ними, с Богами. Он рассмеялся этакому каламбуру и вздрогнул от звука собственного голоса.

Очнулся.

Огляделся.

Выматерился сквозь зубы. Смеркалось. Латерна уже коснулась горизонта, а младшая сестра ее, алая Веруна, горела ярко, как никогда прежде.

Вернулось зрение.

А вот сила... сила по-прежнему была недоступна. Маленькая месть Богов?

— Оливия?

Сила вернется. Ричард был в этом уверен, но вот доживет ли он до возвращения?

Гуль.

И упыри. И кажется, не только они. Сейчас Ричард видел кладбище куда яснее. Потоки силы стали ярче. Широкие русла природных жил, которые были подняты и закреплены на храм, сплетались удивительным узором, противоречивым — кто способен соединить воду с пламенем? — и в то же время гармоничным.

Уходили под камень.

И возвращались измененными, равномерными, сетью раскинувшимися над кладбищем. В этой древней сети мухами застыли мраморные памятники.

Не только они.

Упыри?

Штук пять. Троих Ричард заприметил, когда только шел к храму... а

вот еще двое старых, настолько старых, что уже и не упыри в полном смысле этого слова.

Гуль?

Совсем рядом. Шагах в пяти... странно, гули — твари трусоватые, особенно поодиночке. А этот вот... плевать, с гулем Ричард и без магии справится. А вот что за белесое пятно, будто провал или...

Ричард открыл глаза.

— Оливия! — голос его предательски дрогнул.

Идиот.

И вправду решил, что может у Богов выиграть? И что, если получится, ему позволено будет уйти? Нет, храм рядом... надо вернуться и запереть дверь.

Переждать ночь.

А уж потом...

Словно в насмешку, дверь захлопнулась. Громко. И засов задвинулся сам собой. Вот так, смешной человек, ты полагал себя самым умным? Что ж, если ты и вправду умен, то выживешь.

— Оливия! — Ричард раскрыл глаза. — Ты бегать умеешь?

Правда, бежать придется очень и очень быстро.

Проклятые гончие легки на ногу.

Глава 15

ЛЕДИ И НЕЖИТЬ

Почему я не заорала?

Наверное, потому что от страха голосовые связки спазмом свело. И вместо крика из горла вырвался сип. Но собака услышала и, выплюнув недогрызенную руку, вскочила. Она кинулась ко мне со всех кривых ног, при этом виляя огрызком хвоста так, что едва сама не падала.

— Ты... ты...

Я попятилась.

Как-то вот... моя любовь к животным так далеко не распространялась. Собака же, верно, уловив мой настрой, плюхнулась на дорожку и заскулила. Потом обернулась. И вспомнив о руке, кинулась за нею, чтобы принести и положить к моим ногам.

— Какая прелесть.

Меня замутило. Рука... рука была синюшной и с пятнами... и никакой крови... и похоже, собака просто нашла разрытую могилу... только мне все одно не легче.

— У... убери это, п-пожалуйста, — взмолилась я, прикрывая глаза ладонью.

Собака склонила голову набок и твякнула.

Она, похоже, не понимала, почему это я, глупая, отказываюсь от старых сладких костей. И вот как объяснить...

— Ты... ты ее хозяину отнеси...

Пусть найдет несчастного, которому и после смерти не позволили упокоиться с миром.

Я сделала глубокий вдох и глаза открыла, уговаривая себя, что мертвая конечность — это, безусловно, не самое приятное зрелище, но и не столь отвратительное, чтобы прямо здесь в обморок падать. И надо же было, чтобы именно тогда, когда я почти себя уговорила, рука шелохнулась.

Дрогнули скрюченные пальцы.

Мизинец и вовсе завертелся таким толстым червяком. И меня совершенно неинтеллигентно — леди все-таки не блуют — вывернуло в кусты шиповника.

Белого такого шиповника.

Нарядного.

Я сделала вдох, убеждая себя, что примерещилось. Мертвые руки не имеют обыкновения шевелиться. И повернулась к дорожке.

Рука ползла. Цеплялась пальцами за выбоины и подтягивалась.

— Мамочки...

Я осознала, что нахожусь в полувздохе от обморока, когда собака, о существовании которой я, признаюсь, успела забыть, тихонько рявкнула.

И рука замерла.

А потом зашевелилась уже иначе, словно не рука, а толстенный обрубок змеи.

Собака зарычала.

— Хорошая моя...

Я подобрала юбки.

Отступить?

Некуда отступить. За спиной — серая громадина древнего храма, где меня если и ждали, то всяко не с пирогами. Слева — шиповник, чьи колючки топорщились очень уж сердито. Справа — белые силуэты могил.

Впереди рука.

Нет, умом я осознавала, что сама по себе рука безопасна, что если ей и удастся доползти, то... что она мне сделает? Ничего. Но вот отвращение, которое я испытывала при одной мысли, что вот эта немертвая плоть может прикоснуться ко мне, было сильнее разума. Ко всему, если имелась рука, то должно было существовать остальное тело. И что-то, должно быть, то самое предчувствие, прежде меня не беспокоившее, подсказывало, что тело это тоже может быть не совсем мертвым.

Точнее — отвратительно живым.

— Ты... ты можешь унести эту гадость? — я обратилась к собаке, пытаюсь сообразить, что же делать дальше. И где Ричард? Он некромант или мимо проходил?! Тут работа, можно сказать, сама к нему ползет... ладно, не к нему, а ко мне, но я-то не некромант никоим образом.

Собака накренила голову.

И мелькнуло в желтых глазах... насмешка?

— Да, я боюсь мертвых живых конечностей, — призналась я, сделав крохотный шаг. — Очень боюсь. Будь добра, если, конечно, это не противоречит твоим принципам, унеси вот эту... руку... куда-нибудь, ладно?

И сглотнув, я добавила:

— Можешь даже доесть, если тебе хочется.

Собака раззявила пасть.

А в следующее мгновение вскочила. Мощные челюсти ее сомкнулись

чуть ниже синеватого запястья, перевитого лиловым узором татуировки.

Двигалась собака быстро.

И рука исчезла.

В кустах шиповника. Какая прелесть... мне даже задышалось легче. И когда собака появилась вновь, к счастью, без рук и иных подношений, я искренне сказала:

— Спасибо тебе большое.

Кривоватый огрызок хвоста дернулся.

А пес заскулил.

— Очень большое... прости, я ничего не взяла с собой, но... — я присела и протянула руку. Конечно, не самое разумное — гладить чужих малознакомых тварей, однако собака выглядела такой несчастной.

Прямо как я.

И розовый нос ткнулся в ладонь.

Скользнул по коже шершавый, что наждачка, язык...

— Хорошая...

Она прикрыла глаза и голову повернула так, чтобы легче было за ухом чесать. Шкура собачья оказалась толстой, а короткий волос — неожиданно мягким, скользким, как шелковая нить.

— Очень хорошая... сейчас мы дождемся... очень надеюсь, что дождемся одного человека... и мы уйдем.

Псина заскулила.

Кажется, ей не хотелось со мной расставаться.

— Оливия, — нервный голос Ричарда раздался над головой. — Оливия... что ты делаешь?

— Глажу собачку...

Псина повернулась к Ричарду и оскалилась. Не нравится? Ну да, мне бы тоже не понравился агрессивно настроенный тип с камнем в руке.

И с явным намерением камнем этим запустить в ни в чем не повинное животное.

— Оливия, — Ричард заговорил мягко, очень мягко. — Ты не могла бы убрать от нее руки?

— Нет. — Мне была неприятна мысль, что собаку обидают. А Ричард, похоже, настроен был именно на это. И бедолага наверняка чувствовала настроение и потому прижималась ко мне. А я обвила могучую шею руками. — Тише, милая, он тебя не тронет...

— Оливия!

— Ричард. — Я провела по короткой гривке черных волос. — Чего ты переживаешь? Это просто собака. И она... потерялась, похоже.

— Это, — сквозь зубы произнес некромант, и левый глаз его дернулся, — не просто собака...

Оливия сидела на дорожке.

И гладила гуля.

Матерого такого гуля, ростом с небольшого теленка. Правда, мощные челюсти этого теленка способны были раздробить бедренную бычью кость, а зубы резали мясо, как ножи. И тот факт, что эта несчастная дурочка до сих пор жива осталась, сам по себе был чудом, не иначе.

Гуль урчал.

И, дурея от запаха живой плоти — иначе как было объяснить подобное поведение, тыкался в ладони Оливии... нет, картина просто-таки для очередного Жития, в котором бы повествовалось о чудесах, силой Светлого Аера совершенных.

Оставалось умилиться.

И пустить слезу.

Вместо этого Ричард поднял камень.

Гули крупны, но трусоваты изрядно. Была бы стая... к счастью, стае здесь не прокормиться. А с одиночкой Ричард как-нибудь да справится. Вот только...

...белесое пятно не двигалось.

Но время уходило.

— Оливия! — голос все-таки дрогнул, и тварь обернулась.

Зарычала.

Эта же... лайра, Боги ее задери, вместо того, чтобы просто сделать, что ей говорят, обняла тварь. Еще бы поцеловала ее в слюнявую пасть.

Гуль улыбался.

Широко.

Издевательски.

— Оливия. — Ричард сжал камень, прислушиваясь к себе. Сила оставалась, как и стена внутри, не позволяющая ей пользоваться. — Пожалуйста. Это место... не самое подходящее для споров. Поэтому просто встань и пойдем.

— Ты его...

— Да не буду я его трогать!

Гуль поднял оба уха. И нос — а падаль они чувствовали за пару миль, как и запах крови, — задергался. Щетина на загривке встала дыбом. И из горла вырвался утробный рык.

— Клянусь... у нас здесь есть проблема посерьезней...

Оливия, к счастью, спорить или передумала, или, что куда вероятней, решила отложить спор до лучших времен. Она встала.

— А теперь быстро... очень быстро, но стараясь не делать резких движений, идем... нет, за меня хвататься не надо, руки у меня должны быть свободны.

Ричард вытащил клинок, вид которого гуль встретил раскатистым рычанием. Причем явно одобрительным. А затем, оглянувшись, потрусил по тропинке. Остановился. Оглянулся. Рывкнул.

— Видишь, он хороший, — Оливия подобрала юбки.

— Просто лапочка...

— Не злись. Руки болят, да?

Болят. Удача, что вообще слушаются. Настой хорош тем, что приглушает чувствительность, вот только действует часа два от силы. И Ричард уже вполне явственно ощущал эхо боли.

Плохо.

Проклятые гончие слепы и лишены нюха в прямом смысле слова, а вот чужие эмоции они ощущают остро.

Страх?

Да, Ричард боялся. Он был разумным человеком, которому совершенно не хотелось быть разорванным древней тварью.

Боль?

Куда без нее...

Еще обреченность, которую он давил в себе. Никто не уходил от гончих? Тогда Ричард станет первым... у него получится, Богов всех ради.

— Идем. — Он решительно зашагал за гулем.

Оставался хороший такой шанс, что ограда остановит тварь. Но до ограды и до вожденной калитки нужно было еще добратся.

Шаг.

И два.

Оливия молчит.

Догнала гуля. Положила руку на загривок... тварь огромна, ей и наклоняться не пришлось. Идут вместе... оглянулась. Пожала плечами, мол, видишь, до чего замечательная собака...

...кажется, она понятия не имела о том, кто такие гули.

И о вывертнях не знала... ладно, вывертни, они и вправду встречались не так часто, как и каюши, но гули... гули время от времени заводились на каждом кладбище. Откуда они появлялись? Возможно, правы были те, кто говорил, что в гулей превращаются животные, отведавшие измененной магией плоти.

Не важно.

Главное, что о них знали и дети, и благородные лайры.

Кроме одной.

Откуда она взялась? Босая. Растрепанная. И в странном наряде, который Ричард очень хотел бы рассмотреть поближе. Лайра? Несомненно. Тонкая кость. Правильные черты лица. Темные волосы. Яркие глаза... нет, в ней явно текла благословенная — или проклятая? — кровь. Но меж тем собственный дар Оливии был слаб, здесь Ричард не мог ошибаться.

Сплошные вопросы.

И один гуль.

Тварь остановилась и заворчала. Что впереди? Не важно, дорога к калитке одна...

Оливия открыла было рот, но не произнесла ни слова, повинувшись жесту Ричарда. Проклятые гончие и слуха лишены... так говорили. Проверять сказанное на себе Ричард не хотел.

Он вглядывался в сумерки, пытаясь разобрать хоть что-то...

Пустота.

Тени и снова тени.

Одни неподвижны. Другие... сложно разобрать в этой пляске, что есть фантом остаточный, а что — фантазия Ричарда... нет, на кружение теней смотреть не стоит. Фантомы способны лишить силы и мага, не говоря уже о простом человеке.

Ричард сделал шаг.

Сделал бы, но гуль не позволил.

Он оскалился и зарычал, низко, глухо.

— Не надо туда ходить. — Как ни странно, но это рычание несколько не испугало Оливию, она и руки-то с загровка не убрала, лишь потрепала тварь, этак одобрительно.

— Другой дороги здесь нет.

— А если...

Могила в сумерках были видны. Но плутать среди них... в одиночку Ричард рискнул бы, если бы, конечно, силу его ему вернули. Но не с Оливией.

— Нет.

Эти тропы любят завести.

Гуль не собирался уходить. Стоит. Скалится. Смотрит в глаза. Прежде эти твари избегали прямого взгляда, а нынешний... необычен. Да, не более необычен, чем то, что происходит здесь и сейчас.

— Он нас выведет.

Убежденности Оливии он завидовал.

— Или заведет, — спокойно ответил Ричард. — Чтобы потом полакомиться нашими костями... свежее мясо лучше падали.

При упоминании о падали Оливия заметно побледнела.

— Упадешь в обморок, на себе не потащу...

Потащит.

И на себе. И за собой. И оба погибнут, но оставить человека... он клятву приносил и сдержит, пусть ценой собственной шкуры.

Гуль заскулил и царапнул лапой землю. А когти у него хоть и короткие, но мясо рвут.

И раны потом гноятся.

— Ричард, — Оливия говорила, глядя в глаза, — если вперед нам нельзя, то больше ничего не остается. Я понимаю, ты знаешь об этом мире больше, чем я...

Сушая правда. И хорошо бы ей осознать, что знание это не раз и не два спасало Ричарду жизнь.

— Но поверь, пожалуйста, мы должны идти за ним... у меня то же предчувствие, которое привело сюда...

Ложь.

И ведь как уверенно... впрочем, все они, благородные лайры, с молодых лет постигают тонкое искусство обмана.

Оливия отвела взгляд.

— Что ж, как хочешь... — и решительно шагнула в круговерть теней.

Идиотка!

— Стой!

Крик его всколыхнул кладбищенское серое марево, но и только. Остановливаться Оливия не собиралась. И что Ричарду было делать? Позволить этой дурочке свернуть себе шею? Или героически погибнуть, пытаясь спасти ее?

...и не только ее. Артефакт она не вернула.

Ричард матюкнулся, благо ситуация располагала, и шагнул следом.

— Оливия...

Он видел ее, такую обманчиво близкую. Полосатое нелепое платье с широкой юбкой, переломанный зонт, который она все-таки не выбросила, и серую тень рядом.

Гуль не делал попыток напасть.

Он вел.

И даже позволил Ричарду догнать их.

Узкая тропа вилась среди могил, кидая петли, как обезумевший заяц. И

зайцем Ричард себя чувствовал. Он давно отвык быть добычей. Нет, он был далек от мысли о своем всемогуществе, скорее уж здраво оценивал собственные силы.

Слишком здраво, чтобы надеяться на успех.

Но надежда — это все, что у него оставалось, раз уж... Ричард осторожно потянулся к своей силе. Нет, не вернулась... не вернули.

— Оливия...

Она оглянулась.

— Когда мы выйдем... если выйдем, я самолично тебя выпорю.

Гуль захихикал. Смех у него был омерзительно человеческим. А в следующее мгновение тропа оборвалась у кружевной ограды, за которой виднелся белый купол мавзолея. Надо же... редкость какая... если память не изменяла, а Ричарду она не изменяла никогда, мавзолеи ставили особам императорского рода. И хоронили таковых преимущественно в древнем Коште, который ныне столица...

Ограда тускло мерцала.

Защитное заклинание?

И даже купол...

И гуль завертелся, а потом сел на плоский зад и заскулил.

— Если ты думаешь, что я могу его взломать...

Мысль была неплоха.

Мавзолей, конечно, не самое приятное место, но вот если получится пробраться внутрь... и если внутри действительно тихо, как сие утверждает то самое внутреннее зрение, оставленное Богами то ли шансом, то ли издевкой... ночь провести.

Дождаться рассвета.

И там уже...

Ричард протянул руку, и ограда зашипела, а кованые змеи, обвившие прутья, ожили. Они поднялись, расправляя чугунные капюшоны...

— Не люблю змей, — тихо сказала Оливия.

— Раньше надо было думать...

Слепое пятно, за которым Ричард следил, сдвинулось. И ожило.

Не пятно — черная воронка.

Тварь.

И вряд ли случайная... она двинулась по широкой дуге, вдоль стены, словно обходила эту стену дозором... а если тварь посажена здесь именно затем, чтобы стеречь амулет? Проклятые гончие тоже появились уже после войны. И по некоторым оговоркам можно судить, что созданы они были именно имперскими магами...

Созданы.

И выпущены в мир.

— До стены нам не дойти. — Ричард повернулся к ограде.

Будь его сила с ним, он бы... нет, вряд ли победил бы... последнюю гончую загоняла полновесная звезда боевиков при поддержке троих некромантов.

Но он хотя бы попробовал уйти.

И...

И вдруг бы да получилось?

А теперь... теперь ему остается пялиться на ограду и думать... думать... должен быть способ... змеи покачивались, не пытаясь атаковать, но и не исчезая.

Гуль крутился.

А потом исчез, чтобы появиться по ту сторону ограды. Лаз? Лаз был, под стеной. Узкий. И тесный. Но человек пролез бы... попытался бы пролезть, потому что стоило наклониться, и змеи переместились. Понятно. Охрана игнорирует животных, а вот люди — дело иное...

— Вот и все...

Ричард спиной чувствовал внимательный взгляд.

Тварь была рядом.

Не спешила.

Почему? Или они и вправду разумны. По-своему? И теперь гончая развлекается. Здесь не так много развлечений, если подумать, так к чему торопиться? Охота доставит ей удовольствие.

Жертва бежит.

Гончая позволяет ей думать, что спасение близко. То приближается, то отстает, гонит к стене, к калитке, а потом... нет уж, Ричард не собирается доставлять ей такое удовольствие.

Он повернулся к змеям спиной.

Вытащил клинок.

Смешно... и обидно. Он ведь был прав! И теперь, с монетой, мог бы доказать свою правоту. И дело даже не в доказательстве, а в том, что появился бы реальный шанс остановить волну.

— Мне жаль, — тихо сказала Оливия, непонятно, Ричарду или гулю, который кружил за оградой, громко поскуливая.

— А мне уж как жаль, — Ричард не удержался.

Если бы не эта... у него был бы шанс добраться до дверей.

Или нет?

К чему гадать о том, чего не случилось.

Глухой рокочущий звук прокатился по кладбищу, заставив гуля упасть на землю. Он задрожал и закрыл глаза, и Ричард испытал преогромное желание последовать примеру.

Глядишь, и помрет быстро.

Долой такие мысли.

Тварь приближалась.

Она окружила себя ошметками мертвого тумана, в котором плавилась куски фантомов. Она была уродлива. Настолько уродлива, что Ричарда замутило, а этакой беды с ним не приключалось давно. Ни одна гравюра, ни одно описание не передавало в полной мере противоестественного вида проклятой гончей.

Длинное змеиное тело, покрытое костяным панцирем. Белесый, будто вылепленный наспех из куска воска, он надежно защищал тварь, что от стали, что от магии. В трещинах его, которые то возникали, то срастались, виднелась обманчиво уязвимая сероватая плоть, пронизанная черными нитями сосудов.

Топорщились шипы.

Глубокие рытвины, что следы от пальцев безумного скульптора, наполнялись гноем, который сочился по бокам, по хрупким лапам, стекал по изогнутой шее. Гной падал в землю, и вспомнилось, что это вовсе не гной, но яд, капли которого хватит, чтобы убить человека.

И не одного.

Вытянутая голова твари была безноса и безглаза. Зато зубов имелось сотни две...

Гуль затих.

И Оливия тоже... хорошо... умирать под чьи-то вопли — удовольствие ниже среднего.

Ричард выступил, заслоняя бестолковую лайру. Ее это вряд ли спасет, но это все, что он может сделать.

Тварь не спешила.

Она отряхнулась, как-то совершенно по-собачьи, и присела на тропинку.

Уставилась.

Глаз нет, а она смотрит.

Ждет.

Или не ждет, а жрет?

Они ведь не плотью одной живы... холодно стало. И холод этот исходил изнутри. Он просто появился, и вспомнился вдруг маленький храм на окраине столицы.

Нервное ожидание.

Надежда.

И безумная готовность верить, что все получится. Она ведь любит, а остальное не важно. Его, Ричарда, любит, нелепого и смешного, не обладающего ни властью, ни состоянием, ни именем, которое было бы прилично предложить девушке.

Глупец...

...он ведь знал, с самого начала знал, что это неспроста, что он, Ричард, не пара блистательной лайре, и значит все — не взаправду. Так почему же позволил поверить?

Обмануть.

— Уходи. — Ричард облизал пересохшие губы, осознавая, что смерть его будет отнюдь не героической. И не быстрой.

Сначала она сожрет его изнутри.

Память.

Выберет до самого первого дня, до вздоха, до крика... а может, и раньше.

Сотрет. Вытащит. И с нею — страхи его, Ричарда. Надежды, равно сбывшиеся и нет... и горести, обиды. Редкие дни, когда он был счастлив. Их гончая будет смаковать долго, а он... а он превратится в ком мяса, с которым поступят именно так, как надлежит поступать с мясом.

...в том храме свечей горело едва ли дюжина. Голый пол. Пустые вазы...

Алтарь, где догнивали цветы, которые некому было убрать. А может, не сочли нужным? Молодой жрец, лицо которого превратилось в маску. Благочестия? Оно ведь было напрочь фальшивым. И уже тогда Ричард должен был бы понять.

Не понял.

Он только и видел, что свою невесту в традиционном наряде... вуаль на лице была плотна, а у него и мысли не возникло о подмене. Он дрожал от нетерпения и страха.

Вдруг да передумает прекрасная Орисс.

Осознает, что не готова связать свою жизнь с Ричардом.

Или же побег ее раскроется, и отец, с которым Ричарду не тягаться, поспешит образумить дочь...

Тварь скалилась. Она вытягивала из него тысячу и одну мелочь, которые, оказывается, прочно врезались в память.

Цветы.

Традиционные белые азалии почти увяли. И Ричард хотел бы их

заменить, но время... время работало против них... вряд ли отец Орисс обрадуется этакому зятю... он уже нашел дочери подходящего жениха, а может, и не одного, и сделает все, чтобы избавить ее от ненужного брака.

А потому...

...полный обряд.

...жрец улыбается. Снисходительно. С насмешкой. Неужели он ничего не понял? Понял, не глупец, но предпочел закрыть глаза. Что ему обещали? Денег? Или место в храме поприличней, где не пахнет плесенью, да и крыша цела.

Что бы ни обещали, он должен был отказаться... тогда еще Ричард верил в жрецов почти как в Богов. А теперь...

— Уходи! — Он закрыл глаза и взмахнул саблей.

Бессмысленно.

Белесый туман расплзлся. Манная каша, которую матушка варила... полужидкая и с комочками... пригорала еще через раз... матушка прекрасно готовила, но вот манная каша ей никогда не удавалась.

Туман липкий.

Сырой.

Там, в храме, тоже было прохладно. И Ричард ежилась, договариваясь, как ему казалось, со жрецом, чтобы тот провел полный обряд.

И денег дал.

Двадцать пять золотых, которые откладывал на пару жертвенных кинжалов из староимперской стали...

Он мотнул головой.

Сила... ему нужна сила, иначе...

...он слышит запах, эту сладковатую смесь, аромат цветов и гниения... шелест шелкового платья... блеск жемчуга... заунывный голос жреца, который срывается на верхних нотах. Обряд долг, и в какой-то момент Ричарду начинает казаться, что он никогда не завершится.

Атласные перчатки на руках невесты.

Он сам выбирал кольцо.

Еще сорок золотых. Полгода работы... и мелочь, как оказалось, для прекрасной Орисс... ее духи, те, с ярким запахом свежескошенной травы — самый модный в сезоне аромат, стоили дороже.

От невесты же пахло фруктами.

И была она ниже Орисс.

И как шла к алтарю, опираясь на руку верной няньки... он видел все, но почему-то ослеп, оглох, если не заподозрил неладное...

...эта память опасна.

В тряси́ну затягивает...

...клинок вскрывает кожу на запястье, и кровь, отданная добровольно, льется в чашу... жрец принимает кинжал и поворачивается к невесте, заслоняя ее на несколько мгновений от Ричарда... и ему совестно, что Орисс придется пережить эту недолгую боль.

И что на белой ее коже останется тонкая полоса шрама.

И в то же время он рад, что эта полоса, способная сказать многое знающему человеку, останется. Она — клеймо.

Вящее подтверждение его, Ричарда, права...

...уходить. Удержать память.

Это гончая.

Туман.

Туман был и в ту ночь... воскурения... кровь на алтарь поверх цветов, небрежно, будто и не кровь, но традиционное вино... снова песнь срывающимся голосом... пламя, которое взметнулось, принимая подношение... жрец...

...благословляю вас...

...надо было найти его, предавшего Богов и право...

...уже не невеста, но жена... и Ричард с трепетом касается кружевной накидки. Он помнит крахмальную жесткость ее, и то, как она не поддавалась, закрепленная надежности ради дюжиной булавок... и то, как он спешил, булавки выбирая.

И поднимал.

И замер, увидев вместо Орисс ту женщину... темное лицо, все еще красивое, пусть годы и не пощадили его законную супругу. Седые волосы. Черные глаза.

Морщины.

Благородные морщины, сетью мелких трещин на мраморе кожи. Удивление.

И бесконечное безоблачное счастье.

— Ты вернулся за мной, Морган...

Мир перевернулся... и упал.

Почти.

Глава 16

ЛЕДИ И МАВЗОЛЕЙ

Не стоило перечить Ричарду.

И уж тем более верить существу, которое, как оказалось, не было собакой, а было гулем... еще бы знать, что это подразумевало.

Если выживу — всенепременно спрошу.

Если...

Я сглотнула и немалым усилием воли отвела взгляд от твари, которая была до такой степени уродлива, что само это уродство казалось прекрасным.

Белая кость.

Серая с синевой плоть.

Черные сосуды.

Странная гармония линий, хотя сам по себе рисунок их безумен. Оживший монстр из снов Дали застыл в паре метров от меня и пялился... глаз на этой харе не было, но взгляд я ощущала. Внимательный такой. Назойливый даже...

Тварь не спешила.

Сидела.

Смотрела.

Улыбалась во всю свою зубастую пасть. И вот от этой улыбки мне становилось крепко не по себе.

Даже змеи, которые не думали обратно обращаться в камень, больше не пугали. То есть пугали, но куда меньше этого существа. А оно, мнилось, просто так не уйдет.

И Ричард...

Встал передо мной, герой несчастный, в клинок вцепился, хотя даже мне понятно: клинок этот твари, что медведю хлопушка. А он стоит... и пялится, пялится... и белый крупяной туман, весьма мерзопакостного вида, ноги Ричарда облепил. Ощущение, что трясина подымается...

— Ричард!

Не шелохнулся даже.

И когда я по плечу похлопала... нет, понимаю, что не стоит отвлекать героя во время совершения подвига, но уж больно он сосредоточенный.

С таким же успехом я могла местные статуи хлопать.

И как быть?

Сожрут же...

Саблю перехватить? А дальше? С холодным оружием я лишь на кухне ловко управляюсь, но лук, в отличие от нежити, сопротивления не оказывает. Да и зубов у него нет... и вообще...

Гуль издал протяжный лающий звук.

Понятно.

Схватка — не наш вариант, а вот стратегическое отступление... было бы еще куда... лаз, через который мой приятель перебрался по ту сторону ограды, нам не подходит, это Ричард уже проверил. А вот другие варианты... какие?

Змеи покачивались.

Шипели вяло...

По ограде бежали лиловые искры... ограда... поворачиваться спиной к зубастой твари, которая явно недружелюбно настроена, не самая лучшая идея. Вот только других не было.

Ограда...

Высокая. Метра три... обманчиво хрупкая. Этакое кружево из металла и магии, причем, судя по змеям, которые по этому кружеву расползались, магии сюда было вбухано изрядно.

Так... змеи змеями.

Ограда оградой.

А калиточка калиткой. Правильно. Кто-то же должен за этой громадиной присматривать. Полоть там... травку стричь... хотя травка здесь росла редкая и какая-то вялая. Не важно. Главное, что калитка все-таки имелась. Узенькая такая.

Тоже кружевная.

И со змеями.

Впрочем, эти вели себя пристойно, шипеть не пытались, но, стоило протянуть руку, зашевелились, воззрились на меня красными глазами.

— Вечер добрый, — сказала я, хотя и не вечер был, и не добрый совершенно. — Прошу простить мне это вторжение, я бы ни в коем случае не нарушила бы покой этого места, если бы не обстоятельства, от меня не зависящие... видите ли, нас хотят банальнейшим образом сожрать.

Змеи слушали внимательно.

А я вспомнила, что в принципе они как раз слуха лишены... впрочем, нынешние ведь магического свойства.

— Обещаю, что ни я, ни мой спутник не причиним вреда этому... памятнику архитектуры.

Я протянула руку к калитке.

Змеи не исчезли.

Но и не шипели.

Можно ли было считать это согласием?

Гуль на той стороне мало что не выплясывал. Он то садился, то вскакивал, то начинал носиться мелкой тряской рысью, а то и вовсе припадал на передние лапы, будто кланяясь. Тоже просил за нас?

Я оглянулась.

Тварь, воплощение ночных кошмаров, все еще сидела. С приоткрытой пасти свешивались нити слюны, а может, и не слюны... не добавит мне это знание радости. Главное, что занята была. Чем? Похоже, Ричардом. Он еще держался на ногах, но туман, который окончательно утратил сходство с туманом и ныне больше напоминал пушистую белую плесень, облепил его уже почти полностью. Еще немного — и некроманта не станет.

И это заставило меня действовать.

— Извините. Я клянусь... чем угодно клянусь, что мы не причиним вреда. Мы не ищем сокровищ, если есть там у вас сокровища, только защиты. Мы посидим до утра тихонько, а после уйдем... да...

Я решилась.

И протянула руку. Пальцы обхватили холодный металл ручки, которая при прикосновении ожила, развернулась и, превратившись в очередную змею, вонзила острые зубы в мою ладонь.

От неожиданности я вскрикнула, но ручки-змеи не выпустила, а та, вновь затвердев, вдруг поддалась. Калитка отворилась с протяжным скрипом — похоже, гостей здесь давненько не случалось, — а в следующее мгновение Ричард, покачнувшись, начал оседать на землю.

Глава 17

НЕКРОМАНТ И ГОНЧАЯ

Он все еще находился в храме.

В том самом, где кровью и словом, магией своей, привязал себя к сумасшедшей старухе. И она, счастливая — это чужое безумное счастье корбило, вцепилась в рукав его куртки...

Жрец исчез.

И чашу унес, и кинжал, и оставил на лавке свиток традиционного зеленого цвета. Старуха сама его взяла и прижала к сердцу... она что-то лепетала про веру свою, про ожидание, про... Ричард не слушал. Он кричал, не раскрывая рта.

Сгорая в пламени обиды и боли.

А они, его однокурсники, наполнившие храм, хлопали в ладоши. Кто-то бросал горсти белого риса и пшеницы, кто-то пел заздравную, кто-то хлопал по плечам... совали подарки... и те кинжалы, на которые он положил глаз, принесли, то ли откупным, то ли тоже шутки ради.

Кинжалы были хороши.

— Кто? — только и сумел выдавить Ричард.

Не ответили.

А позже, отойдя от первого шока, он не стал выяснять. В самом деле, какая разница, чья эта была идея? Главное, веселье удалось. А если кому не весело... это его беда, верно, Ричард?

Он стоял.

Он смотрел в синие яркие глаза прекраснейшей Орисс, слушал щебет ее. Он позволил поцеловать себя в щеку... и ей, неужели и ей эта вся затея казалась смешной? Конечно. Она ведь всегда глядела на Ричарда с удивлением.

Непониманием.

Легкою брезгливостью. Как вышло, что редкий дар достался тому, кто одного дара не достоин? А потом сыграла в любовь...

— За что? — только и сумел спросить он.

А Орисс ответила:

— Просто так...

Вот и все... правда, теперь она, выступившая из памяти — о как прелестна была она в лиловом платье альвинийского шелка, — не спешила

поворачиваться спиной. Ее не ждали экипаж и четверка охранников, которые бы защитили, вздумайся Ричарду пожелать мести... мести не желал.

Ни тогда.

Ни позже. И уж тем более не тронул бы женщину.

Она смотрела и смотрела... а потом вдруг протянула руку и вlepила пощечину.

— За что? — возмутился Ричард и открыл глаза.

Орисс не было.

И храма.

И кажется, он лежал... где? На чем-то твердом и широком, но однозначно не на кровати.

— Очнулся? — Оливия тихо всхлипнула. — Я... я не буду плакать.

— Не надо, — осипшим голосом произнес Ричард. И удивился, что способен говорить.

— Извини... бить тебя я тоже не хотела... так сильно...

Сильно? Да. Наверное. Только он не ощущает тела, просто ноет щека... и губа... далекая боль, вялая, которая с трудом пробивается сквозь немоту.

— ...но я подумала, что ты должен очнуться...

— Я очнулся.

Он заставил себя пошевелить рукой. Рука была что каменная, но пальцы разжались, и сабля выпала с оглушительным звоном.

— Тебе помочь? — голос Оливии звучал тихо и глухо. Ответа она не стала дожидаться, умница... и с чего Ричард решил, будто она на Орисс похожа? Та точно не стала бы возиться с тем, кто настолько ниже ее по положению.

Оливия с трудом, но подняла его.

Помогла сесть.

Подперла плечом, не позволяя завалиться набок.

— Мы...

— Нас пропустили, — сказала она тихо. — Но я обещала, что мы тут ничего не будем трогать. Мы ведь не будем?

— Не будем, — согласился Ричард.

Луна высоко поднялась. И погода была хорошей, небо — ясным, того темно-нефритового оттенка, который так любят воспевать поэты. Однако в данный конкретный момент времени небо и оттенки его мало волновали Ричарда. Он потерял деревянную шею и поморщился. Больно... шее и еще ладоням. Конечно, он ведь обзавелся парочкой ожогов... да, к утру он на

стену полезет, боль Ричард переносил плохо.

К утру...

А ведь, похоже, до утра дожить получится.

Слева возвышалась белая громадина мавзолея, у входа в который застыла пара мраморных кобр. Выполненные столь искусно, что каждая чешуйка была видна, змеи гляделись живыми. А может, и не просто гляделись. Проверять, насколько кажущееся реально, у Ричарда желания не было.

Никакого.

Он просто любовался.

Змеями вот.

Или белыми императорскими миртами, которые ныне официально считались исчезнувшими, но поди ж ты, росли себе в каменных кадках. Полупрозрачные листья их, напоенные лунным светом, сияли.

Взять бы хоть одно деревце...

Левая кобра шелохнулась... или показалось? Нет, брать здесь Ричард ничего не станет. Не дурак. Он вообще постарается руки держать при себе. И если случилось чудо, то Ричард примет его на веру.

Он пошевелил руками.

Плечами.

Склонил голову налево и направо...

Белый мрамор, того особого сорта, который добывали на Проклятом острове. И ставили из него лишь храмы да императорские гробницы. Ричард, когда читал, не мог понять, чем же хорош этот камень. А теперь... мавзолей впитывал свет.

Белый?

О да, но лишенный того теплого оттенка, который оживляет камень. Скорее уж белоснежный. Искристый. Ледяной. Напоенный силой настолько, что крохотный камушек его безо всякой обработки способен стать артефактом...

...с шелестом развернулся змеиный хвост, скользнул по гальке.

Так, надо успокоиться. Не хватало настроить против себя Стража. Мнится, что проклятая гончая станет тогда не самой большой проблемой Ричарда.

— Это красивое место, — произнес он, не сомневаясь, что Стражи способны понимать человеческую речь. — И я счастлив, что удостоен чести видеть все это... и клянусь своей магией, что не потревожу покой того, кто спит здесь...

Он поднялся, хотя ноги держали плохо.

— Я лишь желаю знать имя того, кому обязан своей жизнью...
Змея осела и капюшон сложила. Качнулась, приоткрывая вязь древних рун.

...его звали Альер Тагрон Терреспаль дель Венцель.

Он умер, прожив на свете три дня, но и этой малости хватило, чтобы сам Сивуш, прозванный Разумным, признал дитя.

...у него не было других, если Ричард правильно помнил.

Жена была.

Наложницы.

Любовницы, постоянные и случайные, а вот детей не было.

— Покойся с миром, маленький Император...

Ричард вновь поклонился, прижав обе руки к сердцу.

— ...и да будет вечный твой сон спокоен.

...убит?

...или проклят еще до рождения теми, кто жаждал занять трон?

...или просто родился больным. С младенцами ведь случается. Как узнать? Никак. Разве что взломав Большую Императорскую печать.

Нет, на это Ричард не пойдет.

И пусть за дверью сокрыты немалые сокровища — особ императорской крови, даже новорожденных, хоронили при Малых Регалиях.

Венец.

Скипетр.

И полог, расшитый черными алмазами.

Чаша. Нож... и если повезет — склянка с Кровью Богов...

Ричард сел на землю и, вытащив узкий клинок, полоснул по запястью. Боли он не почувствовал. Он сидел и смотрел, как темные полосы обвивают запястье, скручиваются вязким кровавым жгутом. Кровь впитывалась в землю.

И шелестели прозрачные листья миртов.

— Что ты делаешь? — этот голос заставил очнуться.

— Говорю спасибо...

Она присела рядом и подняла бархат верхних юбок. Полосу батиста оторвала.

— Мы здесь до утра, — сказала Оливия, перетягивая порез. — Кто такая Орисс?

— Что?

— Орисс, — повторила она, расправляя хвосты аккуратного бантика. — Если, конечно, я лезу не в свое дело...

— Ты лезешь не в свое дело. — Ричард высвободил руку. — Лучше приляг и отдохни... поспи.

— Думаешь, я могу поспать, когда это здесь? — Оливия указала на ограду. — Она ведь не уйдет?

— Не уйдет.

Гончая злилась.

Ричард чувствовал эхо ее злости, далекое, но все одно болезненное. Гончая звала.

Требовала вернуться.

И обещала быструю смерть. Щедро с ее стороны. Ее гнев походил на мертвое пламя. Одного прикосновения хватит, чтобы отравить пусть и не тело, но душу.

Она всколыхнется.

Полезет дурное.

Обиды всплывут. Неудачи.

Тоска глухая...

— Ричард. — Оливия тряхнула за плечо. — Очнись... почему я ничего не ощущаю?

— Понятия не имею.

Он потер глаза.

По всему выходило, что гончая, физически оставаясь за оградой, ментально все-таки способна была преодолеть барьер.

Плохо.

И странно, что Оливия не ощущает. Пусть она и лайра, но дар ее слаб. Она должна была первой услышать зов... замереть, позволить гончей заглянуть в самую суть себя. И вывернуть эту суть, сладкую, нежную...

...белое горло.

...тонкие руки.

...кожа нежная... она легко расцветает синяками... и разве Ричард не лукавил, говоря, что мести не желал? Да, она не Орисс, но какая разница? Она сидит, уставилась глазищами своими... жалеет? Нет, лайры не способны к жалости.

Лживые твари.

Этот шепоток разрастался, и Ричарду стоило немалых усилий заткнуть мерзковатый голос. Чей? Гончей? Или собственный, существование которого Ричард пытался не замечать.

— Оливия...

— Я здесь, — она отозвалась сразу. И руку легонько сжала...

...тонкие пальцы. Они бы ломались легко. Как веточки. Один за

другим. И Ричард бы наслаждался что собственной силой, что ее слабостью. Она бы кричала. Умоляла пощадить. Обещала... что угодно обещала бы. А он...

— Послушай. — Ричард вытащил ремень из штанов. — Сейчас ты меня свяжешь... хорошо бы запереть, но здесь негде... поэтому свяжи.

— Зачем?

— Затем, что она зовет. А я не уверен, что сумею устоять. Тогда тебе будет плохо.

Он протянул ремень...

...ремнем по рукам... или по плечам... плечи у нее белые, и алые следы ремня неплохо будут смотреться. Ричард создаст свое произведение искусства...

— Пожалуйста, — взмолился он.

И Оливия решилась.

Широкая полоса ремня захлестнула запястья.

— А если...

— Послушай... она будет звать, а я буду бороться. Если все будет хорошо, я устою... если нет, то... проклятые гончие не выносят прямого солнца. Не рассвета, Оливия. Солнца. Прямого. Поэтому, будь добра, дождись, пока солнце поднимется над кладбищем.

...от нее хорошо пахнет. Маслами и еще страхом. Самый сладкий, самый нежный аромат. И Ричард не отказался бы, чтобы этот запах стал сильнее. Всего-то малость надо... за руку схватить и сжать. Сильно. Так, чтобы она испугалась не сразу.

Сначала она удивится.

И попросит отпустить ее.

А когда Ричард не отпустит, она попытается вырваться. Но разве он позволит своей маленькой бабочке упорхнуть? Вот именно... женщина-бабочка... крылья радужные... у всех лайр радужные крылья...

— И только тогда уходи. Меня не трогай. Что бы я ни обещал, что бы ни говорил... плакать буду — не слушай... и лучше вообще заткни мне рот.

...ей он затыкать не станет. К чему? Кому помешают ее крики на кладбище? О нет, они станут музыкой... Орисс красиво пела, она, пожалуй, могла бы выступать в Императорском театре, если бы решилась уронить честь лайры подобным занятием, и оказала бы театру честь... да... а как бы она кричала? Сладко... и говорила, что сожалеет... конечно, она сожалеет, но поздно.

Ричард и за ней придет.

Что прощ?

Вернуться в столицу, попросить о встрече... поманить... у него ведь найдется кое-что интересное для дамы... слезы единорога... или вода из альвинийского источника... полфляги осталось... да, Орисс не откажется стать еще красивей.

Она сама придет к нему.

— Или не затыкай... говори, ладно? Не позволяй мне задурить тебе голову... а потом оставь...

— Нет.

— Да, Оливия... не спорь.

Она затянула ремень очень туго. И надо бы напрямь запястья, тогда Ричард сможет избавиться от пут. Он ведь этого желает, верно?

Как смеет наглая девчонка связывать его.

Он жизнь ей спас.

А она... неблагодарная... ничего, Ричард как-нибудь да вывернется.

— Ты сама мне не поможешь. Ты вернешься в город. Отыщешь Тихона. И скажешь, что меня позвала проклятая гончая... что я под мороком... что безумен... и вы вернетесь. Здесь она до меня не доберется. А Тихон способен скинуть морок... это свойство альвинов...

— Перворожденные?

— Что?

— Альвины первыми пришли в мир... так я читала.

— Где?

— Не важно.

Она сидела рядом, на влажноватой траве. И гуль пристроился... плохо... или хорошо? Тварь смотрела с сочувствием. Она увела от гончей, теперь в этом не было сомнений. Но зачем? Не для того ли, чтобы сожрать тихо и... и ей позволено было обосноваться рядом с гробницей.

— Твоя зверюга...

Зверюга ткнулась широкой мордой в ладони, скользнул по пальцам шершавый язык...

— Убери ее, я нервничаю.

— Он ласковый, — Оливия погладила уродливую башку.

— Да уж... ласковый... если вдруг...

...от запаха крови гули дуреют. А Ричард, бестолочь, изрядно этой самой крови на землю выплеснул.

— Если вдруг увидишь, что с ним неладно... в моей сумке есть амулет. Развяжи руки, я покажу...

...правильно, пусть снимет ремень или хотя бы немного ослабит, и Ричард покажет.

...Ричард всем им покажет.

...девочки-бабочки.

Мотыльки.

Дети обрывают мотылькам крылья, а Ричард не ребенок... он придумает что-нибудь поинтересней... у него ведь есть инструмент... и он читал... много читал... из запретных книг тоже... к примеру, взять тот ритуал воззвания... Ричарду ведь хотелось бы провести его?

Жертва в круге.

Ритуальные пытки. И долгая-долгая смерть... сумел бы он задержать ее душу в теле на несколько часов, как должно? Если не получится с первой попытки, всегда останется вторая.

Главное, чтобы ремень отпустила.

— Нет, — неожиданно жестко сказала Оливия. И в шкуру своей твари впилась.

— Оливия. — Ричард изобразил улыбку. — Это же я... я понимаю, ты боишься, но я хочу лишь показать тебе правильный амулет... а потом снова затянем ремни...

Сомнение в глазах...

И глаза темные... скальпелем удаляли веки... мастера Империи многое с глазами умели делать. Разве Ричард не хотел бы научиться?

Глава 18

ЛЕДИ И НЕКРОМАНТ

Вот теперь мне стало по-настоящему страшно.

Нет, боялась я и до этого, но, наверное, сознание мое не готово было воспринять все всерьез. Храм. Боги. Артефакт. Кладбище и гуль, который лежал рядом, и присутствие его, как ни странно, успокаивало. Проклятая гончая воплощением ночных кошмаров... это все было — и в то же время было слишком фантастично, чтобы я поверила.

А вот Ричард...

Блеск в глазах его. Тон этот ласковый. Улыбочка, больше на оскал похожая.

— Девочка моя, что за глупости? Ты мне не доверяешь?

Уже нет.

И сумку его я от него же отодвинула. Вывернула на траву. Ножи? Ножи — это хорошо, это какая-никакая, а защита. Вербка же и вовсе замечательно... что-то ремень мне больше не кажется надежным. Широкий. Из толстой шкуры. С пряжкой золотистой. А все одно ненадежен.

— Вспомни, я спас тебе жизнь...

— Спас, — я захлестнула веревкой ноги. Попыталась. Ричард перекатился и пнул меня.

— Сука неблагодарная, — сказал он с упреком. — погоди, я до тебя доберусь...

— Гуля, попридержи его, — попросила я, не сомневаясь, что буду услышана. И гуль с укоризненным ворчанием — мол, не надо было тебе связываться со всякими подозрительными личностями — улегся поверх Ричарда. — Вот так... а ты лежи смирно, если не хочешь, чтобы тебя сожрали.

— Убери его!

— Уберу. — Я села на ноги, потому что даже под весом гуля, подозреваю, немалым, Ричард пытался ползти. — Чуть позже... послушай, не знаю, что ты там задумал...

— Ногти... — голос Ричарда дрогнул. — Я вырву тебе ногти. Один за другим. Они отойдут легко, как лепестки цветка... белой ромашки. Любишь ромашки?

О да, ночь, судя по всему, грозит быть долгой.

— Терпеть не могу.

— И пальцы... их можно ломать, один за другим... мизинчики... с правого начать? Или с левого? Сама выбирай...

— Замолчи.

— Мы будем играть всю ночь. Я всегда хотел попробовать что-то такое... но сейчас ритуальные жертвоприношения разумных существ запрещены... да, печально... и неразумно... что можно получить со свиньи? Капля силы, и только... на пару амулетов хватит... все восхищаются магами Старой Империи... силой их... а откуда брали? Очевидно же... их методики... недаром закрыты... четверть века тому казнили Сейхера Варриско... запретная магия... кровь... опыты... зверски замучил троих... всего-то троих...

Мне удалось опутать веревкой ноги Ричарда. И узел кое-какой завязать. Надеюсь, прочным будет.

— Отпусти его, Гуля...

Зверь подчинился с явной неохотой. Понимаю, этот маньяк откровенничающий и мне особого доверия не внушает. Но ведь он не сам такой... или... я мало что понимаю в людях?

— ...трое... разве это много? А сила его возросла в разы... ты знаешь, что он сделал?

— Нет.

Не стоит отвечать безумцу, но в тишине и безмолвии я сама с ума сойду.

— Он остановил эпидемию черной гнили... ты слышала о черной гнили?

— Нет.

И как-то слышать не хочется. Я бы, говоря по правде, нашла бы иную тему для беседы. Скажем, о цветах... всегда мечтала дом и пару-тройку розовых кустов. Но Влад дом покупать не собирался. Он и квартиру-то, если разобраться, в кредит оформил. Вовсе не потому, что денег не было.

Были.

Неужели уже тогда он собирался уйти? А я... кредит ведь на меня оформлен был... и квартира... сомнительный подарок.

— Черная гниль на кладбищах зарождается. — Ричард поерзал, перекатываясь набок. И ноги к груди подтянул, изогнувшись, пожаловался: — Мне холодно.

— Мне тоже, — ответила я чистую, между прочим, правду. Бархатное платье, доставшееся мне от щедрот Милии, не грело, а нынешняя ночь

выдалась на удивление прохладной.

— От черной гнили нет лекарства. Единственное, что можно, — избавить человека от боли. Тело разлагается. Сначала слазит кожа...

— Избавь меня от подробностей.

Ричард кривовато усмехнулся.

— Мышцы расползаются... кости становятся мягкими, но человек живет... ему больно, а он живет...

Я заткнула уши.

Но голос Ричарда пробивался все равно:

— Гниль на самом деле не заразна. Обычно поражает тех, кто любит пошариться по чужим могилам. По природе своей она близка к проклятию... хотя иногда... был на моей памяти мальчишка, который из любопытства в старый склеп сунулся... родители очень просили, но против гнили я бессилен, да... а вот Сейхер смог. Тогда произошло что-то, и гниль стала распространяться. Сначала вор, потом могильщики, которые вора задержали. Жены их. Дети... друзья детей... семьи... как пламя, понимаешь?

Сейчас он выглядел почти нормальным.

Я погладила Гулю.

С собой заберу. Конечно, это не хаски и не алабай, и уж подавно не йорк, которых, говоря по правде, я на дух не переносила за визгливость и отсутствие мозгов, но зато я точно знаю: Гуля пусть далеко не красавец, зато умный.

И жизнь мне спас.

— Авессам южный город... двести тысяч жителей. Когда спохватились, оказалось, что проще эти двести тысяч в стенах запереть... только как? Стража городская? А ей тоже страшно. И у стражников есть семьи. Кому охота умирать? А еще корпус императорский стоял... — Ричард прикрыл глаза. — Их бы тоже... и когда поняли бы, к чему дело идет, мятеж бы вспыхнул... двести тысяч... и десять — войск... благородные лойры... у всех есть родичи... вы все друг другу родичи.

Холодно.

И лилиями вновь пахнет. За оградой туман клубится. И вот странно, туман легкий, что завеса, ограда кружевная, а он не смеет переступить. И в тумане бродит тварь, которая смеется... так звонко смеется. И от смеха ее голова начинает болеть.

Мигреней у меня прежде не случалось.

— Резня... Императору бы не простили... двадцать лет... он только-только на трон вступил... он не был готов... но приказ отдал бы... выбор...

Авессам или вся Империя... — Ричард поерзал, подползая ближе. — Он ведь спас их. Не только тех, кто заболел, хотя до этого считалось, что подобное невозможно... черная гниль не излечивается. А он излечил. Он всю Империю... и где благодарность? Где?

— Нигде, — я не хотела слушать.

Но если выбирать между Ричардом и хохочущей тварью, уж лучше он. И та вдруг замолчала, а туман отступил. Он отползал медленно, оставляя после себя клочья на влажной траве.

— Оливия... — этот голос я узнала бы из многих.

— Бабушка?!

Гуля заворчала.

— Оливия, девочка моя... — Бабушка стояла такой, какой я ее запомнила. Темно-синее платье с отложным воротничком. Белое кружево манжет. Брошь-камея под горлом.

Нет, это не она.

Это призрак.

— Призрак, — согласился Ричард и вывернулся, садясь. — Она заглядывает в твой разум и оттуда вытягивает воспоминания... кто это?

— Моя бабушка.

— Ты на нее похожа...

Да, это все говорили. И мама моя смеялась, что это сходство ее только радует. Бабушка ведь красавицей была. А еще отличалась умом незаурядным. И вообще, единственную ошибку она совершила в молодости, поддавшись голосу сердца, а не рассудка...

— Оливия, нам пора, — бабушка протянула руку.

Она никогда не носила колец, за исключением обручального. И я видела теперь его, потемневший золотой ободок. И руку видела, так ясно... узкая ладонь, длинные музыкальные пальцы.

— Нет...

...бабушка осталась там, на старом кладбище, рядом с дедом. Сомневаюсь, что она хотела бы лежать с ним, но этого требовали приличия, а приличия значили для нее куда больше собственных чувств.

— Оливия, не капризничай, — она сказала это ровно.

Она и прежде-то никогда не повышала голос.

Даже когда я устраивала показательные истерики со слезами и валянием на полу — сама-то не помню, но рассказывали, — она оставалась спокойна. И я заражалась этим спокойствием.

Мне так ее не хватает!

— Нет, — повторила я, смахивая непрошеную слезу. — Прости, но... я

знаю, что ты ушла.

Умерла.

— Ты тоже умерла. — Бабушка смотрела на меня, и под взглядом ее мне было неуютно. — Но ты здесь.

— Ты умерла? — Ричард приподнял бровь.

— Потом объясню...

— Пойдем, дорогая... тебе пора домой.

— У меня больше нет дома...

— Не стоит бояться. — Протянутая рука почти касалась ограды, и змеи беспокоились, шипели. — Это не больно. Просто дай мне руку, и мы вернемся. Ты ведь не умерла... ты в коме...

Да?

— И все, что вокруг, это лишь игра твоего разума.

— И ты?

С этой точки зрения я проблему не рассматривала. А ведь логично. Куда уж логичней волшебного иного мира с некромантами, альвинами и чужими могилами.

— Ты всегда была такой фантазеркой...

Нет.

Ее нет.

А есть туман. И тварь. И... и если я действительно не умерла? Упала на асфальт, разбилась, но не до смерти. Лежу где-то там под капельницей, а в моих мозгах ковыряется дежурная бригада.

Но тогда возвращаться тем более глупо.

— Оливия, не упрямясь...

— У тебя свои призраки, — нормальным голосом заметил Ричард. — Но твои не страшные...

— Нет, — я покачала головой.

— Если ты останешься здесь, то умрешь...

— А если не останусь?

— Ты поправишься. Ты еще найдешь свою любовь. Ты молода. Красива. Свободна... твой супруг...

— У тебя есть супруг? — не удержался от вопроса Ричард.

— Потом, — я отмахнулась.

— ...получит по заслугам. Он умрет. А тебе останутся его деньги...

Надо же, до чего заманчивое предложение, вот только моя бабушка в жизни не стала бы заговаривать о деньгах. Во-первых, это в высшей степени неприлично, а во-вторых, она была пусть и строга, но справедлива. И уж точно не стала бы желать смерти никому.

Даже такой скотине, как мой муженек.

— Тебя нет, — я закрыла глаза и повернулась спиной.

— Я есть... хочешь, я рассужу тебе... скажем, что-нибудь, о чем знали лишь мы? Например, о том, как твоя матушка сшила тебе на Новый год костюм зайца, а ты хотела быть Снежной королевой...

...помню.

Как не помнить.

Сшила? Громко сказано. Белая рубашка. Белые шорты поверх белых же колгот Шорты одолжила мамина приятельница, чей сын вырос и из шорт, и из рубашки. Белые чешки мои собственные, и куцый заячий хвост.

Я же мечтала быть Снежной королевой, как Альбинка, которая показала мне платье из тюля и кружева. И я искренне не донимала, почему и мне нельзя такое. Если не такое, то похожее...

— Она пожалела резать штору, — призрак покойной бабушки не успокаивался. — Мы с ней спорили...

...и я слышала эти голоса. Спокойный бабушкин и мамин нервический. Она пыталась доказать, что елка в саду — это ерунда, пара часов, и только, а шторы изрезанные на год останутся или больше, потому как в стране дефицит и новые взять негде. Бабушка же отвечала, что на самом деле пустяк — именно шторы, что их мама и не увидит, поскольку уже второго января отбывает в очередную экспедицию. И на утренник она не пойдет, хотя и обещала...

Мне тогда стало очень обидно.

Она ведь в самом деле обещала... а утром меня ждало чудо. Детские чудеса просты.

— ...я перешила тебе свое свадебное.

И я была самой красивой из королев. Облако белого кружева. Бусины... жемчуг, ее платье было расшито жемчугом. И его мы потом, в годы перестройки, продавали.

— Ты знаешь это потому, — я сглотнула, заставляя себя успокоиться, — потому что это знаю я...

— А помнишь, как я учила тебя плести французскую косу?

— Какую?

— Ричард, я не с тобой разговариваю!

Хотя следовало признать, что его вопросы отвлекали и отрезвляли.

— Уходи. — Я стиснула кулаки так, что ногти впились в кожу. — Умоляю, если это на самом деле ты...

— Это не она, — не замедлил прокомментировать некромант. — Это морок, выхваченный из твоего разума...

— ...уходи...

— Уйду, — сказал призрак после недолгой паузы. — Но обними меня. Или хотя бы прикоснись... я ведь не о многом прошу...

— О многом. — Ричард не собирался молчать. — Прикосновения хватит, чтобы окончательно тебя заморочить. Вообще не понятно, девочка, откуда у тебя такая устойчивость. И каюше ты сопротивлялась, хотя обычно на ее голос люди летят как бабочки... бабочки-мотыльки...

В его голосе проскользнули мечтательные ноты.

— ...лепестки... ногти сходят легко.

Твою ж мать... с одной стороны маньяк, с другой — голодный призрак. Поневоле с гулом обниматься станешь, он пусть и клыкаст безмерно, но ласковый, а главное — вменяемый.

— Я сумею тебя защитить. — Призрак топтался и тянул уже обе руки. Хватит с меня!

— Прочь! — я произнесла это слово именно так, как меня учили.

Холодно.

Сдержанно.

И как ни странно, но призрак рассыпался молочной крупой. К сожалению, Ричард остался.

Он сидел, прислонившись плечом к скамье и уставившись на связанные руки.

— Затеки, — пожаловался он. — Может, ослабишь?

— Воздержусь.

— Думаешь, умнее всех?

— Выжить хочу...

— Здесь выжить сложно...

Это я уже и сама поняла.

— Ничего, я как-нибудь... потихонечку... полегонечку...

Он рассмеялся хриловатым смехом. Приятным... и почему это важно? Просто важно. Просто пока он смеется, он не до конца обезумел. А если так, то утром, когда рассветет, я постараюсь его вытащить. Я решила. Мы уйдем вдвоем.

— Ты лучше расскажи, — попросила я, присаживаясь на траву. Обняла себя. Потрогала полинявший бархат... — Ты начал рассказывать про тот город, где началась эпидемия... и получается, маг ее остановил?

— Да... остановил. — Ричард облизал губы. — Пить хочется...

— Мне тоже.

— Дай мне... вон ту зеленую скляночку.

— Там вода?

— Зелье... укрепляющее... я ведь ранен...

Колебалась я недолго.

— Нет.

Может, оно и укрепляющее, а может, еще какое. Раны у него не те, чтобы прямо сейчас на тот свет отправиться. А вот хлебнет неизвестной отравы и...

— Жестокосердная. Он был некромантом. Не целителем, а некромантом. Как я.

Ричард облизал губы.

— Дай попить...

— Нету...

— Злая... Он понял, что должен делать... а главное, у него хватило силы духа. Другие тоже знали, но боялись. Страх — это плохо... вот ты меня боишься и мучаешь. За что? Разве я не заслужил доверия...

— Не отвлекайся.

А туман шепчет, уже не голосом бабушки, за что ему огромное спасибо. Нет, эти мерзковатые голоса ныне доносятся со всех сторон, они зовут по имени, а еще говорят, что Оливия сама виновата.

Она могла бы договориться с Максом.

Постараться.

Он неравнодушен к красивым женщинам и мог бы помочь... конечно, если бы Оливия захотела. Но нет. Слишком горда оказалась. И где теперь она со своей гордостью? Смешна. Сидит, обнимает себя. Жалеет. Всю жизнь жалела.

Нытик.

Что она такое? Пустое место. Ничего не достигла. Ничего не сумела... в школе крепкий середнячок. Небось учителя ее и не помнят... в университете... культуролог? Кому нужны культурологи... выбрала туда, где конкурс поменьше, чтобы точно пройти.

Училась.

Старательная? А толку с этой старательности, если учеба тяготила. Кем она хотела быть на самом деле? Никем. Правильный ответ, верно? Ни желаний. Ни устремлений.

Одна сплошная пустота.

Тоска.

И закономерный итог...

— Он давно интересовался Старой Империей... сейчас это не одобряется... очень сильно не одобряется, — хриловатый голос Ричарда заглушал голоса. Хотя они все одно не замолкали.

...она ведь и мужа, если разобраться, не любила, чтобы по-настоящему, до обмирающего сердца, до бабочек в животе. Она играла в любовь.

Принимала его ухаживания.

Он ведь красиво ухаживал, и это льстило Оливии, не так ли?

Так...

И лучше уж слушать безумную сказку Ричарда, чем позволять какой-то твари копаться в собственных комплексах.

— ...он нашел описание одного обряда. Доработал, конечно... кое-что изменил... это я по протоколам понял... они закрыли сам обряд. Как же, тайное знание... запретное... а протоколы осмотра места не удосужились подчистить. Точнее, сделали это топорно... ты знаешь, сколько всего можно узнать по жертве... это непосвященным кажется, что осталось крошево из костей... у меня есть специальная лопаточка, чтобы кости ломать. Очень удобно. Ставишь. И молотком тюк...

Меня передернуло.

Нет. Этак я до утра и не дотяну... сойду с ума или от прелестных историй, или от мерзковатого шепотка. Я не любила мужа? А ведь и вправду. Влад был красив. И ухаживал с размахом. Две дюжины алых роз. Лимузин к университету... завистливые вздохи приятельниц, которые маслом по сердцу... а подруг у меня никогда не было.

Почему?

Вправду ли я такое ничтожество, как шепчут...

...я игрушка.

...позволяла себе быть игрушкой... домом занималась... салфеточками, хрусталем... простыни выбирала, чтобы гармонировали с обстановкой спальни... наряжалась.

Выходила в свет.

Он ведь тоже меня не любил, если бросил. Сложно любить вещь, а ведь я была именно вещью, очередным дорогим аксессуаром, без которых Влад не представлял себе жизни. И сейчас, верно, устроившись на новом месте с тем же размахом, станет ухаживать за очередной дурочкой.

А я...

Зачем я нужна?

Кому?

Не проще ли выйти. Калитка рядом. Змеи не станут меня задерживать. Гуля... он и без меня неплохо жил и дальше будет жить, а меня не станет.

Меня уже нет.

А то, что я существую во плоти, это всего-навсего недоразумение,

которое надо исправить.

— Нет, — я зажмурилась.

— Что, зовет? — в голосе Ричарда даже сочувствие слышалось. — Не ходи.

— Не пойду.

— Правильно... ты моя... я не буду трогать твои ногти. У тебя красивые руки.

— Спасибо.

— Жаль будет их ломать...

Вот тебе и... я вздохнула и спросила:

— Так что с тем некромантом? Значит, он пытал людей? И это помогло?

— Помогло. — Ричард смотрел на меня, как сладкоежка на пироженку. — Он получил силу. Много силы... очень много силы... и направил ее в город... подробностей не знаю. Он спас всех. А его судили. Казнили. Обвинили, что именно он выпустил черную гниль.

— Может, и он?

— Чушь, — решительно возразил Ричард. — Не сходится. По документам первый случай был отмечен за месяц до... обряда. Так что нет, им просто нужен был кто-то, кого можно обвинить.

— Знакомо.

...зачем я сопротивляюсь? Это ведь глупо. И Ричард хитер. Мне с ним не справиться. Он освободится, и тогда мне конец. И конец этот будет страшен... неужели я вправду хочу умирать долго? Несколько часов... некроманты многое умеют. А я сама видела его набор инструментов. Неужели не понимаю, что Ричард с удовольствием пустит в дело и скальпель, и разнокалиберные щипцы...

Ногти как лепестки...

Не страшно?

Страшно.

Тогда к чему упряமиться? Надо лишь выйти. И я умру. Без боли. Без страха.

Просто перестану быть.

Закономерный итог никчемного существования.

— Они просто испугались, что он стал слишком силен. Сильных боятся... да... ты слышишь меня?

— Слышу.

— Слушай... ты красивая... ты очень красивая... я ненавижу таких, как ты.

— Почему?

— Вы на всех остальных смотрите свысока. Для вас люди — не люди.

— Разве?

Интересно, долго ли еще до рассвета? И не сойду ли я с ума, этого рассвета дожидаясь?

— Вы думаете, что если вам повезло родиться с голубой кровью в жилах, то вам все позволено... вы не задумываетесь над тем, что другие — тоже люди, что они могут испытывать к вам что-то, помимо восхищения...

Кто ж это его так задел?

— Ничего. — Ричард помолчал. — Мы еще сочтемся... со всеми вами сочтемся.

Мы сидели долго.

Вечность, наверное, и гуля, придремавший у ног, изредка подергивал драным ухом. Вот и все развлечения. Ричард больше не пытался говорить, да я и сама молчала. Долго молчала, пока молчание не стало давить на уши. Где-то в глубине души рождался иррациональный страх.

Бежать.

Куда?

Не важно. Откуда. Прочь от этого места с каменными змеями его, которые следят за каждым моим шагом. Я ведь всегда панически боялась змей. Живых? Эти тоже в какой-то мере живы... надо уходить... надо...

— Ричард...

— Я смогу тебя защитить. — Он понял с полуслова. Он смотрел в глаза, и взгляд его был честен. — Не надо бояться, Оливия... я смогу тебя защитить.

— От чего?

— От всего...

Ложь.

— Только развяжи.

— Нет.

— Думаешь, самая умная? Думаешь, выйдет уцелеть? Сумела открыть... как сумела? Кровью ведь запечатывают, а в тебе нет той крови... не может быть... все они умерли... в Хрониках этого не пишут, но все... и Император... и сто сорок семь наложниц его...

Сто сорок семь? Силен был Император.

Или это самомнение просто?

Лучше о нем. А змей я и вправду боюсь панически, уж не знаю почему...

...змеи выползают на рассвете. И здесь их много. Прячутся в

расщелинах, под камнями... старое кладбище — самое подходящее место для них. Сыро и спокойно. Когда же солнце встанет, змеи выползут...

Страх парализовывал.

Лишал воли.

И надо лишь встать и...

Нет.

— ...Императрица умерла первой... говорят, он собственной рукой перерезал ей горло. Правильно. Повстанцы бы ее не пощадили... родная сестра... истинная Императрица... сильная. Жестокая. Ее боялись едва ли не больше, чем его...

Страх никуда не уйдет.

И сомнения.

И осознание собственной моей бесполезности. И странная апатия, которая поднималась из глубин души, вытесняя прочие чувства. Чему я сопротивляюсь.

Зачем?

Ради призрака счастливой жизни? Жизнь — это лишь мгновение. Мне ли не знать... тогда из-за этого некроманта? Кто он мне? Случайный спутник. Ко всему он безумен. Даже если кажется нормальным. Эти больные фантазии не на пустом месте появились.

Меня же вот не тянет ему глотку перерезать.

Ладно, не ему... а представим на его месте моего дорогого супруга? Или Макса... неужели я бы упустила такой шанс поквитаться?

Я сжала кулаки с такой силой, что ногти впились в кожу. Нет. Хватит здесь и одного маньяка.

Глава 19

НЕКРОМАНТ И БЕЗУМИЕ

Лежать было неудобно.

И холодно.

Ричард умудрился кое-как поменять положение тела, которое само по себе было неподатливым, словно часть его не соглашалась признавать главенство разума.

Или не разума, но безумия?

Чушь. Он нынешний нормален. Куда нормальней себя же прошлого, вечно страдающего по несбывшимся мечтам. Идиот. Надо было расклеить нежные письма той стервы по Академии. Небось отыскались бы желающие почитать. Особенно то, про трепетные поцелуи, которыми сучка жаждала покрыть его лицо... и надо думать, не только лицо. Развратная шалава... все они такие, из одного теста вылепленные. И эта ничем других не лучше. Жаль, у Ричарда руки связаны. Но это ведь не навсегда?

Когда-нибудь он освободится...

Пальцы-пальчики.

Ногти-лепесточки.

Она будет умолять о пощаде. А Ричард позволит ей думать, что у нее есть шанс спастись. Крохотный такой шанс, но есть. Она будет стараться...

...гуль не спускает с Ричарда желтых глаз. Интересная тварь. Разумна? Или почти разумна? Ее бы в Академию... нет. Там сволочи. И мздоимцы... место Ричарда отдали... да... у него ведь нет за плечами родовитых предков, готовых на все, лишь бы деточка задницу в столице грела. Зато Император жалует таких... за заслуги... жwirkля Ричард добыл. А пожаловали других...

Смешно?

И горько.

И еще злость такая разбирает, не усидеть. И Ричард ерзает, елозит ремнями по мрамору. Бессмысленное занятие, но все лучше, чем просто сидеть. А нож из сапога он зря вытащил. И что за дурость была — дать себя связать? Идиот несчастный.

Идеалист.

Хоть раз бы в жизни сделал то, чего действительно хочется. Кошек мучил. А сколько раз представлял на месте кошки прекрасную Орисс? Хоть

бы себе в том признался... что уж теперь?

Ничего.

Оливия все же поплоше будет. Нет в ней нужной стервозности... и этого выражения лица, когда с первого взгляда понимаешь, что не достоин и ноги целовать. Он бы сейчас и не стал целовать... шкуру бы содрал... по лоскуточку... начал с тонкой кожи на щиколотке... вырезал бы узором брачный браслет.

Небось тогда бы раскаялась.

И прощения просила бы...

И быть может, он простил бы... потом... после всего...

Но разные, да... Орисс не выносила тишины, а эта сидит, прислушивается к чему-то... гуля поглаживает... сожрет ее... странно, что до сих пор не сожрал. Но все еще впереди.

Обидно.

Гуль что? Тварь, и только. В нем нет понимания прекрасного. А смерть может быть прекрасна...

— Расскажи мне о той войне, — попросила Оливия. — Или о храме... или о том, что это за вещь...

На ее ладони появилась золотая монетка.

Артефакт!

Его, Ричарда, артефакт. Кровью оплаченный. Шкурой! Да как эта тварь посмела его забрать... ах да, он же сам ей дал... как дал, так и заберет.

— Тебе интересно?

— Да.

Она разглядывала монету. А ведь и вправду интересно. Что ж, почему бы и не рассказать? Времени у них много. И ремни трутся о мрамор... а веревки с ног стянуть вовсе секундное дело... главное, от ремней избавиться... если не сам, то она... надо лишь убедить, что Ричард не опасен.

Надо притвориться.

А Ричард притворяться умеет.

— Что ж, слушай. — Он поерзал, садясь поудобней. Плечи ныли. Да и руки занемели. Все же ремни она затянула на совесть. Этак к утру он вовсе без рук останется. — Нынешняя Империя возникла на осколках Старой. О ней говорить не любят...

...настолько не любят, что странно даже, что хоть какие-то книги уцелели. А ведь было больше, много больше. Хроники, на которые ссылались многие... от них остались три тома из девятнадцати, да и те посвященные периоду Становления. А прочие куда подевались? Пара

свитков с генеалогическими списками. Кое-что из воспоминаний шиарцев. Труды философов... в трудах философов лишь воплощенная мудрость, сокрытая за затейливою вязью слов, и никаких схем, никаких намеков на то, что было...

Нет. Старую Империю уничтожили не только на картах.

И недаром воспоминания Диего Альдовара, верного спутника и лучшего друга Бастарда, находятся в закрытой секции.

Костры из книг.

На площадях.

И пляски освобожденных, которые выплескивали гнев свой в это пламя... горели библиотеки. Сгорали библиотекари. И хранители мудрости побивались камнями на площадях. Вновь и вновь поднималось лезвие-полумесяц, чтобы оборвать очередную жизнь, будь то благородного ауренни или же скромного раба, чья вина была лишь в том, что служил он при лаборатории...

...или храме.

— Те Боги...

Ричард повернулся, сиюсь сквозь туман разглядеть очертания храма.

— ...явились в мир. И принесли с собой знание, а еще силу, которой одарили своих потомков. После Боги ушли. А люди остались. Но некоторые из них были не просто людьми... они встали над другими. Так родилась Империя.

...слова из учебника истории.

Правильной истории. Одобренной цензорами. Избавленной от ненужных подробностей. В ней все ясно. Добро и зло. Белое и черное...

— Поначалу это было крохотное государство. С юга его ограничивали пески великой пустыни. С севера обретались воинственные племена варваров. И если бы не дар Богов, весьма скоро Империя как таковая прекратила бы свое существование. Но сила и знание позволили укротить пустыню. Вышли из-под земли великие реки Шар и Нагир, наполнились водой Мертвые озера. И пески превратились в плодороднейшие земли... по сей день в долине Гиххар снимают по два урожая за сезон. Там не бывает засух, как не случается и наводнений. Красивое место... особенно по весне, когда маки расцветают. Или лавандовые поля. Лаванду выращивают на ароматические масла. Еще шалфей и желтый басманник. Там тихо, мирно... маленькие домики на склонах, синева озер. Вода их мягка и сладка. Омолаживает. Так говорят. И каждый год в первый месяц лета Император с семьей переселяется в летнюю резиденцию... а за ним и лойры благородные... лайры... у каждой уважающей себя семьи есть дом в

долине Гиххар... а сотни лет тому там сеяли зерно.

Она слушала внимательно.

Никто и никогда прежде не слушал Ричарда так же внимательно. И за это маленькой твари можно было простить многое... потом... после игры...

А Ричард постарается, чтобы эта игра не окончилась быстро.

— Сядь поближе, — предложил он. — Теплее будет, а то ведь замерзнешь...

Поверила.

Женщины легко верят в заботу. А еще в собственную неотразимость. Думают, что если Боги одарили красотой, то эта красота изменит весь мир.

От нее пахло травами.

Разными.

Прохладный аромат свежей мяты. И успокаивающий — чабреца. Острый, резкий даже — ромашки. А за ним мягкий, осторожный — липового цвета. Матушка всегда собирала липу. Сушила на чердаке. Мешала с чаем, добавляя половинки дикой айвы, и напиток получался...

...матушка не одобрила бы мыслей Ричарда.

Плевать.

Что она, существующая в тени отца, понимает в жизни? Ричард ведь не ради забавы собирается... да, конечно... не ради забавы... сила... он должен стать сильным. По-настоящему сильным. Способным силой своей остановить новую волну...

Именно так.

И тогда сам Император увидит... преисполнится благодарности... а если нет... что ж, история уже теряла императоров... и обретала новых.

— Постепенно они меняли мир. Потомки Богов... и племена гиссов покорились им. Смешали кровь с кровью... а дальше просто... чем больше земель, тем богаче Империя. И уже гиссы, непобедимая конница, прокатились от океана до океана, и не нашлось никого, кто бы встал на пути их. Первыми пали Вольные города агорцев. Следом — земли скотоводов-байхо... корины и шерраны... и с каждого Империя брала не только земли. Нет. В сердце ее свозили сокровища... золото. Статуи. Людей... одних — в клетках. Других — в паланкинах. Здесь умели награждать. И создали первую в мире библиотеку. Туда отправляли все рукописи. А императорские писцы размножали их, рассылая копии по всем более-менее важным городам... потом библиотек стало больше.

Ричард старался отрешиться от запаха.

И от близости ее.

Теплая.

Живая. Сердце бьется быстро-быстро. Как у пойманной птицы. Он ощущает ее страх. И все-таки надежду... на что она надеется? Конечно. Гадать несложно. Ричард говорит. Он выглядит нормальным. Он и есть нормален... но нельзя спешить.

Осторожно.

Слово за слово... у него есть еще время. До рассвета... и быть может, на рассвете, когда солнце только-только поднимется. Он ведь успеет. Постарается успеть.

А она... люди верят в солнце...

Рядом и вправду было теплее. А я и не поняла, насколько продрогла. Зубы вот стучат. И дрожь мелкая бьет приступами. А ведь лето... и не так уж холодно, если разобраться... тогда почему я замерзаю? Или это тоже морок? Тот, который в попытке согреться заставляет преодолеть страх.

Прижаться к Ричарду.

Слушать...

Рассказывать он умел. Да и вся эта история о Богах и людях — красивая сказка. А сказки я всегда любила...

— Но им было мало... сначала мало. Золота. Знаний. Знаний, пожалуй, они жаждали куда сильнее золота, — его голос звучит глухо.

Мягкий такой.

Ласковый.

И сам он... разве не делится своим теплом? А я его связала... и туго так стянула со страху... а если слишком туго? Если пережала сосуды? Пальцы вон какие белые и ледяные... и если не ослабить веревки, совсем онемеют.

Отомрут?

Или до утра не отомрут?

Знать бы, как долго ждать этого утра...

— Они исследовали мир... порой жестоко... они первые поняли, что силу можно взять не только от солнца или ветра... нет, смерть — это тоже энергия. И куда более податливая, чем сама сила мира. Так появилась некромантия. Сначала как наука о гибели и посмертных эманациях. Потом — совокупность методов работы с этими эманациями. Оказалось, что не каждый одаренный способен их ощущать и тем паче использовать. Нет. Здесь требовался особый талант... и таких детей стали искать по всей Империи. К удивлению выяснилось, что если простые одаренные могли появиться где угодно, то некроманты рождались исключительно среди ауренни, Благословенных. Так себя называли дети Богов. И чем чище

кровь, тем ярче выражен дар. Это привело ко вполне логическому желанию кровь сберечь...

...спасибо Элькрарру Златоусту за поучительные его истории, в которых он словом бичевал развязные нравы Старой Империи. И его ученикам, оставившим увесистые тома толкований и исторических отсылок. Благо труды по риторике избежали внимания цензоров.

— Тогда-то и было объявлено Золотое правило... вступай в брак с себе подобным.

Ричард не удержался и дотянулся до темных волос Оливии. Зажал прядку меж пальцев. Поморщился: почти ничего не чувствует. А они должны быть мягки и шелковисты...

Прядку он оставит на память.

Потом.

Когда закончит.

Или сразу отрезать? Чтобы пока волосы чистые, с чудным ароматом трав. Потом пропахнут кровью и страхом. Уже не то... или две прядки? Одну до игры, а вторую после...

— К тому времени семей осталось сотни две... истинно Благословенных... то есть тех, которые могли отследить свою историю поколений этак на двадцать... хуже с Императором...

Решено.

Две прядки.

И два медальона. Ричард попросит Тихона сделать... скажет, что бедная Оливия стала жертвой... гуля? Почему бы и нет. Тварь пусть и скалится, но от мертвечины отказываться не станет. Не родился еще тот гуль, который бы побрезговал свежим мясом.

Поверит Тихон?

Лучше бы ему поверить... он парень славный, но слаб, как все альвины. Слишком брезгливы, чтобы прикоснуться к истинной силе. Как же... смерть запретна... а в том, что этот запрет делает их слепыми и глухими... сами виноваты.

Эманаций смерти Тихон не почувствует.

И значит, надо лишь достоверно изобразить горе... раскаяние... хотя... он же ее сюда не звал? Сама явилась... удачно вышло... Милия подтвердит, что девица находилась не в себе... Милия подтвердит что угодно... он знает правду, и пусть доказать не сумеет, но не с ее предками доказательств требовать. Нет. Она ведь не стремится привлечь ненужное внимание, так?

— Кого взять в жены ему, Божественному? Разве что сестру... Первым был Гирей Законодатец. Поговаривали, что на самом деле он был без ума от

своей кузины, вот и придумал закон, который позволил взять ее в жены. Его сын последовал примеру... а потом кузины закончились, но у Шимана Созидателя были две родные сестры... обе стали императрицами. Подозреваю, их это вполне устроило. Так и повелось...

— Вырождение... — тихо произнесла Оливия. — Такие браки ведут к вырождению. И это ведь известно!

Ну относительно известности Ричард мог бы и поспорить.

Это сейчас появились труды магов жизни о том, что близкородственное скрещивание не только закрепляет в крови нужные свойства, но и приводит к появлению уродцев. Правда, скрещивали маги в основном животных, да и то многие полагали эти их работы надуманными. В Старой Империи маги жизни были редкостью.

Но вот про вырождение...

В генеалогических свитках — почему и их не сожгли? — все чаще появлялись черные имена.

Умер при рождении.

Умер вскоре после рождения... умер... не оставив потомков... да, с этой точки зрения Ричард ситуацию не оценивал. Не проклятье. Не судьба. Вырождение.

— Император брал в жены когда сестру, желательно единокровную, но годились и рожденные от наложниц... наложницы, к слову, тоже, как правило, были его родственницами... однако и этого оказывалось мало... да.

Ричард заставил себя выпустить волосы.

Улыбнуться.

Женщины любят, когда им улыбаются. Особенно вот так, печально. Жаль, внешность у Ричарда не та, чтобы сыграть. Перебитый нос. Шрамы. А был бы он, как Ульрих, платиновым блондином с печалью в очах. Печаль в очах — сильный аргумент.

Ни одна не устояла.

И эта не стала бы.

— Они становились все более жестоки. И одно дело жестокость рациональная... к примеру, взять ту же гниль. Жертвы были бы в любом случае, или от болезни, или от того, что кто-то решил эту болезнь остановить. И смерть тех, кто погиб во имя знаний, позволила спасти многих других. Понимаешь?

Робкий кивок.

Ничего она не понимает. Ей-то лично жертвовать не приходилось. Да и не сталкивалась она с теми, кто потерял близких. Не видела разоренных

деревень. Не отворачивалась от матерей, которые совали в руки остывшее детское тело, умоляя вернуть.

Пусть нежитью.

Немочью белой. Проклятою тварью... но это с другими прокляты, а именно ее ребенок вернется таким, как прежде... материнская любовь излечит.

Нет. Она не понимает. И не поймет. Но Ричард наклонился и коснулся губами ароматных волос. И ветивера ноты... ветивер цветет на старых холмах. Тоже хорошие места. Он всерьез даже подумывал остановиться там. А что, маленькие городки, узкие проселочные дороги... деревни и люди, умеющие быть благодарными. Ему ведь предлагали, тот градоправитель, в котором, как и в Тарисе, не было и толики благородной крови. Но он умел считать выгоду. И быть благодарным.

...пожалуй, туда стоит вернуться.

...поставить себе дом... два этажа. Первый каменный по старой традиции. Второй — из дерева. Не из мягкой осины, но из красного дуба, который там растет во множестве. Не дом будет, но маленькая крепость... а главное — глубокий подвал...

— Их жестокость, — мечты нисколько не мешали рассказу, — была иного свойства. Они развлекались, убивая. И прочие следовали примеру. А может, сами стали бы такими. Время Заката. В учебниках его так именуют... кровавые игры, когда в Императорском цирке стравливали людей, зверей и нечисть. Когда тысяча золотых танцовщиц вышла плясать над острыми кинжалами, а Император и приближенные делали ставки... трое суток они танцевали... это не предел человеческих возможностей. Это далеко за пределом. Та, которая выжила... с нее Эррайм Темный создал свою Плясунью... ты видела эту статую?

— Нет.

И это тоже удивительно. Вряд ли бы во всей Империи отыскался человек, который не слышал бы этой истории. Ее ведь не скрывали, как иные, о домах каменных, способных противостоять и огню, и воде, и ветру... помнится, лет пять тому ветер почти стер с лица небольшой городок Винтеро. Уцелела лишь пара зданий, древних, сохранившихся еще с тех времен.

...о людях, исцеленных словом или взглядам... о страждущих, готовых на многое, лишь бы коснуться Большого Императорского камня... сила, в нем накопленная, на многое была способна.

...о мертвецах, возвращенных волей Его. И о том, что не становились они нелюдьё, но сохраняли разум...

...о полях, которые давали по два урожая. Старая Империя не знала голода. Стада ее плодились. Ни коровьей чумы, ни трезурского сапа, который год тому выкосил лошадей на побережье...

Он рассказывал об этом и о многом другом, сам почти верил в сказку о государстве, которое не знало ни войн, ни болезней, ни голода...

...ни мира, ни благоденствия.

— И не было никого, кто ощущал бы себя в безопасности...

Он все еще тер ремни о мраморный выступ, слишком тупой, чтобы можно было надеяться и вправду перепилить толстую кожу. Нет. Так он ничего не добьется. И Ричард усилием воли заставил себя прекратить.

Она сама его выпустит.

На рассвете.

Она ведь так ждет этого рассвета... и чуда...

— ...и часто жизнь Благословенного стоила не больше жизни последнего раба, а рабов в Империи было много.

— Они ее уничтожили?

— Если верить учебникам истории, то да. Это был бунт, вспыхнувший в маленьком городке, а затем охвативший три провинции. В считанные дни... для стихийного бунта это слишком мало. Трое наместников перешли на сторону повстанцев. Откуда-то появилась армия... хотя почему откуда-то? Она была. Просто и в армии служат люди, а у людей есть родичи... и страх... рано или поздно приходит осознание, что нельзя бояться вечно.

Он ведь представлял себе, как это было. Когда читал свитки, естественно, разрешенные, писанные гладко, да только вся эта гладкость была что кружево на дырявой стене. Красиво, но сути не скроешь.

Восхваления.

Оды во славу.

...и горящая земля. Альверн, город, мало меньший столицы, в одночасье провалившийся под землю. И та земля поныне была бесплодна. Ричард там бывал. Любопытно было глянуть.

Тоска.

Спекшийся красноватый камень. Узоры, в которых, приглядишься и при толике малой фантазии, увидишь... чего только не увидишь. Альверн, основанный альвинами, был прекрасен. У них сохранились гравюры.

А болота, в которые превратился благословенный некогда край? Десятки городишек, куда меньше Альверна, стали частью этих болот. Там теперь только и есть что пара деревенок, где обретаются охотники. Благо проклятой дичи хватит не на одну сотню лет...

— Куда интересней другое. — Ричард повернулся, заглянул в лицо

своей маленькой птички. Спит? Уж больно тиха стала... нет, не спит. Сидит и слушает. И задумчивая такая, будто ей и вправду не все равно, что там происходило, сотни лет тому. — Как им всем, что наместникам, что мятежникам, удалось преодолеть клятву Хаора.

Он замолчал, позволяя ей задать вопрос.

Вопросы важны.

Они создают иллюзию беседы. А мирная беседа — первый шаг к доверию. Ему же очень нужно, чтобы эта маленькая птичка поверила.

— Что это за клятва?

Взгляд прямой. И Ричард с неудовольствием отметил, что не способен этот взгляд вынести.

Какого?..

Ничего. Можно сделать вид, что занят руками... обожженными руками, которые должны бы болеть. Но боли нет. Есть онемение. И Ричард поднес руки к губам. Подул... вот так, девочка. Смотри. И сочувствуй. Ты из тех, кто легко проникается сочувствием, и серая наглая тварь, которая не сводит с Ричарда пристального взгляда, тому примером.

Кому еще, как не жалостливой дурочке, придет в голову безумная мысль пригреть гуля?

— Клятва абсолютной верности. Или, правильнее сказать, абсолютного послушания. Нет, не скажу, что ее приносили все жители Империи. Это было бы несколько чересчур... но вот Благословенные и их дети — обязательно. И все, в ком замечена была искра дара... и те, кто даром был обделен, но желал подняться над иными. Нельзя было занять должность мало-мальски значительную, не принеся эту клятву...

Оливия задумалась.

Мизинец закусила. Забавная. Даже жаль, что придется ее убить... в том доме, который Ричард купит... или построит? Он еще подумает, как лучше... главное, что в том доме будет большой удобный подвал, где он сможет держать своих птичек.

И не будет нужды торопиться.

Не жалкие пару минут на рассвете, но долгие тихие ночи... или дни... кто сказал, что зло не творится днем?

— Как-то это... нерационально.

— Что? — Меньше всего Ричард ждал от нее рассуждений о рациональности.

— Смотри.

Она отодвинулась, и это было совершенно неправильно. Она должна была находиться рядом. Делиться своим теплом. И принимать благодарным

даром тепло Ричарда.

— Как я поняла, Империя немаленькая. То есть и людей в ней проживало изрядно... а теперь возьмем всех магов. Только магов. Сколько их? Сотни? Тысячи? Сотни тысяч? И аристократия... ладно, допустим, чиновники были аристократических родов... не первых, из тех, что поплоче. Я ведь права?

Ричард пожал плечами. Скорее всего, да. Но какая разница?

— Все равно получается слишком много тех, кто должен был бы принести клятву... вот смотри...

Она даже заерзала, пытаясь сесть поудобней. И платье свое нелепое подобрала. Без платья ей определенно было бы много лучше... белое-белое тело. Такое совершенное. Такое мягкое. Податливое. И алые узоры легли бы на тонкую кожу.

Ричард был бы очень осторожен.

— Чисто технически... допустим, Император умирает.

— Они жили долго.

— Но все равно ведь не вечно, так? А значит, рано или поздно Император умирал... и тогда что? Клятва становилась недействительна?

Ричард пожал плечами. Он не знал. И, честно говоря, не особо задумывался.

— Допустим, — осторожно заметил он.

— Тогда получается, что нужно было приносить ее заново. Следующему Императору... и лично?

— Подробностей история не сохранила.

Она нахмурилась. Ей не идет быть хмурой.

И жаль, что боль исказит это лицо... или нет? Оно останется прекрасным, но на свой манер. Да. Определенно. В боли есть своя особая красота.

Просто не каждому дано ее увидеть.

— Тысячи и тысячи людей съезжаются в столицу, чтобы присягнуть на верность... думаю, кто-то о таком бы да упомянул...

— Возможно.

Ричард понял, что начинает злиться.

Почему она говорит об этой клятве? О ней забыли все, кроме историков-хронистов... еще одна тайна, которая сгинула вместе со Старой Империей.

— Если не в хрониках, тогда в легендах... да и ладно, мы о технической стороне... должны были приехать все... а это списки... и всегда возможность, что кто-то останется вне списка. Такая неразбериха...

кто-то умер. Кто-то сменился. Кого-то посадили... или сбежал... или еще что-то... они бы знали, что смерть Императора — это шанс на свободу. Крохотный, но шанс. Многие пожелали бы воспользоваться... подкупить кого-то, чтобы уйти из списка... человеческий фактор.

В том, что она говорила, была логика.

Почему сам Ричард не думал о чем-то подобном? Ответ прост: ему не было нужды.

И сейчас нет. Разве что для поддержания беседы.

— Разве что клятва приносилась не конкретному человеку, а на кровь?

Она прикусила губу.

— Ненадежно... он ведь не был один. Сыновья. Братья. Даже женщины. Всегда мог найтись кто-то, кто жаждал власти. Клятва ведь именно от этого защищала? Преданность Императору, а не Императрице...

Интересная задачка.

И главное, логично.

Сколько их было, переворотов, в истории той Империи?

В том и дело, что нисколько... тогда... Ричард осознал, что эту женщину ему уже не хочется убивать. Пока. Он прекрасно понимал, что нежелание это — временное и что голод, который он испытывал и раньше, просто не знал, как называется этот голод и что способно утолить его, никуда не исчез.

Отодвинулся.

Ненадолго.

До рассвета всего ничего осталось. Летние ночи коротки. И значит, он должен подготовиться... сыграть... всего одна попытка будет.

Поэтому лучше думать над задачей, чем о том, что он способен сделать с птичкой-Оливией...

— Остается одно, — после непродолжительного раздумья произнес Ричард. — Регалии... Большие императорские регалии... о них часто упоминали...

Он задумался.

Крепко задумался.

Тот он, прошлый. Несчастный неудачник, за которого нынешнему Ричарду было стыдно, прыгал бы от счастья. Как же... удалось решить такую задачку.

Нынешний понимал: не удалось.

Во-первых, все их решение — домыслы на коленке. И проверить их не получится. Не потому, что Ричарда и близко к регалиям не допустят, но потому, что сами они исчезли.

По официальной версии.

Во-вторых, очевидно, что императорские регалии — артефакт. А уж свойства их... Ричард вполне отдавал себе отчет, что полное представление о свойствах данного артефакта могли иметь лишь владельцы. И то...

В-третьих, какая разница, как именно работала клятва, само существование которой ныне почти забыто? Разве что беседа... неторопливая дружеская беседа.

До рассвета.

Небо на востоке пошло характерной прозеленью. И значит, осталось недолго.

Глава 20

ЛЕДИ И ДУХ

Ричард вновь замолчал. А я... я слишком устала для разговоров. Наверное. И, быть может, задремала... все-таки две ночи без сна. И день насыщенный. В полудреме я слышала, как возится гуль. И Ричард что-то там рассказывает про Старую Империю, про Новую... не разобрала. Надо будет прикупить учебник истории.

Эта мысль ускользнула.

И следом прочие.

Я прекрасно понимала, где нахожусь и что спать сейчас просто-напросто опасно, но в то же время не находила в себе сил освободиться из этой упоительной полудремы, в которой было так спокойно.

...а если Ричард освободится?

...если он освободится, я ничего не сделаю. Он сильней. И быстрее. А бежать мне некуда.

— Ты не похожа на тех, что приходили раньше, — сказали мне.

И я обернулась.

Я вдруг осознала, что раздвоилась. И часть меня спит, свернувшись калачиком, спрятавшись под крепкую руку некроманта... к счастью связанную. Но и связанный он мог свернуть мне шею.

Эта часть была беспечна.

И неряшлива.

Грязное платье... да уж, возвращать подобное Милии будет неудобно. И чулок порвался. А на ботиночки налипла грязь. Волосы растрепаны. На щеке пятно... ужас ходячий, а не благородная дама. Впрочем, кого я обманываю?

— Никого, — сказал тот же голос и предложил: — Может, откроешь?

Вторая часть меня, казавшаяся мне самой вполне материальной, стояла перед дверью. Массивной такой дверью. Темное дерево. Блестящие шляпки гвоздей. И накладки из кости, расписанные узорами.

— Это руны. Защита от воров.

— Я не вор.

Накладки слабо светились. Но стоило протянуть руку, и свечение угасло. А дверь со скрипом отворилась.

— Знаю, — сказали мне.

Ступени.

Высокие серые ступени.

Белые стены. Плошки металлические, в которых вспыхнуло пламя. Оно отразилось в полированных листах металла, словно в зеркалах.

— Не бойся.

— Я не боюсь.

Как ни странно, страха я действительно не испытывала. То ли устала бояться, то ли не воспринимала происходящее всерьез. Сон? Похоже на то... какое место, такие и сны... еще недавно я и представить себе не могла, что буду спать на погосте.

А вот поди ж ты...

— Это не совсем сон. — Мой незримый собеседник оказался любезен. — Это транс. Сознательное... в твоем случае бессознательное разделение души и тела. Тело твоё под охраной. Тебе не стоит опасаться. Стражи вмешаются, если твой спутник решит причинить тебе вред.

— Спасибо.

— Не за что...

Я спускалась.

Ступенька за ступенькой. И, решившись, я коснулась гладкой стены. Прохладная. А пламя в плошках — горячее. Во снах чувства притуплены, извращены, здесь же я чуяла и запахи — затхлости и сырости, металла, масла... еще чего-то, нерезкого, но крайне неприятного.

— Если хочешь, его ликвидируют.

— Что?

— Уничтожат.

— Нет.

Я знала, что он, позвавший меня, не шутит.

— Его мысли грязны.

— Это морок...

Лестница все не заканчивалась. А я... я не знала, хочу ли дойти до конца ее. Нет, я понимала, что должна... обязана... что меня пригласили в эту полуявь и не выпустят, если это не будет угодно хозяину...

— Я рад, что ты это понимаешь. Но не волнуйся. Я не стану задерживать тебя надолго. Просто у меня давно не было гостей.

И снова дверь.

Тяжеленная.

Серебро потемнело, и руны на нем почти исчезли под слоем окислов. Дверные ручки — все те же змеи — потянулись к моей ладони, а я нашла в себе силы не заорать. Их прикосновение — холод камня и железа — было

неприятно.

— Прости. Но так надо...

Мне не было больно.

Почти.

А каплю крови, что проступила на ладони, я слизала. Соленая... если я дух, то почему не утратила способность ощущать?

— Твои ощущения — это память разума. — Дверь передо мной отворилась с протяжным скрипом. — На самом деле здесь все несколько... иначе. Пыль. Пауки...

— Про пауков не надо.

— Не буду...

Жар.

Алая роскошь ковра.

Золотые треноги с огромными чашами, над которыми распускались диковинные цветы пламени. Белые стены расписаны фресками, и каждая — произведение искусства.

Бамбуковые ширмы.

И пара низких кресел у столика. Вино. Ваза с фруктами...

— Это все...

— Не существует. — Белобрысый мальчишка поднял персик, повертел в руках и бросил обратно в вазу. — Но это было. Здесь оставили множество вещей... хочешь что-нибудь?

— Зачем?

— Просто так. Мне-то они точно ни к чему.

Ему было года два на вид.

— Три, — поправил меня мальчишка. — А твой сопровождающий читать не умеет... три дня... не различить две элементарные руны. Прикажи его выпороть.

Вряд ли это возможно.

— Почему? Хотя... не говори. Я понимаю. Мир изменился. Ты не стой. Присядь.

Я вошла.

Ковер был мягок, я босой ступней чувствовала шелковистую гладкость его. Горячий воздух окружил и согрел. А вино, протянутое мне хозяином склепа, пахло солнцем.

— Разве детям можно пить? — спросила я, когда и он поднял бокал.

— Смотря каким, — резонно возразил мальчишка. — Не забывай, я не одну сотню лет провел здесь. Кто угодно повзрослеет. Впрочем, если тебе больше нравится...

Он вдруг исчез, чтобы появиться в ином образе — светловолосого юноши, столь прекрасного, что выглядело это неестественным.

— Зря ты так думаешь. Это просто возрастная проекция с высокой долей вероятности. Если бы мне позволили дожить до шестнадцати, я бы так и выглядел.

— А ты можешь... — Я присела на краешек кресла. В присутствии этого юного Бога я чувствовала себя крайне неудобно. Этак и комплекс неполноценности заработать недолго, хотя прежде я на свою внешность не жаловалась.

— Могу. Мне и самому проще удерживать изначальный облик.

Мальчику кресло было слишком велико.

Хрупкий какой.

Будто хрустальный.

Светлая кожа кажется прозрачной. В светлых глазах отражается пламя. Волосы выглядят почти белыми, но именно белыми, а не седыми.

— Кровь сказалась. — Он провел ладонью по своему лицу. — Благословенная...

Мальчик произнес это с явною насмешкой.

— Он прав, твой человек... купи ему хороший ошейник. Для низкорожденного он мыслит вполне здраво. Это редкость. Без ошейника уведут, и сложно будет доказать принадлежность, даже при наличии клейма. А так ты можешь получить от него неплохой приплод...

— Ты это всерьез?

Он говорил о Ричарде как... о животном? Разумном, да, но все одно животном...

Мальчишка рассмеялся.

И хохотал так заразительно, что и я не удержалась от улыбки.

— Успокойся. — Он вытер ладонью слезы. — Я знаю, насколько сильно изменился этот мир... только не знаю, к лучшему ли это... времена, когда мне довелось быть живым...

Он замолчал.

Вспоминать об этом было больно. И боль его, давняя, но не пережитая, наполняла комнату. Она придавила пламя. И оно утратило яркость свою. Поблекли фрески. И ковер подернулся пологом пыли. Запахло сыростью и тленом.

Я протянула руку и коснулась холодной детской ладони.

— Мне жаль.

Он усмехнулся.

— Знаешь, что странно... тебе действительно жаль. Я это чувствую.

Но не понимаю.

— Чего?

— Того, что ты даешь себе труд сожалеть о человеке, которого не знала... который давно уже не существует.

— Но ты есть!

— В каком-то смысле да... но... это сложно... раньше все было иначе.

Он отряхнулся, и пламя загудело. Кубки наполнились вином. Зеленый виноград рассыпался по столу, и мальчик поймал ягодку, крутанул и бросил.

На пол упал зеленый изумруд.

— Элементарная трансмутация... при жизни я так не умел. Хотя... я и сейчас не умею. В тонком мире возможности возрастают. Во всем, что касается тонкого мира... но я отвлекся. Раньше люди владели людьми. Высшие — низшими... наивысшие — всеми остальными. И ошейники были данностью. Многие нужны были не столько как метка, сколько как защита... помнится, мне было чуть больше года, когда любимую няньку проклинали. Мой дорогой дядюшка решил, что я ему мешаю... не представляю, как он вообще узнал о моем существовании, но она умирала тяжело... меня к ней не пустили. Вдруг проклятие заразно? Но позволили самому выбрать надгробие. А потом привели новую. Я ее не хотел... наверное, тогда понял, что именно она...

Мальчик вновь замолчал. И молчание сгустило тьму.

— Как тебя зовут?

— Альер. Называй меня так... у меня есть другие имена, куда более подходящие для отпрыска имперского рода, но они мне не нравятся. Она называла меня Альер. А та, другая... она умела кланяться... и совала мне игрушки. Пела песни, но это были неправильные песни. Приносила молоко с медом на ночь... и однажды натерла край кубка ядом.

Я поежилась.

— Мой раб уже пробовал это молоко... и камень показал, что оно не ядовито... и кто способен был предположить, что она, передавая кубок от него ко мне, коснется края... одно легчайшее прикосновение. Одна капля «белой слезы», и я проснулся больным. Я сгорал... семь дней... моя агония длилась семь дней. И все это время она сидела рядом и отирала пот с моего лба. Она думала, что так и останется непойманной... осталась бы... все решили, что это горячка... она забыла об одном... моя смерть была не только моей смертью. Их всех похоронили здесь же.

Вино, такое ароматное и сладкое, застряло в горле.

— Какая ты нежная, Оливия... я ведь был бы Императором и заслужил

большую гекатомбу... поэтому все мои няньки, кормилицы, личные слуги... семь собак, ловчие сокола, лошади и два гепарда, которых мне подарили ко дню рождения, все они лежат здесь. И нет, это не было моим выбором. И нет, я не ощущаю угрызений совести. Так было принято... если тебя утешит, то смерть их была куда более милосердной. Стражами сделали лишь четверых.

Я не стала уточнять, что это значит. Вряд ли что-то хорошее. Мой собеседник поднял со стола стилет с тонким клинком и рукоятью, увенчанной огромным алым кабошоном.

— Обо мне горевали... пожалуй, моя матушка, которая утратила положение. И мой отец... я был единственным его наследником. А вот остальные... у других наложниц появился шанс... и у моего дядюшки, который жаждал стать Императором. А те, кто был равнодушен к играм у драконьего престола, им точно было все равно... да...

Он протянул кинжал.

— Низшие и вовсе... знаешь, я только здесь начал задумываться о том, что им свойственны чувства. Это была странная мысль. Мне не хватало моей няньки. И я волей своей поднял ее дух... да, я способен на такое...

Клинок пробил столешницу. И вышел, оставив сочащуюся туманом дыру. Ее Альер стер ладонью.

— Сначала мне было хорошо... для того их и хоронили, чтобы дух мой, если не упокоится, имел свой маленький двор. Но они все, лежащие под моей гробницей, были мне не нужны. Только она. Я звал. Я был еще ребенком. И звал. Мне было страшно. Больно. Плохо. Я не понимал, что со мною произошло... и происходило. Она услышала и пришла. И вновь стало хорошо. Почти. Она пела мне правильные песенки. И рассказывала сказки... только плакала по ночам. Нам ведь сон не нужен. Но мы продолжали притворяться живыми. Я ложился в кровать. Закрывал глаза, а она ложилась рядом, на ковре. Как раньше. И делала вид, что заснула... только не спала, а плакала. Это раздражало. Я изволил гневаться... я даже пригрозил развоплотить ее... вернуть... и она тогда упала на колени, умоляя сделать это. Следующую сотню лет мы говорили. О многом говорили. О людях... о том, что пусть и срок их жизни мал, пусть сами они нелепы в своих метаниях. Порой глупы. Часто невежественны. Но они тоже разумны... я не скажу, что сразу понял все, о чем она говорила. Несколько раз я во гневе изгонял ее. Потом взывал вновь... и опять же изгонял... мучил... я на многое способен здесь, в тонком мире.

Стол поплыл... и кресло... и вся комната.

Потолок выгнулся.

А стены потекли, словно сделанные из воска. Огонь стал темно-пурпурным. А пол покрылся толстым слоем пыльного золота. Чеканные монеты, вроде той, которая осталась наверху. Браслеты-кольца с камнями. Алмазная тиара, которую примерила мертвая женщина...

— Моя матушка. Среди наложниц нашлись те, кто подсказал моему отцу разумную мысль. Ребенку нужна мать и в загробном мире.

Альер подошел к ней, сохранившей красоту спустя годы. Пусть стала пергаментной некогда белоснежная кожа, пусть посерели темные волосы, заплетенные в сложную прическу.

— Она мне нужна была при жизни, а теперь...

Алый шелк платья струился меж его пальцами. И поблескивали бисерные бабочки...

— Она лишь одна из многих вещей... хочешь? — он снял тиару.

— Нет.

Как-то вот не прельщали меня сокровища мертвецов.

— Тебе бы пошло... примерь.

— Нет. Зачем ты меня позвал?

— Чтобы ты меня забрала.

Он повертел тиару и выкинул. Она покатилась по золотым россыпям и остановилась, ударившись в кованый сундук.

— Как? — Я проводила тиару взглядом. — Я не маг...

— Маг. Хотя и слабый. Твоя кровь очень сильно разбавлена. К счастью, не настолько сильно, чтобы вовсе не быть узнанной...

— Кровь?

— Ты же не думаешь, что вас впустили лишь потому, что ты попросила? Многие просили... а впустили лишь вас. Вернее, тебя. Кровь Императора...

— У меня?

Вот уж и вправду сюрприз... или ошибка. Я ведь рождена в другом мире...

— Это ровным счетом ничего не значит. Было время, когда мои предки выходили за грань. Не все возвращались... — он склонил голову набок, почти положил на плечо и окинул меня задумчивым взглядом. — Пожалуй, в тебе есть что-то от Гермесиуса Сноходца. Он затерялся где-то там, и даже дух его не вернулся.

— А остальные духи?

— Это зависит от желания, — вполне серьезно ответил Альер. — Есть те, кто устал еще при жизни. Я ощущаю их присутствие, но воплотить их... на равных моих сил не хватит. Низшие — другое дело. Я могу воззвать к

каждому, с кем был знаком. Правда. — Он тут же смутился и добавил: — Почти все эти люди похоронены здесь же. И ничего-то интересного в них нет. Или рыдают. Или проклинают. Или вот как матушка моя — упрекают в том, что погиб рано, а мог бы Империей править... духи разные, как люди. Добрые и злые. Корыстные. Завистливые...

— Всякие. Я поняла. И поняла, что тебе здесь надоело...

— Ты себе и представить не способна, насколько...

Он тяжело вздохнул и, зачерпнув горсть золота, позволил монетам посыпаться сквозь пальцы.

— Тоска смертная... засмертная... я заперт в этих стенах. Сажу вот... раньше хоть люди появлялись... я выучил по именам всех, кто лежит на этом погосте... и родственников... и кто кому кем приходится. Это тоже было развлечением. На какое-то время... после меня здесь никого не хоронили. Как же, сын Императора... и плевать, что из других развлечений здесь — проклятая гончая, которой тоже за ворота не выйти... я звал... как умел... правда, отзывались всегда не те... как-то грабители пришли. Представляешь? Ни стыда, ни совести у людей... ни разума. Решили, что если я похоронен лет семьсот тому, то со мною можно и не считаться...

Его возмущение было бы забавно, если бы не золотой круговорот, который зарождался под ногами Альера. И он, босой, облаченный лишь в белоснежную рубашку да короткие штаны, стоял над этим круговоротом, не замечая его.

— С ними я развлекался почти месяц... потом тишина... долгие годы тишина... один маг, решивший, что его ничтожных силенок хватит, чтобы усыпить моих Стражей. Впрочем, он оказался неплохим парнем. И с матушкой моей поладил... она с той поры почти и не появляется. А главное, нить перестала...

Он потер ногой ногу и, выхватив из водоворота тонкую цепочку, вытащил подвеску-капельку, словно рыбу из пруда.

— Вот. Я все продумал. Давно уже. Мне не следовало убивать тех людей, признаю. Я ведь уже давно мог бы выйти. Но, к счастью, есть ты!

Ага. Что-то счастливой я себя вовсе не ощущала.

— От тебя многого не потребуется. — Мальчишка приплясывал от нетерпения. — Вернешься в тело. И в физическом воплощении спустишься. Стражи не помеха. Во-первых, в тебе есть истинная кровь. Во-вторых, я им не позволю... найдешь вот это...

Цепочка витая. Синий камень.

Сапфир?

— Морское око. Это глаз каменного левиафана. Их использовали как

накопители энергии. И этот достаточно велик, чтобы вместить мою сущность. Он находится в саркофаге.

Альер взмахнул рукой, и обстановка вновь изменилась. Нет, золото не исчезло, как и женщина, полулежащая на золотом троне. Бессильно обвисла рука ее, так и не коснувшись головы молодого парня в потрепанной одежде. Надо полагать, того самого неудачливого мага...

— Ты не туда смотришь. — Альер встал рядом. — Ей бы хотелось ощутить прикосновение... мы можем возвращаться, если вместилище цело... но всех моих сил не хватит, чтобы подвинуть его ближе.

Я сглотнула.

И отвернулась. Почему-то смотреть на этих двоих было невыносимо больно.

— Они счастливы. По-своему... — Альер взъерошил белые волосы. — А там лежу я... ты можешь посмотреть. Я воссоздал все, как есть... сейчас.

— А ты?

— Подвеска — последний дар моего отца. Может быть, он знал... или догадывался... или заподозрил... тот яд, которым меня отравили... он разрушал тело и после смерти. Вместилища у меня не осталось. И если бы не морское око, я бы... ушел в никуда.

Он поежился.

А я вдруг поняла: он боится смерти. Несмотря на то что давно умер, так и не смирился со смертью. И быть может, поэтому до сих пор жив, как ни парадоксально это звучит.

— Посмотри... это неприятно, но ты должна... — Альер отступил за спину. — Я не боюсь. Мне просто неприятно видеть себя таким...

Возвышение.

И саркофаг.

Полированный зеленый камень. Яшма?

— Змеевик императорский.

Три ступени.

Хрустальные шары у подножия лестницы. При моем приближении они вспыхнули неровным зеленоватым светом.

Тени ковром легли под ноги. Впрочем, ковер тоже имелся, просто исчез под толстым слоем пыли. Запах... неприятный запах, не разложения, но... благовоний? И смерти? Тех же белых лилий...

— Императорский цветок. — Альер стоял там же, где и раньше. Наклонил голову, глядя на босые ноги свои, которые утопали в золоте. Кулаки стиснул. Лица не видно — лишь макушка с вихром светлых волос.

Первый шаг.

И второй.

Над курильницами вьется дымок, будто пламя в них только что погасло.

Саркофаг высок, мне по грудь. И если крышка имеется, весить она будет не одну сотню килограммов. Я ее физически не подниму...

Крышка была.

Стеклянная.

И стекло спустя столетия не утратило своей прозрачности. Оно казалось обманчиво тонким и хрупким, а в самом углу на нем расползлись нити трещин. Если ударить чем потяжелее...

На человека, лежавшего в саркофаге, я долго не решалась посмотреть.

Золото.

Снова золото.

Тяжелое одеяние, столь плотно расшитое золотой нитью, что казалось панцирем, надежно защищавшим такую хрупкую плоть. Из этого панциря выглядывали побуревшие скрюченные руки, больше похожие на птичьи лапы. Правая сжимала хрустальный шар. К левой привязали золоченый посох-палку.

— Это малый императорский жезл, — поправил Альер. — Все-таки тебе несколько не хватает образования. Ничего. Мы это исправим.

Голос его звучал нарочито бодро, но за этой бодростью мне слышались нервные ноты.

Я вновь повернулась к мертвецу. Его лицо скрывала белая мраморная маска.

— Посмертная...

...губы прорисованы красной краской. Глаза подведены черной. Угольные брови, сошедшиеся над переносицей. Крохотная борода...

— Так было принято. Даже мою тетюшку, венценосную Гернару, которая отравила своего дорогого брата и супруга и правила после его смерти благословенные сто лет, при жизни изображали мужчиной. Да и после смерти... женщина не может быть Императором. Как и ребенок...

— Но ты ведь не стал...

— В каком-то смысле стал. — Он вдруг оказался рядом. — Твой человек был прав в том, что императорские регалии — это сильнейший артефакт. И да, верность подданных он обеспечивал, не без этого... хотя моей тетюшке удалось найти лазейку в клятве. В конце концов она отравила особо наглую наложницу, а уж то, что мой дядюшка любил разделять с низшими пищу... увы, это его сгубило.

Холодная ладонь.

И пальцы цепляются за мои, словно он боится, что исчезнет, стоит взглянуть на собственное тело.

— Оно уродливо, — пояснил Альер. — А кому приятно смотреть на уродство? Но я не о том... императорские регалии на многое способны. Взять наше долголетие. Или вот отменное здоровье. Или устойчивость к проклятьям, к ядам... ты же понимаешь, что никакая наследственность не подарит иммунитет к мышьяку.

— Ты знаешь такие слова?

— Ты знаешь. А я пользуюсь. Сейчас мы в какой-то мере едины... тонкий мир. — Альер все же отступил. — Когда стало понятно, что целители меня не спасут, отец велел принести их... и лично надел на мою голову Большой венец... тяжеленная дура, да... если бы немного раньше, глядишь, и спас бы. А так... только агонию продлил. Но сугубо юридически я — Император.

— Очень за тебя рада.

Маска.

И золотой шлем, из-под которого выглядывают белые косицы.

— Меня всегда раздражала эта прическа... извини, я много говорю, но за эти годы я несколько соскучился по общению...

— Ничего...

Я увидела подвеску.

На груди, как он и обещал. Только тонкая цепочка слилась с золотым панцирем, а камень затерялся среди других камней.

— Стекло можешь разбить. Возьми с собой своего человека. Он выглядит достаточно сильным. Только предупреди, чтобы не использовал здесь магию. — Альер отвернулся. — И да... вам понадобятся деньги. Поэтому словом своим я разрешаю взять все, что вы сочтете нужным...

— Спасибо. А если...

...если я уйду?

Дам слово и просто уйду.

Завтра, когда рассветет... что он мне сделает?

— Ничего, — ответил Альер на невысказанный вопрос. — В реальном мире я ограничен своим домом.

Он обвел рукой комнату, которая вернулась к прежнему, уютно-обжитому виду. Огонь. Столик. Вино, фрукты и никаких мертвецов, чью близость я все равно ощущала.

— Ты слишком впечатлительна. — Альер крутил в пальцах бокал, позволяя вину подбираться то к одной, то к другой его стенке. За прозрачным стеклом вино казалось густым и тягучим и цвет имело

неестественный, рубиново-яркий. — Но нет, я не боюсь, что ты меня бросишь. Ты слишком нежна, Оливия... впечатлительна... ты мне сочувствуешь... и ты в жизни не бросишь беспомощное дитя...

— Ты давно уже не дитя.

Вот же... а ведь прав, не брошу.

— Да, но ведь выгляжу ребенком, — он лукаво усмехнулся. — Кроме того, я могу быть полезным. К примеру, я могу объяснить твоему человеку, что именно он отыскал. И научить его... теперь я многое знаю.

Интересно откуда...

— Моих учителей похоронили здесь же. Времени у нас было много, заняться нечем... так что... — Альер пожал плечами. — Пожалуй, я с гордостью могу сказать, что являюсь самым образованным Императором в истории...

И сам же рассмеялся.

Мне вот смешно не было.

— Иди. — Он прислушался к тому, что происходило вовне. — Скоро рассвет. И еще. Не вздумай отпускать его, пока солнце не поднимется на две ладони...

Глава 21

НЕКРОМАНТ И СОКРОВИЩА

Она спала.

Она спала так крепко и выглядела маняще беззащитной. И не шелохнулась, даже когда Ричард склонился над ее лицом. Занемевшими пальцами он провел по губам... жаль, что не способен ощутить их мягкость. А кожа... такая бархатистая.

Нежная.

Из этой кожи вышел бы удивительного качества пергамент... быть может, позже? Когда Ричард закончит... нет, ее шкуру от Тихона не спрячешь, а альвин ему нужен.

Или не очень?

Стоило подумать... но нет, все-таки нет, быть может, позже, когда у Ричарда появится свой дом с глубоким подвалом, который надежно отделит тьму от света, он воспользуется кожей.

И кровью.

Кровь девственниц на многое способна. Правда, нынешние шлюшки девственность хранить не приучены, что, несомненно, печально, но в любом городе можно отыскать сводню, а уж та, были бы у клиента деньги, расстареется. Деньги у Ричарда имелись.

Да и некромант без работы не останется.

В бездну всю нежить... ему ведь предлагали иные способы. Полегче. Проклятие там... или запретные эликсиры... из крови и плоти многое можно сотворить, что купят с преогромным удовольствием. Конечно, опасное занятие, но риск того стоит...

Оливия вздохнула.

И открыла глаза.

— Утро доброе, — сказал Ричард, улыбаясь. Он очень надеялся, что улыбка выглядела правильно. В меру робкая, слегка виноватая. Он ведь пугал ее? А теперь ему стыдно... да, бесконечно стыдно...

— Доброе. — Оливия села и сжала голову руками. — Уже утро?

— Солнце поднимается...

Ярко-зеленый шар лишь показался. Еще с полчаса — и поднимется над линией горизонта.

— Солнце... — повторила Оливия и попыталась подняться.

Ойкнула. — Ноги затекли...

— Пройдет. — Ричард подставил локоть. — Все теперь пройдет...
...и его безумие.

...нет, это не безумие, это просто осознание того, что предыдущая его жизнь была сплошным недоразумением. К счастью, Ричард вовремя это понял. У него есть шанс все исправить.

— Вот и все, — сказал он, пытаясь потянуться. — Проклятье... рук совершенно не чувствую...

— Извини.

Оливия отвела взгляд. И гуля своего — вот мерзость — почесала за ухом. Тот же не собирался уходить, растянулся, набок завалился, показывая поджарое, испещренное шрамами брюхо. И на солнце уставился. Это когда гули рассветом любовались?

— Надо еще немного потерпеть. — На Ричарда эта хитрая сучка не смотрела.

Потерпеть?

Он всю ночь терпел. Сходил с ума от ее близости, от запаха манящего, от невозможности прикоснуться... нет, он прикасался, но не холодной сталью. А она теперь говорит, что он потерпеть должен? Ричарду стоило немалых усилий подавить вспышку гнева.

Нельзя ее пугать.

Он вздохнул и, закатив глаза, сполз по скамье.

— Ричард?!

Гуль тоже вскочил. Заворчал. Ткнулся розовым носом в живот... лишь бы не принял за мертвеца, а то ведь хватанет — и конец.

— Ричард! — Оливия упала на колени. Ни дать ни взять — печальная дева... ладони легли на щеки, повернули голову. — Ричард, очнись, пожалуйста...

Он издал глухой протяжный стон, очень надеясь, что стонет в достаточной мере жалостливо. У женщин мягкое сердце, а эта и вовсе дура...

Она легонько шлепнула по щеке.

И по второй.

— У тебя жар... Ричард...

Жар? Ему холодно! Он замерз за эту треклятую ночь, и так, что того и гляди вовсе окоченеет. Он с трудом сдерживает дрожь...

— И знобит... что нам делать?

Это она у Ричарда спрашивает? Он, между прочим, без сознания. То есть не совсем чтобы без сознания, но Оливия должна думать именно так...

— Ричард, очнись, пожалуйста...

Второй стон был громче и протяжней.

— Ричард!

Этот окрик он пропустил мимо ушей. Скоро она будет кричать по-другому... или все-таки стоит рот заткнуть? Вдруг да Тихон попрется на кладбище с утра пораньше. С этого станется... безумный даже по сравнению с прочими альвинами.

Следующая пощечина была увесистой.

И Ричард открыл глаза.

— Ты живой?

Пока еще да, но не ее усилиями. Нет, а если бы он и в самом деле умирал? Она бы так и сидела, оплакивая? Или предприняла бы что-нибудь?

— Оливия... — его голос дрогнул, что было уместно. — Мне кажется... силы уходят... рук не чувствую совершенно... ожоги...

Солнце поднималось слишком уж быстро. И теперь Ричард четко ощущал горячую близость его. Опасную близость. Еще несколько минут — и станет поздно.

Для чего?

— Пожалуйста... — Он взвыл. И Оливия отступила. — Оливия... я умираю...

Перед глазами и вправду вспыхнули огненные круги.

Один.

И еще один... и в голове зашумело. Боль была такой, что тело свела судорога.

— Отпусти! — взвыл Ричард, пытаясь подняться.

Сила... если бы его сила была с ним... ни одна веревка не удержала бы... ремень... смешно... спутали, как щенка... он все равно вывернется. Сумеет... дотянется до горла... и если бы... если бы на мгновение всего вернули... силу его... его силу!

А они забрали!

И эта сучка сидит, улыбается... смеется над ним! Орисс смеялась! Вежливая ее улыбка... поздравления... а в душе она хохотала!

— Отпусти...

Кожа горела.

Он точно знает, что горела. Он ощущал запах паленого... и катался по земле, пытаясь сбить невидимое пламя. А когда оно ушло, Ричард понял, что вот-вот замерзнет. Холод шел изнутри. И кости его стали льдом, а мышцы задеревенели, но боль не отступила ни на мгновение...

Твари!

Все они твари...

Он отомстит... он... из горла вырвался сдавленный хрип... нет, он не умрет, пусть и ждут, что он... а он будет жить... назло всем... будет... и отомстит... всем им отомстит.

Замерзшая кровь вскипала.

И кажется, он ослеп, не то от боли, не то от того, что кровь вскипала... и глаза его пузырились. Ричард завыл...

— Добей...

— Тише. — Эта хитрая тварь не собиралась оказать ему и такой малости. Она сидела, держала голову Ричарда обеими руками и что-то шептала, глупость какую-то, что скоро все закончится, что солнце уже почти взошло и Ричарду надо потерпеть.

Сама бы и терпела.

А он умереть хочет... кажется, он плакал, умоляя добить. А она гладила по волосам и говорила, говорила... потом вовсе запела...

Колыбельную.

Он не ребенок давно уже, а она запела колыбельную. И, как ни странно, боль отступила. Не ушла совсем, но... Ричард словно раздвоился. Одна часть его агонизировала и стремилась утащить за разумом и слабое человеческое тело. Другая сопротивлялась.

Эта другая требовала остаться.

Слушала песню.

И смеялась... и в конце концов он понял, что умереть ему не позволят, и тоже рассмеялся.

Если бы кто-то сказал мне, каково это будет, я бы предпочла остаться в склепе. Там тихо. Мертво. А здесь...

Ричард кричал и корчился, катался по земле. А когда замер, то попытался руками дотянуться до своего лица. Кривые пальцы готовы были вцепиться в кожу, содрать ее.

Нам с гулей вдвоем пришлось навалиться на него.

И тогда Ричард затих.

Успокоился.

Ненадолго.

Он вытянулся, оцепенел и даже дышать перестал. Сердце в груди трепыхнулось и замерло. Ну уж нет, я не для того столько терпела безумные его разговоры, чтобы взять и позволить ему вот просто так умереть.

— Гуля, держи его...

Я сцепила руки в замок, замахнулась и, что было силы, ударила в грудь. И еще раз... ну же, давай... еще раз... не массаж сердца, на него у меня банально не хватит сил, но просто сидеть... я всхлипнула и велела себе успокоиться.

Потом пореву.

Главное, не позволить этой твари забрать Ричарда. А ведь она виновата. Я же... я должна сделать что-то... что? Не знаю, но я ведь не просто так, я императорской крови... и дар у меня имеется, пусть и слабый. Надо только применить.

Как?

Я зажмурилась, пытаюсь и успокоиться — поздно паниковать, и отыскать в себе ту самую скрытую силу, которая дала бы нам шанс. Я глубоко вдохнула.

Положила руки на грудь Ричарда.

Не знаю, как оно работает, но... я представила себе замершее сердце и на выдохе велела ему работать.

Ну же!

И еще раз... и стало вдруг жарко, невыносимо жарко. А потом этот жар ушел в Ричарда. И сердце встрепенулось... один удар.

Второй.

И посиневшие губы обретают нормальный цвет.

Вот так... я кое-как пристроила голову Ричарда на коленях и запела. Бабушка всегда мне пела, когда я болела. Обычная колыбельная, но... странное дело, становилось легче. Не магия, разве что слова... я просто хотела, чтобы ему стало легче.

Гуля, заскулив, уткнулся носом в руку Ричарда.

Повязки сбились.

И при свете дня я видела, что пальцы его побелели, а на ладонях появились характерные пузыри. Часть их лопнула, обгоревшая кожа потрескалась, а трещины сочились сукровицей. Ему должно было быть больно, очень больно.

Ричард тихонько стонал.

Из глаз катились слезы. А солнце поднималось. Так медленно, невыносимо медленно, что я сама готова была зарыдать от отчаяния.

Наконец он затих.

И дальше что?

Ждать? Чего? И как понять, что его... отпустило? Поверить? Я уже один раз едва не поверила. Поверила бы, если бы не его взгляд, исполненный такого безумного ожидания, что стало страшно. А теперь?

Нет, он не притворяется... ладно, потерю сознания можно изобразить, а вот остановку сердца?

Ричард открыл глаза.

— Привет, — сказала я и вытерла сухие щеки. — Ты жив?

— Кажется, — не слишком уверенно ответил он. И, прислушавшись к себе, добавил сиплым голосом: — Но я этому не рад...

Он со стоном повернулся набок.

— Погоди... — я решилась.

Солнце поднялось уже высоко. И если так, то его можно развязать. А если нет... лучше не думать о таком.

Веревки я разрезала, а вот с поясом возиться пришлось долго. Перетянутые руки распухли. А кожа не поддавалась ни ножу, ни пальцам. Ричард сносил мою возню стоически. Только губы дергались, когда я случайно задевала раздраженную ожогами кожу. Но наконец мне удалось поддеть пряжку и распустить ремень.

— Погоди, — я стянула его, — руки надо размять. Восстановить кровообращение...

Ричард кивнул.

Предполагаю, что следующие минут пятнадцать он с удовольствием вычеркнул бы из памяти...

...а Влад никогда не умел терпеть боль.

Не надо.

Влада больше нет. И того, прошлого, мира. И меня, той никчемной, то ли женщины, то ли вещи, которая позволила себя убить. Второго шанса я не упущу...

— Все. Дальше само. — Ричард пошевелил пальцами.

Уголок рта дернулся.

— Если хочешь ругаться, то...

— Спасибо, — он отвесил притворный поклон. Это зря, потому что не удержался и упал бы, если бы не ухватился за мое плечо.

— Не за что, — сквозь зубы процедила я.

Все-таки телосложение у меня не то, чтобы плечи всем подставлять... или не всем.

— Извини, — вот чего-чего, а раскаяния в его голосе не было ни на грош.

Но плечо мое отпустили.

— Вот и все. — Ричард присел на ту самую несчастную лавочку, которая в свете дня выглядела куда более древней, нежели ночью. — Сейчас немного посижу, и пойдем...

И я со вздохом призналась:

— Мы не можем...

Ричард знал, что все беды от женщин.

Не от женщин в принципе, нет, он все же не считал себя женоненавистником, но вот от подобных Оливии красавиц, которые на ровном месте умудрялись находить приключения. И ладно бы сами приключались... в гробницу ей заглянуть захотелось.

Позвали ее.

А она откликнулась.

Кровь императорская... да чушь это на ровном месте. Ту кровь целенаправленно выбивали капля за каплей, и теперь эта девица, появившаяся из ниоткуда, заявляет, что она этой самой крови.

Императорской.

— Оливия, — он с трудом сдерживался, чтобы не заорать.

Было больно.

Нет, не просто больно — боль была оглушающей, и тело, измученное недавней трансформацией, держалось из последних сил. Ричард даже не был уверен, хватит ли ему этих самых сил, чтобы добрести до калитки. А надо... второй ночи он не переживет.

И вообще желательно, чтобы до наступления сумерек он с Тихоном перебросился словом-другим. Кто уж разбирается в ментальных воздействиях, так это альвины.

— Оливия, — чуть тише и спокойней произнес Ричард. — То, что ты говоришь... невозможно. Допускаю, что ты в самом деле видела сон... его внушили.

Именно.

Еще одно ментальное воздействие.

В духе гончих.

И странно только, что такое... странное. Не безотчетный страх, заставляющий жертву покинуть убежище. Не апатия, лишаящая воли. Не призраки души, как у Ричарда... нет, он осознавал, что далек от идеала, но вот воочию встретиться с собственной темной стороной — удовольствие ниже среднего.

— Нет.

Она встала.

— Ты, если хочешь, иди...

Ричард застонал. Идти? Да куда он пойдет?

— ...а я должна хотя бы проверить. Если я права, нам откроют дверь...

— Возможно, для того, чтобы закрыть за спиной.

...древние гробницы отличались весьма специфическим чувством юмора.

Но Оливия не услышала. Подобрав грязноватые юбки, она решительно направилась к дверям. Что ж, если Ричарду повезет, эти двери не откроются.

Увы, удача от него отвернулась.

И мраморные змеи, еще недавно шипевшие на самого Ричарда, почтительно склонились перед грязной лайрой. А дверь беззвучно отворилась.

— Это ловушка...

Его предупреждение услышано не было.

— Твою ж... что скалишься? — Ричард обратился к гулю, который развалился на солнышке и искоса наблюдал за Ричардом. С ухмылочкой, к слову, наблюдал... — Лучше бы ты ее сожрал, право слово...

Гуль захихикал.

Из прохода тянуло пылью, и тленом, и особым духом помещений, которые были давно и надежно опечатаны. Но вспыхивали один за другим светильники иллюзией пламени, столь совершенной, что Ричард и жар, от огня исходящий, ощущал.

Отличная работа.

Жаль, полюбоваться некогда. Надо догонять эту... лайр-ру благородную, чтоб ей и предкам ее, включая мифического имперца, икалось...

— Видишь. — Оливия ждала внизу, на крохотном пятачке пространства, где и одному развернуться было сложно. — Все не так плохо. Мы возьмем одну вещь и уйдем... или не одну. Аьер разрешил брать все, что нравится...

— Спасибо ему большое. — Ричард с трудом сдерживал раздражение.

Ему было больно.

И лечь хотелось.

Раны зализать. А еще магия, на которую он так надеялся, не вернулась. Солнце встало, а она... и конечно, может статься, что ограничение наложили не на время, но на территорию, и стоит удалиться от храма или кладбища на милую-другую — и все вернется, но...

О втором варианте Ричард старался не думать.

Кому нужен некромант, лишенный сил?

— Пожалуйста, — ответили ему, когда дверь открылась.

Глава 22

ЛЕДИ И ИМПЕРАТОР

Сама, между прочим, чего прежде за дверями Ричард не замечал.

— Ты слишком дерзок для низшего, — сказал светловолосый мальчишка, глядя на Ричарда сверху вниз. Вот ведь... от горшка два вершка, а он сверху вниз. И главное, что от этого взгляда Ричарду становится крепко не по себе.

Так и тянет согнуться в поклоне.

А то и вовсе упасть наземь, умоляя простить.

— Хватит. — Ричард отряхнулся. — Оставь мои мозги в покое. Они мне еще пригодятся.

— Сомневаюсь.

— Альер, пожалуйста. Ему и так сегодня досталось.

Этой просьбы хватило, чтобы мальчишка отступил, а желание распластаться у ног великого исчезло.

И Ричард огляделся.

Прежде в императорских усыпальницах ему бывать не доводилось.

Роскошно.

Высокие потолки. Стены белоснежные. Фрески, затянутые пылью, но... написанные века тому, они и ныне не утратили и толики яркости. И люди, на них изображенные, гляделись живыми. Пряжи. И ткачихи. И вот пара охотников, которые крались по следу виверны, а та, косо поглядывая на людишек, усмехалась. И кто здесь охотился?

Кузнецы.

И золотых дел мастера, создававшие чудо...

И над ними всеми тенью крылатой возвышался Солнечный трон, на котором восседал Император...

— Впервые вижу низшего, который не чужд красоты...

— Впервые вижу такого разговорчивого призрака. — Ричард потерял шею, которая ныла, напоминая, что теперь ожоги сами собой не затянутся.

— Я не призрак. Я дух.

— А разница в чем?

— В том, что с призраком ты бы справился. Конечно, если бы к тебе вернулись силы. А вот развеять дух их бы не хватило. Кроме того, ты, называющий себя некромантом, не можешь не знать, что призраки, в

отличие от духов, неразумны. Это всего лишь остаточные эманации смерти, тогда как дух суть энергетическое явление высшего порядка.

Нет, дожился, его тут всякие... ладно, духи, учить будут!

Мальчишка хмыкнул и, обведя рукой круг, сказал:

— Где-то там есть драконья кровь. Тебе она не помешает...

— Сколько ей лет?

— Боги, — дух закатил глаза к потолку. Низкому такому потолку, расписанному сценами охоты. — Чему тебя учили? Драконья кровь со временем не теряет силу, напротив, накапливает ее. Чем дольше хранится...

— Я понял.

— А перебивать собеседника невежливо, — заметил дух.

Вот уж не было печали. Ладно. Плевать. Дух так дух. А драконья кровь, если она и вправду обладает хоть малой долей свойств, ей приписываемых, то, что Ричарду надо.

Он огляделся.

Вдоль стен выстроились низкие и длинные сундуки с выпуклыми крышками. Некоторые были открыты и манили блеском золота и драгоценных камней. Ричард поднял жемчужное ожерелье, но нить рассыпалась, и жемчужины беззвучно упали в пыль. Поднимать их Ричард не стал. Он обошел резное кресло, в котором замерла женщина удивительной красоты, стараясь не наступить на алый шелк ее наряда. Он старался не смотреть на останки парня, чье лицо исказила мука... и не думать о том, что сам он вполне способен составить этому парню компанию.

— Не бойся. — Назойливый дух следовал по пятам. — У меня нет намерения причинить вам зло.

— Спасибо.

Драконья кровь... вряд ли стоит искать ее среди алмазов. Крупные. Каждый камень — с перепелиное яйцо. И прозрачные, и бледно-желтые, и розовые, и даже драгоценные темные...

Рубины.

Сапфиры.

Травянистая зелень изумрудов. Одного камня хватит, чтобы сделать Ричарда богатым...

Он оглянулся. Оливия никуда не исчезла. Стоит у саркофага, задумчива и несчастна с виду.

— Ты странный, — духа, похоже, изрядно утомило молчание.

— Чем?

— Они, — он указал на кучку пожелтевших костей, — когда попали

сюда, будто обезумели... бегали и кричали... рассыпали все. Им нравилось золото. А тебе?

— И мне нравится, — не стал кривить душой Ричард. — Но драконья кровь актуальней...

Мальчишка — впрочем, не стоило обманываться, духи редко были такими, какими выглядели, — указал на окованный железом сундук.

— Там. Можешь взять, что сочтешь нужным.

— Спасибо.

Дух хмыкнул и отступил, оставляя Ричарда наедине с сокровищем. А в сундуке — крышка с протяжным недовольным скрипом отворилась — его ждали настоящие сокровища.

Белый витой рог.

Единорожий? Кто поднял руку на это чудо... понятно кто... в Старой Империи к чужим чудесам относились без толики почтения.

Плотные квадратные куски кости. Драконья чешуя? Она самая. В Академии Ричард видел такую. В музее. За тремя слоями стекла, пропитанного защитными заклятиями. Драконы давно покинули этот мир, и в нем ныне свято берегли ту малость, что удалось сохранить.

Одна, две... да в бархатном мешочке лежало не меньше двух дюжин чешуек, каждая из которых стоила куда больше сундука с алмазами.

Когти мантикоры.

И вздутый костяной нарост, полный яда...

— Будь осторожен. — Назойливый дух все же не ушел. — Достаточно капли, чтобы сгореть...

Ричард знает.

В теории.

Мантикор истребили сотню лет тому.

Железные перья гарпид. И фиал с полупрозрачной светящейся жидкостью... Кровь дракона иная, темная, густая. Судя по описаниям, а это...

— Вода из подземного источника. Еще та отравка. В мое время ее называли мертвой. Она обладает удивительным свойством сращивать плоть, но тоже мертвую. — Дух присел на край другого сундука и, подняв иллюзию браслета, широкого, украшенного полированными кабошонами, вертел ее в руках. — Ее используют для создания големов.

— Использовали.

— Да? Вы нашли средство лучше?

— Нет. — Ричард вернул фиал в сундук. — Мы больше не создаем големов.

— Почему?

Браслет выпал из пальцев и покатился по золотому ковру монет. А ведь старой чеканки и... и если он возьмет хотя бы малость, то станет богат. Да содержимого одного этого сундука хватит, чтобы Ричард не работал до конца жизни. И какая работа... он прикупит поместье.

И земли.

Отца заберет, пусть тот воочию убедится, что Ричард был прав, избрав свой собственный путь.

Матушка... братья и сестры... он поставит дом, в котором всем хватит места... когда-нибудь потом, через год или два... сейчас он должен завершить начатое.

— Потому что это знание утеряно.

— Я слышал твой рассказ. — Мальчишка смотрел с жалостью, что было невыносимо. — Значит, это правда? Вы теперь ничего не умеете?

— Многие умеем...

— Пыль.

— Пускай. Но наша.

— Низших всегда отличало упрямство. Логика. Правда. Вы готовы закрыть глаза и отвернуться, лишь бы они не разрушали ваши идеализированные мирки...

Ричард стиснул зубы. Хотел бы он ответить мальчишке, но не здесь, не в месте его силы...

...прозрачные кусочки, будто слюда...

— Крылья фей. Редкость уже и по моим временам. — К счастью, дух сам оставил неприятную тему. — Но могут быть полезны. Их добавляют в некоторые эликсиры. А вот это — толченый клюв кракена... его добыли еще при моем деде. Говорят, щупальца этой твари достигали полутора миль длины...

— Ввали.

— Может быть. Мне тоже показалось это несколько преувеличенным... а вот — хрустальные слезы...

...белесые крупинки. Так выглядит крупная соль.

— Их собирали на берегах Мертвого озера. Вот они как раз и оживляют мертвую плоть. То есть не совсем оживляют, скорее активируют ряд физиологических процессов. Ты понимаешь, что такое физиологический процесс?

— Да. — Ричард ссыпал крупинки в фиал. — Я понимаю... в этом мире не осталось хрустальных слез.

— Вы многое потеряли.

Мальчишка был серьезен.

— И многое обрели, — возразил Ричард, перебирая сокровища. Вот это что за темно-синяя, будто из стекла отлитая пластина? Гладкая с одной стороны, с другой она пестрела мелкими трещинами и потеками. А вот эта кость, чья она? Еще одного зверя, о существовании которого ныне знают лишь по древним бестиариям? Косичка из белоснежных волос, каждый из которых при прикосновении издает хрустальный звон... и железные острые когти, нанизанные на нить.

— Что, например?

— Свободу.

— Свободы нет. — Дух кивнул, когда в руках Ричарда оказался пузатый флакон из темного стекла, то есть сперва он решил, что это именно стекло темное, но пригляделся и понял: содержимое. — Свобода лишь иллюзия. И вам сказали, что теперь она в ваших руках, но скажи мне, низший...

— Ричард.

— Низший, — с кривоватой усмешкой повторил мелкий поганец, — разве ты волен делать то, чего действительно хочется?

— А разве нет?

Прозрачное стекло и темная густая, как деготь, кровь... она и по запаху походила именно на деготь, если бы в тот добавили истинного огня.

Капли достаточно, чтобы исцелить ожог... капли на язык, но страшно... а если в манускриптах что-то не договаривают? Или есть какие-то ограничения? К примеру, императорские отпрыски могли драконью кровь принимать, а вот Ричарда она сожжет. И наверное, сомнения отразились на его лице, если мальчишка расхохотался.

— Пей уже. Ничего с тобой не случится... а вот про свободу... ты можешь пойти и плюнуть в лицо вашему Императору?

— Зачем?

Дух пожал плечами.

— Ладно, не Императору, а, скажем, градоправителю... или не плюнуть, а ударить... если тебе того хочется. Или вот снять штаны и... справить нужду на площади?

— Нет, — признал Ричард и зубами вытащил пробку. Сидела она, к слову, весьма и весьма плотно. — Это глупость какая-то... и незаконно, а закон...

Улыбка скользнула по тонким губам.

— Хочешь сказать, что в вашем мире все происходит по закону? Исключительно по закону? А закон справедлив и никак иначе?

Кровь оказалась кислой.

Как яблоки-дички.

Ричард ждал... вот чего-то необычного, скажем, обжигающей горечи, чтобы язык занемел. Или сладости. Или живого огня. А она оказалась кислой и вязкой, и еще маслянистой. И даже когда он проглотил несчастную каплю, маслянистая кислота никуда не исчезла. Она покрыла небо, щеки, сдавила горло...

— Гадость, верно? — Мальчишка наблюдал за Ричардом превнимательно. — Никогда ее не любил...

— А ты...

— Поили. По капле в день с годовалого возраста. Способствует развитию магического потенциала. А еще силы... интеллекта...

— Чего?

— Не бери в голову, тебе это не грозит.

Вот поганец! Не был бы духом, Ричард бы его полечил ремнем, глядишь, прибавилось бы уважения ко взрослым.

— Мы развивались быстрее обычных смертных. — Мальчишка вытащил крупный алый рубин, который теперь перебрасывал с ладони на ладонь. — В том числе благодаря драконьей крови. Удивительная вещь, да...

Стало горячо. Не так горячо, чтобы вновь вспыхнуть, хотя тело привычно отреагировало болью, но на сей раз было терпимо. Ричард осторожно вернул флакон в сундук, сел рядом. Обнял себя. Закрыв глаза. Никого он не хочет видеть.

Он вообще устал.

Безмерно.

И ему бы поспать хоть немного... которая уже ночь без сна? Нынешней гончая помешала... перед этим — вывертень... и каюша... и до того все что-то было и было, и Ричарду казалась, что он справляется...

— Это пройдет. Кратковременная слабость естественна. Твой организм все силы перенаправил на восстановление. Когда ожоги затянутся, ты почувствуешь прилив сил.

— Помолчи, а?

И дух замолчал.

Ричард знает прекрасно, что он хотел сказать. Прилив сил будет кратковременным. Если бы у Ричарда имелась еда, хоть какая-то, но лучше что-то сладкое... он и не ел давно, а магия заперта. Отвратное ощущение, как будто перерезали пуповину, которая соединяет Ричарда с миром.

— Не волнуйся, — теперь голос духа доносился издалека. — Ему надо

немного передохнуть... а мы пока соберемся. Нет, золото не трогай, оно слишком тяжелое, лучше камни. Алмазы бери розовые... да, темные тоже, чем ярче окраска, тем дороже, мне так говорили... сапфиры... эту мелочь оставь...

Ричард позволил себе лечь.

Ненадолго.

Просто подождет, пока схлынет эта слабость... просто полежит... справится с дрожью в руках. И головокружением... с болью... нет, с болью не надо. Она отступила.

И это было удивительно.

— ...вот это можешь взять, работа мастера Энноха, а его и в мои времена ценили... Боги милосердные! Оливия, ты не в подол нагребай, ты что, не знаешь, как носят украшения? Тиару возьми...

— Она принадлежит твоей матери!

— И что? — вполне искренне удивился дух. — Мама давным-давно мертва. Поверь, тиара ей не нужна, а работа хорошая. И алмазов здесь... хватит на дом... огромный дом, чтобы как в столице, как тот, в котором поселилась Орисс... Ричард ходил. Клялся себе, что ни ногой, а все равно пошел. Взглянуть издалека, чего ради... близко его бы не пустили.

Белоснежный особняк. Два крыла. Колоннада. Мраморная роскошь парадной лестницы. И крылатые львы подарком Императора. Она сама, прекрасное видение, выпорхнувшее из экипажа, чтобы вихрем из шелка и тумана пронестись по ступеням.

Не оглянулась.

Не ощутила его внимания... и к лучшему, конечно, к лучшему... а дом ему просто понравился, безотнositельно Орисс. Легкостью своей. Изяществом. Да, колонны... кружево капителей. Порттик. Окна узорчатые с витражами. Обманчивая хрупкость статуй на крыше... нет, статуи — это излишество, а вот крохотные балкончики... или веранда... и сад... маме бы понравилось иметь собственный сад. В их старом доме она выращивает розы в деревянных кадках. А еще каждую весну засекает грядочку зелени. Ароматный базилик. Орегано... да...

...и аллея...

...выезд...

...балы...

...он станет баснословно богат, и это богатство... нет, глупо думать, что все деньги мира заставят Орисс хоть на минуту пожалеть о том, что она когда-то сделала. Тогда какой смысл?

Никакого.

— Эй, низший! — Голос призрака заставил очнуться и отпустить сладостную мечту. — Тебе учителя не говорили, что спать в чужих склепах — дурной тон?

Ричард со вздохом сел.

— Да и для здоровья небезопасно, — добавил дух уже тише.

Я стояла над саркофагом.

Долго стояла.

Смотрела. И пусть во сне я уже была здесь, и сон этот мало отличался от реальности, но вот... я коснулась стекла. Теплое. Гладкое. Если закрыть глаза, можно пальцами прочесть узор из трещин.

Альер отступил.

Кажется, с Ричардом говорит. Эти двое стоят друг друга. А мне... мне надо решиться и разбить стекло. Я ведь обещала.

— Прости, — сказала я тому, кто лежал внутри. Пусть ныне это лишь оболочка, но все равно. — Мне жаль, что я потревожила твой покой. Я бы не пришла сюда, если бы ты не позвал... я возьму камень, и мы уйдем... а вы останетесь.

Я чувствовала, как они смотрят.

Не Альер, другие.

Женщина, которая так и застыла с вытянутой рукой... парень у ее ног... здесь, в отличие от сна, от него остались желтоватые кости в куче лохмотьев, но он тоже был, незримой тенью стоял за спиной. И еще люди, старые и молодые... совсем дети...

...конечно, и Императору нужно с кем-то играть...

Я закрыла глаза, чтобы не разреветься.

Успокоиться.

И сделать то, что должна.

Альер уйдет, а они обретут заслуженный покой. Надеюсь, иначе во всем этом смысла нет... впрочем, его и так нет, но не мне судить.

Я спустилась и огляделась.

Золото, золото и снова золото... та самая сокровищница из тайных грез, но мне сейчас нужно было что-то... клинок? Здесь имелся не один десяток. Я подняла кривоватую саблю, повертела в руках — хороша, даже я, не разбирающаяся в оружии, вижу что хороша. Только для моих целей нужно что-то поувесистей... лом бы обыкновенный.

Но зачем Императору в посмертии лом?

А вот ножка, на которой крепится чаша с пламенем, вполне подойдет. Если я сумею поднять... хотя... я оглядела светильник. Не без труда, но

сняла чашу. И подняла стальную палку. Тяжела. Осталось размахнуться получше и... надеяться на удачу.

Первый удар стекло выдержало.

Слегка спружинило, но выдержало. Так, Оливия, сосредоточься. Бить надо в треснутый угол. Прицелиться. Размахнуться и...

Захрустело.

Трещины расползлись змеями, но стекло держалось. Ничего. Я настроена серьезно.

Третий удар.

Четвертый.

Пятый и... я перестала считать, когда стекло все-таки прогнулось, а потом и осыпалось, покрывая императорские останки толстым слоем осколков.

— Вот и все. — Я выронила импровизированный лом, который со звоном покатился по ступеням. — Вот и все...

Я оперлась на край, переводя дыхание.

— Сейчас...

От останков несло гнилью.

И сам их вид... стекло скрывало и пленку плесени, расползшуюся по костям и золоту, и клочья пыли — откуда только она взялась? Да и вообще... белая маска исказилась, отчего казалось, что Император чем-то недоволен.

Так, надо сделать то, что я обещала.

И уйти.

Где подвеска?

Камней здесь тысяча, если не больше. Полированные и граненые. Пришитые на золотой панцирь парадного одеяния... а нужный мне потерялся.

Смотри, Оливия... даже если мутит, все равно смотри. Это просто-напросто мертвец. Неприятно, но и только... ему нужна твоя помощь, и ты обещала помочь.

А теперь противно?

Ничего.

Противно — не смертельно. От тебя ведь не требуется добыть сердце дракона или перо птицы Рух, всего-то и надо — забрать украшение... обыкновенное украшение...

Я увидела его.

И, преодолев отвращение, схватила бледный камень.

Потянула.

Вот только не учла, что цепочку эту надели. И теперь ее только снять или...

— Сабли там. — Альер возник за спиной. — Выбирай любую. Хорошая имперская сталь. В крови прокаленная... заговоренная... хватит одного удара. У детей кости хрупкие.

— Замолчи! — взмолилась я. — А если застежку поискать...

...ее ведь не существует...

— Или через голову...

— Боюсь, волосы окаменели. Все-таки герметичность была нарушена. Полагаю, не случайно. Оливия, я мертв. И больно мне не будет.

Это я понимала, вот только понимания недостаточно.

Вдох.

И вниз. Сабля сама просится в руки. Что ж, ей тоже не хотелось умирать. Она была создана вовсе не для того, чтобы тихо зарастать пылью и ржавчиной где-то в склепе. И теперь всей своей стальной душой она рвалась на волю.

Один удар.

Главное, прицелиться хорошо... и не смотреть. Сабля не подведет. Тяжелый клинок сам ухнул вниз. На мгновение задержался, а после... после просел под собственным весом. Вот так. Теперь вынуть. И потянуть за каплю кулон. Главное, к цепочке не прикасаться...

— Между прочим, за маску можно изрядно выручить. — Альер, в отличие от меня, не страдал ни угрызениями совести, ни отвращением. — И если полог снять... черные алмазы...

— Нет.

Я спешно спустилась, стараясь не думать о том, что только что сделала.

Сделала и сделала.

С разрешения хозяина тела, между прочим...

— Тогда собирайся, а то за пределами склепа я и вправду мало на что способен. Твоего человека вытащить надо...

Я оглянулась.

Ричард сидел, сжавшись в комок, обняв себя руками, и раскачивался.

— Не волнуйся, с ним все в порядке. В относительном. Драконья кровь избавит от ожогов, но вот с истощением здесь не справиться.

Альер почесал кончик носа.

— Низшие все-таки очень хрупки... а я рассчитывал, что он нам поможет.

— В чем?

Я все-таки вытерла цепочку о платье, ему уже ничем не повредишь, а мне будет спокойней знать, что эта штуковина чистая. Или относительно чистая.

— Надень ее.

— Не раньше, чем помою.

Я присела и, отодрав от нижней юбки еще один лоскут — от юбок остались одни ошметки, замотала запястье, а поверх повязки уже и цепочку надела, трижды обернув вокруг руки. Как-то так... не потеряется.

— Уж постарайся. — Альер явно был недоволен, но спорить, к счастью, не стал. — Сейчас надо собраться. Возьми его сумку, она выглядит просторной.

Ричард сидел.

Уставился в одну точку и сидел. И выглядел... в гроб краше кладут.

— Он выживет. Если мы поспешим и уберемся отсюда вовремя. А если нет, найдешь себе другого.

— Найду ли?

— Оглянись, — он провел рукой. — Мне говорили, что людей больше не продают, но... это ведь не значит, что их нельзя купить...

...возражать я не стала. Не время для таких споров. Не место. И... просто не хочется.

И понеслось.

...алмазы розовые и голубые.

Черные, которые хранились в отдельной шкатулке... рубины, сапфиры... я в жизни не держала столько драгоценностей. И странно, что в сумме своей они не вызывали восторга. Камни и камни. Стекло граненое. Наверное, будь я ювелиром, отнеслась бы иначе. А так я брала шкатулку за шкатулкой и просто ссыпала их содержимое в необъятную сумку Ричарда.

...драгоценный пояс обвил мою талию.

Серьги в уши.

И две пары в сумку же, которая раздулась, грозя треснуть.

Вязку ожерелий на шею. И доску, вроде шахматной, но с четырьмя видами клеток. Ящики с фигурками, довольно увесистые. Я бы не стала их трогать, но Альер уперся.

Его любимая доска.

И чеканный таз-рукомойник...

— У тебя рук нет!

— Есть, — он вытянул их.

— Они нематериальны.

— И что? Мне теперь без любимых вещей обходиться?

Я не нашла, что возразить. И подняла таз, который весил килограмма этак два, а то и все три. Надеюсь, Альер найдет в себе силы расстаться с любимым креслом. Его я просто не подниму.

— Ладно, — дух огляделся, — возьми еще тиару И пойдем. Если что понадобится, вернемся. Оливия, не стой. Возьми все-таки тиару...

Я подошла к мертвой женщине.

— Она принадлежит твоей матери!

— И что? — вполне искренне удивился Альер. — Я уже говорил тебе, что мама давным-давно мертва, что тиара ей не нужна, а работа хорошая. И алмазов здесь... немерено. Вижу. Сама тиара хрупка и тонка, воплощение морозного узора.

Прекрасна.

— Отец подарил ее матери в благодарность за мое рождение. Она надеялась, что, когда мне исполнится семь и Регалии подтвердят мое право наследования, она получит Малую корону.

Альер склонил голову набок.

— Мне жаль, что ее убили...

— Только ее?

— Оливия, — он встряхнулся, — в мое время не принято было думать о низших.

— Твое время ушло.

— А я остался. Тебе повезло, что я умер достаточно молодым и не успел заостенеть. Да, от некоторых привычек избавиться трудно, но поверь, с любым иным моим родичем... даже с матушкой, которая лишь входила в императорский гарем, тебе было бы сложнее иметь дело.

Верю.

Но все равно... грабить мертвых...

— Окажи ей услугу, если тебя так волнует. И тиара станет платой.

— Какую услугу?

Альер прислушался. И губы его дрогнули.

— Она бы хотела коснуться его. Если, конечно, ты не побрезгуешь... а если побрезгуешь, просто бери. Я разрешаю. Да, матушка, я ей разрешаю!

По склепу пронесся порыв ветра, и пламя в чашах на мгновение погасло, но лишь затем, чтобы вспыхнуть с новой силой.

— Не обращай внимания. Она капризна, как и все наложницы. Если бы я дожил до семи, мне бы подарили нескольких... что ты так удивлена? Мы рано выросли... были свои причины.

Я решилась.

Я подошла к женщине и, присев на корточки, заглянула в мертвое ее

лицо.

— Прости, — сказала я, хотя мне-то уж не за что было просить прощения. — Не знаю, есть ли жизнь после смерти, но если есть, вы будете вместе.

И дальше что?

Ее не сдвинуть, тело холодное и будто ледяной коркой покрыто. А вот парень... от парня осталась груда костей. Ее я вполне могу перенести поближе.

— Достаточно будет одной, — Альер наблюдал за мной с интересом. — Вот, череп возьми. Он большой.

Череп поднялся с остатком хребта. Я отвернулась, попросив прощения еще раз, на сей раз у бедолаги мага.

— Он не против.

— Ты можешь помолчать?

— Могу, — отозвался Альер, — но я бесконечно устал от молчания. Знаешь, пара сотен лет взаперти... сказывается.

Верю.

Я положила череп на колени женщине, подвинув поближе к руке ее. И дуновение ветерка, ласково коснувшегося щеки, было ответом. Что ж... услуга за тиару.

— Ей она действительно не нужна, — Альер все-таки не выдержал. — Бери и уходим. Время... солнце уже высоко. Поднимай это жалкое подобие некроманта...

Глава 23

ЛЕДИ И ЛЮДИ

Солнце припекало.

И Ричард зажмурился, до того ярок был свет его. Появилось желание вернуться в прохладу склепа и там пересидеть полдень. Поспать, быть может...

Он тряхнул головой.

Нет уж, хватит.

Убираться, и поскорей. Найти Тихона и... и дальше видно будет.

— Давай сюда, — он попытался отобрать у Оливии сумку, которая раздулась, что брюхо сытого выжляка. Ноша явно была тяжеловата для лайры, но та лишь упрямо головой мотнула:

— Иди уже...

Сумку она перекинула через шею и теперь придерживала правой рукой. А под левой у нее сиял золотом весьма внушительных размеров таз. В ушах Оливии переливались всеми цветами радуги массивные серьги. На волосах возлежала алмазная тиара.

Гроздь ожерелий повисла на шее.

Талию обвивал широкий пояс, украшенный двумя десятками чеканных пластин, и, если Ричард не ошибался, пластины эти были из лунного железа, которое вывелось вместе с драконами... впрочем, второй такой же пояс достался ему, как и парные клинки, чей вес ныне Ричард ощущал весьма остро и болезненно.

К своему поясу Оливия прицепила длинную саблю, сказав что-то вроде того, что обещала ей... ну, раз обещала... мало ли.

— Оливия...

— Нет, Ричард. — Она сдула упрямую прядку, прилипшую к носу. — Хватит с меня героического. Никому не станет легче, если ты с этим добром попросту рухнешь...

— Так плохо выгляжу?

— Тебе честно или соврать покрасивей?

От этих слов стало вдруг легко-легко, и Ричард рассмеялся. А потом поймал себя на мысли, что очень давно не смеялся, чтобы просто так...

— Ясно. Тогда, может, хотя бы таз оставишь? Не такая он и ценность...

Оливия тяжело вздохнула и подтянула треклятый таз повыше, похоже, он норовил выскользнуть из рук.

— Я бы оставила... но Альер против. Это его любимый таз...

Что ж, веский аргумент.

— Скажи... — вновь Ричард заговорил лишь у ограды. Как ни печально, а следовало признать, что унести он способен был лишь себя самого. Ну и кое-какие вещицы из драгоценного сундука. Будь Ричард посильней, он бы и сундук утащил, явно ведь непростой.

— Да? — Оливия остановилась и безо всякого почтения уронила таз.

— Его ты тоже собираешься забрать?

Ричард указал на гуля. Тварь никуда не исчезла, но трусила сзади с видом вполне себе довольным, и пара коробок, перекинутых через широкую спину, ей не мешала.

— Да, а что?

— Это же гуль...

Нет, Ричард знал, что большинство лайр столь прекрасны, что разум при этой красоте — явное излишество, но все же надеялся достучаться до здравого смысла одной конкретной девицы.

— Ты говорил, — ответила она, поправляя сумку.

— Но ты не слышала.

Гуль, словно сообразив, что речь идет о нем, обошел Ричарда — разумно с его стороны — и ткнулся носом в складки платья Оливии. Он тоненько заскулил, а когда Оливия потрепала его по плешивой голове, умудрился извернуться и лизнуть руку.

— Видишь, он ласковый... руки лижет.

— Он не лижет. — Противоестественное поведение твари не добавляло Ричарду спокойствия. — Он их моет. Перед едой.

Оливия нахмурилась. А гуль заворчал и воззрился на Ричарда с упреком: мол, какие нечеловеческие инсинуации. В желтых глазах твари Ричарду привиделся упрек.

Конечно, привиделся.

Солнце припекает нещадно. Плюс истощение накладывается. Нервы. Вот и мерещится всякое...

— Ричард, он нам, между прочим, жизнь спас...

— Его пристрелят в первой же деревушке. Или в городе. Это гуль, и...

Тварь заскулила еще жалостливей.

— Да... ну вас!

— Видишь, — Оливия сказала это гулю, — на самом деле он не такой черствый, каким пытается казаться. А дальше мы его воспитаем... и

перевоспитаем.

Вот уж не было печали.

И Ричард, стиснув зубы, чтобы не сказать чего-нибудь эдакого, о чем станет сожалеть позже, решительно толкнул калитку. К немалому его удивлению — а Ричард внутренне приготовился к очередной пакости — та поддалась.

Распахнулась беззвучно.

А закрылась с громким хлопком, словно кто-то, донельзя раздраженный их визитом, поспешил избавиться от назойливых гостей.

Пускай.

Снаружи гулял ветер.

Горячий степной ветер, напоенный запахами трав и цветов. Он взъерошил волосы, царапнул щеки песчаной лапой. И отступил, откатился к далекой линии леса.

Вот и все.

Почти.

Еще бы дойти... если хватит сил дойти...

Ричард сделал три шага и опустился на дорогу. Следовало признать, что он ныне слабее котенка. Ноги гудели, руки сделались неподъемными, и та призрачная бодрость, которая появилась после крови дракона, исчезла.

Оливия села рядом на мешок с алмазами.

Юбки разгладила.

Положила ладонь на лоб, такую прохладную...

— Немного посидим и двинемся, — Ричард постарался говорить спокойно.

А магия не вернулась.

Была внутри, там, за стеной, близка, как собственный локоть, который, сколь ни изворачивайся, а зубами не ухватишь.

— Конечно. У тебя жар.

— Это от переутомления.

Она кивнула и рассеянно почесала гуля за ухом.

— С ним надо будет что-то делать. — Ричард прикрыл глаза и, плюнув на остатки гордости — за эту ночь по ней изрядно потоптались, растянулся на обочине. Пыльная трава. Пыльные незабудки. Пыльный он сам... плевать... пыльные кузнечики стрекочут.

Красота.

— Что?

— Не знаю... или прогони... здесь хватит кладбищ, чтобы он нашел себе пропитание. Они мертвецами питаются, между прочим.

Оливия к новости отнеслась вполне спокойно.

И визжать не стала.

И гуля не оттолкнула. А тот испустил тяжкий вздох и лег рядом с Ричардом. Лизнул в щеку... вот не хватало нежностей.

— Пыльным жри, если надумал...

Ричард от такой ласки отмахнулся. А гуль мерзенько захихикал. Ясно, жрать не станет. Сытый, что ли? Или живыми брезгует?

— Он просто не пробовал иного. — Оливия потерла шею, на которой проступил красный след от сумки. До города она ее не доволочет.

— Может, и так. Я к тому, что его действительно прибьют. Стража городская... крестьяне... да любой нормальный человек.

— Выходит, я ненормальная?

— Выходит.

Ричард приоткрыл левый глаз. Солнце никуда не делось. Висит себе в небесах двойным империалом. Жарит... и на этой жаре мысли становятся ленивыми... нельзя спать... сон сейчас во вред. Кто знает, хватит ли ограды, чтобы гончую удержать.

Да и то, чем она Ричарда наградила...

— И что нам делать?

Вот так всегда, проблему нашла она, а делать — им.

— Избавиться. Я тебе говорил. Или спрятать. Скажем, сделать амулет, который кое-что подкорректирует...

— А ты...

— Сейчас моей магии не хватит и на то, чтобы муху прогнать.

Она кивнула и обняла гуля. И тот, сволочь, блаженно зажмурился, улыбнулся, демонстрируя все две сотни острейших зубов...

— Но если доберемся до дома...

Ричард вздохнул и сел.

— А теперь послушай. Я точно никуда не дойду... еще полмили — и попросту слягу.

...а то и раньше. Полмили еще пройти надобно. А от одной мысли о движении на Ричарда накатывала тоска.

— Поэтому пойдешь ты. Налегке. Оставь сумку. И таз тоже оставь. Женщина с золотым тазом вызовет у прохожих недоумение... и ладно если только недоумение, а то ведь люди всякие встречаются.

А ее легко обидеть.

И не дурочка она, это Ричард от раздражения так. Просто доверчивая. Наивная. Как... нет, не как его матушка, у той наивность иного порядка. А эта просто верит в хорошее. И обидно будет, если этой веры не станет. В

мире и так многого уже не стало, прав мальчишка...

— Ты хочешь, чтобы я тебя бросила?

Сложно с ней.

— Я хочу, чтобы ты быстро добралась до города. Отыскала Тихона. И попросила его поспешить... я должен встретиться с ним до захода солнца.

Неприятно признавать такое, но она должна понять, насколько все серьезно.

— Помнишь, что я говорил тебе ночью?

Она кивнула.

Да уж, такое забудешь. Ричард рад был бы забыть, но ведь не получится.

— Это ведь та тварь...

— И она тоже. — Ричард протянул руку, и в нее упало ожерелье. Крупные красные камни, оправленные в платину, даже не оправленные, а будто бы вросшие. И узор простенький, а взгляд отвести сложно. — Но она взяла только то, что уже было во мне. Некроманты, девочка, не самые приятные люди. И темноты в нас хватает. Нельзя прикоснуться к магии смерти и остаться чистым, понимаешь? Мне приходилось пытаться. Убивать... не людей.

Не стоило говорить этого.

Придумать.

Солгать.

Согласиться с ее же версией, что весь ночной кошмар — суть порождение проклятой гончей, что на самом деле Ричард обычный человек...

— ...не людей, — продолжил он.

Пить хотелось зверски.

— Иногда другого выхода не оставалось... мне это было не по душе, но... десяток собак или деревня. Кошка или девочка, которая горит в лихорадке... чем больше работаешь, тем ближе подбираешься к черте. И да, некоторые ее переступали. Я не хочу. Я боюсь. Вчера я был готов... и был счастлив от одной мысли, что наконец смогу убить того, кто заслуживает смерти.

Каплю бы воды.

Должен же быть ручей рядом. Или родник. И не стоило портить ту, которая во фляге. Или что ему мешало вторую флягу захватить? Шел, что пацан на прогулку... сам виноват...

— Меня? — тихо спросила Оливия.

И сняла еще одно ожерелье — тяжелый жемчуг редчайшего бледно-

лилового цвета. Нить длинная, и жемчужины подобраны идеально. Сколько такая потянет, и думать страшно.

— Не тебя.

— Орисс?

— Да. Нет... сегодня я понимаю, что это все глупость. Обиды мои. Но не уверен, что с наступлением темноты все оно не вернется. Мне нужен Тихон, чтобы понять, насколько серьезным было вмешательство. И где вчера была она, — Ричард кивнул в сторону кладбища. — А где уже я...

Белое золото и сапфиры.

Хрупкая брошь — букет незабудок, сделанных столь искусно, что цветы казались живыми... снова алмазы, на сей раз желтые, не камни — загустевший солнечный свет.

Пояс.

Серьги.

— Гуля, останься с ним, — она тронула лобастую голову. — Посмотри, чтобы этот дурак не ввязался во что...

— Не ввяжусь. — Ричард скинул все украшения в таз. — Спроси, может, он водички найдет?

Гуль оскалился.

Улыбается?

И знает, где вода... точно знает... но вот покажет ли?

— Я постараюсь быстро. — Оливия подняла юбки. В глаза она старательно не смотрела. Считает теперь его безумцем? Все некроманты немного безумны. И может, поэтому Ричард столь упорно избегает женитьбы? Поэтому боится и думать о том, чтобы осесть среди людей.

Собственный дом?

Это хорошо. Но как знать, не появятся ли со временем в этом доме глубокие подвалы.

— Я дурак, да? — спросил Ричард у гуля.

И тот вздохнул.

Согласился?

Я шла по дороге, из последних сил сдерживая злые слезы.

Вот почему все обязательно должно быть так... сложно? Неправильно?

— Он правду сказал. — Альер появился из ниоткуда и теперь шел рядом. Он выглядел по-прежнему как трехлетний мальчишка.

Босой.

Растрепанный.

Белая рубаха. Черные штаны.

Бледный до полупрозрачности. И в то же время удивительно материальный для призрака.

— Я не призрак. Я дух.

— Перестань копаться в моих мыслях.

— Ты просто слишком громко думаешь.

— Ну извини...

Как ни странно, но с появлением Альера мне стало немного легче. Собственные страхи отступили. Я успею. Мы доберемся до города... час или полтора... найти Тихона... он заведет свою громадину, и мы вернемся к кладбищу...

— Такое не лечится. — Альер, конечно, не упустил шанса уколоть меня.

— Какое?

— Ты не поняла? Он говорил о глубоких изменениях личности, которые наступают вследствие плотной работы с эманациями смерти.

Все-таки слегка неестественно для трехлетнего ребенка так выражаться. С другой стороны, не позволяет забыть, что Альеру куда больше трех лет.

— Вот именно. — Он присел, уставившись на запыленную ромашку, по которой медленно, с полным осознанием собственной важности, ползла божья коровка. — Жаль, что я не способен к ней прикоснуться. Но интересно... ты возьмешь меня в зверинец?

— Возьму.

— Мне все обещали, но никак... у моего отца был самый большой зверинец в Империи. Там даже альвины имелись...

— Что?

— Альвины... ну и другие расы из низших. У меня так и не получилось посмотреть на них. Я очень хотел, да...

— Что ж, скоро твое желание сбудется...

...скорее даже, чем я предполагала.

Все было как в прошлый раз.

Сначала до нас донесся глухой рокот, затем появилось облако пыли... и пылью этой затянуло дорогу...

— Ух ты, — только и сумел выдать Альер, разом теряя многосотлетнюю мудрость, нажитую в тишине склепа, когда гроыхающая громадина пыхнула паром, копотью и остановилась...

...вот и все.

Наверное.

От облегчения и счастья я разрыдалась...

— Ливи?!

Тихон скатился по лесенке.

— Ливи, ты... как же вы нас...

Его голос мешался с рокотом мотора, а я, вместо того чтобы ответить, глупо улыбалась и растирала по грязному лицу слезы.

...получасом позже октоколесер остановился у кладбищенской ограды.

Горячая ванна.

И лимонад со льдом.

Белая скатерть. Снова фарфор в успокаивающей своей белизне. Рогатый канделябр и полудюжины свечей, на сей раз обыкновенных, белых и без странных ароматов. Горячий обед, пусть и не моими стараниями, но вполне приличный.

Бледный Ричард.

Он ел мясную похлебку, практически не жуя и не обращая внимания на взгляды.

Альер смотрел с интересом.

Грен — с сочувствием.

Тихон... Тихон сосредоточенно. Я по выражению лица пыталась понять, что он думает, но была вынуждена признать: не дано.

— Пытается оценить ущерб, нанесенный гончей его личности. — Альер потребовал и себе тарелку, даром что дух бесплотный, но ныне увлеченно ковырялся в мясном вареве вилкой.

То есть в иллюзии варева иллюзией же вилки.

Причем следовало признать, что его иллюзии выглядели совершенно реальными. Куда аппетитней, нежели настоящая похлебка. И вилка была хороша, позолоченная, с черным камнем на черенке.

— И заодно понять, способен ли он исправить случившееся.

Альер облизал вилку.

— Альвин занятный.

— Я слышу, — отозвался Тихон, который этакому гостю обрадовался еще меньше, чем гулю. То есть гулю он как раз-то воспринял спокойно, велел только вымыть, с чем я была совершенно согласна. А вот дух Императора...

— Я знаю, что альвины всегда отличались тонким слухом. Я буду за тобой наблюдать. В естественных, так сказать, условиях... — Альер взмахнул рукой, и вместо варева на белом фарфоре появилась горка манной каши.

Такой вот классической манной каши.

С желтым куском сливочного масла, которое начало подтаивать. Вот уж не думала, что Императоров кормят манкой.

— Кормили. Честно говоря, при жизни я ее не слишком-то жаловал... — Альер провел по горе ложечкой, создавая русло для масляной реки. — Но приходилось... всем нам приходится делать то, что не по нраву.

Ричард хмыкнул.

Но от добавки не отказался. Не произнес ни слова, лишь кивнул... и задержал взгляд на Грене, который с видом мечтательнейшим выкладывал гору из алмазов. Из розовых. Из желтых и темных он уже сложил.

Интересное занятие, надо полагать.

— Если хотите знать мое мнение, лучше не рисковать...

Мнение Альера вряд ли кого интересовало, но когда это его останавливало?

— Низшие и с хорошей родословной не способны выдержать длительное воздействие арвантов...

— Кого?

— Арванты, — произнес Тихон, — это твари, созданные имперцами...

— Не твари. Искусственные создания. Они куда надежней обычных смертных. Функциональней. Сильней. Быстрее... и устойчивей ко всякого рода... неприятностям.

Альер облизал ложку.

— Некоторые довольно умны... в теории мы были близки к тому, чтобы создать арванта, наделенного полноценным разумом, но...

— Не рискнули, — завершил Тихон.

— И это тоже. Имелся ряд технических сложностей... но мы не об этом. Низшего, который настолько близко подошел к грани, следует ликвидировать. Ни один хозяин, разве что совсем уж беспечный, не рискнул бы...

Ложечка превратилась в десертную вилку, а гора манки — в гору же взбитых сливок, увенчанную крохотной вишенкой.

— ...в конце концов, речь бы шла не только о репутации и добром имени, но и банальнейшим образом о безопасности окружающих.

— О да, вас всех заботила безопасность окружающих, — не скрывая сарказма, произнес Тихон.

А Грен вздохнул.

И желтый алмаз выпал из корявых его пальцев, покатился, разрушая пирамиду.

Упал на ковер.

И никто не дернулся, чтобы поднять драгоценность.

— Прекратите, — взмолилась я. — Альер, ты прекрасно знаешь, что порядки изменились...

— К сожалению, — не удержался дух.

— Перестань вести себя как... как...

— Имперская сволочь, — подсказал Тихон.

— Твой альвин слишком дерзок...

— И близок к тому, чтобы подарить свободу твоей душе...

— Она вполне себе свободна...

— Почему они так? — вопрос я адресовала Грену, как единственному, кроме, пожалуй, гули, существу, сохранившему ясность рассудка.

Он вновь вздохнул. Провел пальцами по краю кружевного воротника, на сей раз квадратного. И с углов квадрата свисали золотые шнуры с золотыми же кистями.

— В болоте тихо, да жить там лихо... некогда альвинов было много... много больше, чем сейчас... целая страна, которая к несчастью привлекла внимание Империи...

— Ее внимание привлекало все уже самим фактом своего существования.

Тихон встал и раздраженно вытер руки о рубашку. Грязнее она от этого не стала. И следовало признать, что закопченная, пестрящая пятнами солярки и копоты, она резко дисгармонировала с нынешним образом альвина горделивого.

Это выражение лица.

Разворот плеч.

Осанка.

— Они пришли. И сожгли наши леса. Сравнили города с землей, а саму землю отравили... они уничтожали нас, гнали, как животных...

— И как к животным относились же, — Альер не собирался молчать.

Он исчез, чтобы появиться в оглушающе ярком обличье себя же, но взрослого.

Он уселся на кресло, закинув ноги на стол. Узкие ступни, длинные пальцы... не стопа — само совершенство. И кривоватый мизинчик это совершенство несколько не портил, скорее уж придавал ему изюминку.

Тихон тряхнул головой:

— Не злись, альвин, ты же понимаешь, что я-то не имею отношения к той войне. Она и закончилась-то еще при моем прапрадеде... если не ошибаюсь, вы подписали мир.

— Позорный. — Грен все-таки поднял алмаз. — Мы откупились камнями. Вот этими... копи Тары, больше нигде не встретишь подобных. А

это — знаменитая Заря Бухтенваррер. Их почти истожили... вот это... не берусь сказать, прозрачные часто встречаются, чтобы назвать конкретную жилу... к счастью, у нас были алмазы. Изумруды. Сапфиры. И многое, что, с одной стороны, было нужно Империи, а с другой...

— С другой — в подземельях было тесно и неудобно. Подгорную войну мы не проиграли, но понесли такие потери, что мой прадед предпочел договориться... — На ладони Альера появился огромный камень, который, честно говоря, выглядел слишком большим, чтобы поверить, будто он настоящий. — Мы отозвали земляных червей и прочих арвантов, созданных специально для этой войны. И даже признали ваше право решать собственные ничтожные дела, не отвлекая внимание Императора от занятий действительно важных...

— Пьянства и разврата. — Тихон встряхнул пальцами, и дух исчез. Чтобы появиться вновь уже рядом со мной.

— Оливия, он меня обижает!

В глазах трехлетнего мальчишки появились слезы, прозрачные, как и камень.

— Это еще надо разобраться, кто и кого обижает, — проворчала я. — Оба хороши...

— Мы платили камнями. Альвины... собой.

Грен смахнул алмазы на пол.

— Старейшие уходили добровольно, чтобы дать шанс детям. Двое... обязательно связанные узами брака... таково условие. В первый день весны... первый день весны и ныне траур... роща белых ив еще жива. Дерево за ушедшего... и у каждого есть имя.

— А что я? — Слезы на глазах Альера тотчас высохли. — Этой страницей нашей истории я вовсе не горжусь. И не я составлял тот договор. Император... с него тоже требовали. Альвины — ценный материал. Так мне говорили.

— Материал?!

Тихон вскинул руку, и Альер исчез.

— Вот так будет лучше...

— Ты... — Я тронула каплю, прилипшую к моему запястью. Камень нагрелся. И вряд ли это было хорошо.

Тихон махнул рукой и сел. Подвинул кувшин с вишневым компотом, налил себе...

— Этот поганец кого хочешь до ручки доведет, — произнес Ричард.

И пустую тарелку отодвинул.

Глаза прикрыл.

— Но изгонять его не стоило...

— Изгнать его насовсем у меня сил не хватило бы. — Тихон провел ладонями по лицу. — Прошу простить меня, Оливия, за эту вспышку гнева, неподобающую существу разумному. Я обещаю, что впредь постараюсь лучше контролировать свои эмоции. А сейчас, если вы позволите, я бы занялся нашим общим другом. Меня несколько беспокоит его нынешнее состояние...

И поклон еще отвесил.

Грациозный.

Вот так...

— Ни стыда, ни сору, ни в какую сторону, — пробурчал Грен, когда за Тихоном закрылась дверь. Ричарда альвин пропустил вперед.

В гостиной стало тихо.

И неуютно.

Свечи и те раздражали неуместной яркостью, хотя раньше мне нравилось смотреть на огонь.

А теперь вот Грен еще...

— Это я не про тебя... это про имперцев. Вековая мудрость подгорного народа.

Глава 24

НЕКРОМАНТ И АЛЬВИН

Ночь была на диво хороша.

Спокойна.

Небо темное, ясное. Звезды россыпью. Ветерок прохладу несет, дурманит... и в голове пустота, ясность. А значит, все само прошло. И не нужна Ричарду помощь.

Именно.

— Я в порядке, — сказал он Тихону, который держался рядом.

Молчал.

И в молчании этом почти растворился в окружающем мире. Альвины такие, сольются с пейзажем, мимо пройдешь и не заметишь, даже этого, который на своих собратьев не похож.

— Прости, мой друг, но ты не в порядке. — Тихон присел на землю. Ноги скрестил.

Вздыхнул.

Поднял камешек, самый обыкновенный, не драгоценный. И на камешек же поставил. Полюбовался сооружением. И добавил еще один. Этак он мог играть часами.

— В порядке... ничего нет. Я больше не хочу убивать, и значит...

— Мне ль говорить, что она затаилась.

Даже не повернулся, поганец этакий... затаилась? Где затаилась? В голове Ричарда? Чушь какая... Тихон просто ждет и не дождется, когда сможет в голову залезть и в этой голове устроить порядок по своему желанию.

Альвинам нельзя доверять.

Они ненавидят людей.

— Она тебе говорит, что мне не стоит верить. — Тихон поставил семь камней. И вот как у него получается-то? Камни самые обыкновенные, округлые, но кривоватые, а ведь поди ж, держатся. — Я тебя не ненавижу.

— А кого ненавидишь?

— Наверное, никого... ненависть — чуждое нам чувство.

Ну да... а Ричард взял и поверил.

— Ненависть разрушает суть, — Тихон приложил ладонь к груди. — А это убивает. Не духовно, как вас, но физически. И ту войну мы проиграли,

потому что не могли воевать. Мы создавали препятствия. Возращивали леса, полные ловушек. Выпускали в мир животных, которые... которые были все одно животными. Ты встречался со жwirkлом. Но не им равняться с восставшими тварями имперцев. Наши леса горели. Наши животные становились основой для новых созданий. А мы сами... мы пытались убивать, но... каждая смерть изменяла, отравляла наш собственный дух.

О да, бедные альвины...

Жалости не было. Было глухое раздражение.

Война? На войне не бывает такого, чтобы к сопернику испытывали жалость. А уж страдать по погибшим имперцам...

— Не знаю, почему нас вообще не уничтожили. — Ладонь Тихона застыла над башенкой из камней. — Возможно, им понадобились наши силы... или кровь... или... альвинам можно найти применение.

...да, об этом упоминалось в некоторых трактатах. Жаль, что Ричард отнесся к упоминаниям несерьезно...

— Я не должен был злиться. Гнев разрушает. — Ладонь сжалась в кулак, и башенка, будто лишившись внутренней опоры, рассыпалась. — Она не ушла, Ричард. И ты не в порядке.

Что?

Снова... нет... Ричард здоров. И бодр, настолько, насколько он может быть здоров после трехдневного бодрствования.

Он развернулся, намереваясь скрыться в машине.

Надо будет вовсе убраться.

Конечно.

Он заберет свою долю... половину? Ладно, Ричард согласен и на меньшее. Ему хватит.

Заберет.

И уйдет.

У него своя дорога и... додумать он не успел, хотя почти уже поймал чудесную, совершенно гениальную мысль, когда прохладные ладони альвина коснулись висков. И вместе с ними пришла тьма.

Сладкая.

Убаюкивающая... ничего, Ричард не станет спать.

— Не стоит сопротивляться, друг мой, — голос альвина доносился издали. — Я не собираюсь причинять тебе вред... я хочу лишь помочь.

Ложь. И оба знают, что это ложь... и Ричард не собирается ее слушать. Он просто... просто позволит тьме обнять себя. Она ласковая и мурлычет, как древняя матушкина кошка, которая перебрала все сроки кошачьей жизни, а все одно не спешит уходить... да, именно... тьма-кошка коснулась

лба, щекотнула усами губы. Спи, Ричард, позволь тьме напеть тебе сны...

...о долине.

...о доме с каменным первым этажом. А второй — из красного бука, который не горит и не гниет. Ты сам вырежешь пять защитных рун...

...подвал будет, конечно, будет... с ледником... где еще хранить мясо? Колбасы... и бочонки со светлым пивом. Ты ведь сам будешь ставить его так, как учил дядька... и в этом доме найдется место...

Тьма напевала. У нее была тысяча голосов, и песня получалась волшебной. Вот только за всем этим волшебством Ричард не забыл о главном.

...он некромант, который подошел к грани.

Заглянул за грань.

Увиденное испугало, но... только ли испугало?

Тихон осторожно положил Ричарда на постель и пледом укрыв. Отстранился, окинул лежащего некроманта придирчивым взглядом и подоткнул уголки пледа.

Хорошо, руки на груди складывать не стал.

И без того вид у Ричарда был... специфический. Бледен. Бездвижен. Тянуло подойти и проверить, есть ли пульс.

— С ним... все будет в порядке?

Все-таки Ричард, пусть и изрядная заноза, а мне жизнь спас.

— Настолько, насколько это возможно. — Тихон положил ладонь на лоб спящего некроманта и закрыл глаза. — Нельзя погружаться во тьму и не замараться этой тьмой.

— Патетично, — голос Альера раздался у меня в ухе. Левом, что характерно. Я даже оглянулась, но показаться в призрачной плоти дух не рискнул. — Говоря проще, наш приятель слишком часто и подолгу подходил к краю. А это чревато всякого рода... неприятностями. Думаешь, мои предки сами с ума сходили? Нет... и у души есть предел. У одних больше, у других меньше... главное, что редко кто осознает момент, когда за этот предел ступает.

Тихон провел сложенными щепотью пальцами по кривоватой переносице Ричарда и тихо произнес:

— Мы не позволим ему зайти слишком далеко.

— Если получится, — отозвался Альер.

Я все-таки подошла.

Ричарда было жаль? Нет, не жаль. Он не из тех мужчин, которым жалость нужна, скорее... я волновалась. Именно. Это нормально,

волноваться за человека, пусть и не самого близкого и даже не дорогого, но просто человека.

Он мне жизнь спас, в конце-то концов.

— Зачем он это делает? — Я смотрела на него, спящего колдовским сном и в этом сне улыбающегося. Хотелось прикоснуться.

Убрать прядь, которая прилипла ко лбу, свернулась над бровью таким смешным завитком. Или вот расправить перья в метелочке, что торчала из волос... или... просто стоять и смотреть.

Альвинская магия виновата, не иначе.

— Волны. — Грен раскладывал сапфиры по кучкам, руководствуясь одному ему понятной системой.

А Тихон, видя мой недоуменный взгляд, пояснил:

— Раз в десять лет тьма возвращается на земли Империи.

— И мертвяки тогда пруть, что дерьмо на дрожжах, — не остался в стороне Грен. Он поднял камень, величиной с желудь, и поднес к свече. В рыжем пламени ее сапфир побелел, и внезапно это показалось мне дурным знаком.

— Ричард полагает, что это явление отнюдь не естественного свойства. К сожалению, Гильдия его теорию не поддерживает, но, возможно, сейчас все переменится. — Впрочем, произнес это Тихон без особой уверенности. — Вы ведь что-то нашли, верно?

Что-то... именно, что-то... монету, которая для меня была лишь монетой, в гробнице их сундуки имелись, но Ричарду была нужна именно та, из заброшенного храма. И, наверное, это важно, настолько важно, что он рискнул и жизнью, и разумом.

Я поежилась.

И задала вопрос, который, пожалуй, волновал меня больше других:

— А дальше что?

— Дальше... полагаю, нам придется вернуться в Ормс. — Тихон провел ладонью над свечами. — Вам нужны документы, Оливия... ваше положение, боюсь, довольно неустойчиво, и следует воспользоваться удобным случаем. Лайра Милия вам очень... обязана.

А ведь он знает обо всем, что произошло той ночью.

Не от меня.

Не от Ричарда.

И не от лайры Милии. Ей уж точно незачем распространяться о некоторых... нюансах той ночи.

Альвин был безмятежен, но вот... ощущение странное, будто смотрю на лед, за которым бездна скрывается. Повеяло холодом.

И отпустило.

У всех свои тайны, и мне ли искать чужие.

Догадался ли Тихон об этих моих мыслях, не знаю. Он провел ладонью над лицом Ричарда, стирая появившуюся было болезненную гримасу, и продолжил:

— Затем, полагаю, он захочет показать вашу находку гильдийцам. Существует вероятность, что она заставит их прислушаться к теории Ричарда...

И вновь от меня не ускользнули скептические ноты.

— ...ближайший город, где имеется представительство...

— Шимаза, — не раскрывая глаз, произнес Ричард. — Мы отправимся в Шимазу. И ради всех Богов, дайте наконец поспать...

Глава 25

ЛЕДИ И НОВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

На десятый день пути мы выбрались к Большому Имперскому тракту. Следовало признать, что тракт и вправду внушал уважение. Дорога шириной метров в десять — уж явно не для колесных повозок ее такой делали, выложенная из плит ярко-желтого камня.

Поневоле начинаю чувствовать себя Элли.

— Это кто такая? — Альер на дорогу смотрел с детским восторгом, хотя обличье на сей раз выбрал взрослое. Он устроился на боковом крыле октоколесера, сидел, свесив ноги, вцепившись в сияющий серебром крюк.

— Потом расскажу.

Он кивнул.

Потом — значит потом... не стоило обманываться, когда Альер утратит интерес к дороге, он вспомнит про мое обещание. Но пока мы оба смотрели вперед.

В кабине управления было тесновато — на двоих она не рассчитана, даже если один — худосочный альвин, а вторая — не слишком упитанная девица. Зато вид открывался удивительнейший.

Желтая полоса.

Каменные столбы, поднимавшиеся через каждые двести метров...

— Это охранители. — Альер наклонился, чтобы получше разглядеть, как крутятся колеса. Я охнула только.

— Не стоит волноваться. — Тихон потянул изогнутый рычаг, один из дюжины, и октоколесер заурчал громче. — Он нематериален...

— Я знаю.

— И пока цело вместилище...

...я погладила теплый камень, который прилип к коже. На шею цепочку я так и не надела. Не знаю почему, но по-прежнему носила, обернув запястье.

И привыкла как-то.

Альер, тот тоже не жаловался.

Колеса крутились.

Громыхали.

— В прежние времена, — к счастью, Альер не стал дразнить альвина и остался снаружи, но голос я его слышала отчетливо, — мой прапрапра...

какой-то там прадед, поговаривали, что Силион Добрый, который, не стоит обманываться, добрым вовсе не был, решил, что Империи не хватает приличных дорог. То ли сам... то ли... по семейной легенде его любовница после рождения сына ослабла здоровьем и в городе жить не могла. Свежий воздух потребовался, источники целебные... в общем, вместо того чтобы другую любовницу завести, поздоровей, Силион приказал выстроить этой особняк у источников. Сам же стал наведываться в гости. Летом еще дорога приличной была. Относительно. А вот по осенним дождям развезло. Он едва и не утоп...

...Император почесал пятку, на которой прилип зеленый лист.

Еще одна иллюзия.

Он сам — иллюзия, разумная, но все же...

— Не иллюзия, сколько тебя учить, я дух с визуальным воплощением.

Альер оторвал листик от пятки и пальцы разжал. Рожденный его силой ветер подхватил лист.

Поднял.

Понес, закружил... и развеял.

— В общем, срочно решено было строить дорогу, а раз решено, то к чему на Звонящие ключи размениваться? Надо такую, чтобы через всю страну...

За линией столбов виднелись клены, огромные деревья с гладкими стволами и огненно-красной листвой. Издалека деревья гляделись объётыми пламенем.

Измененные.

Альвинийская работа.

Высоки.

Крепки — никакая буря не свалит такого гиганта. А ко всему тень дают густую, что нынешним летом весьма актуально. В кабинке вот, пусть и защищенной от жарких лучей зонтом, припекает изрядно.

Чувствую, обзаведусь я загаром.

— Строительство началось с размахом. Камень доставили из самых Ауржых гор... это на побережье, — пояснил Альер, а я кивнула, мол, теперь-то я представляю, где эти самые горы находятся. А что, я ведь и вправду представляю.

Я учебник прочла.

Детский.

Про устройство мира и Империи, которая мудра, сильна и всем прекрасна. В общем, правильный такой, подвергнутый цензуре учебник. Начала и второй, по истории, но с комментариями Альера читать его было

невозможно. Да и без комментариев...

В общем, историю я предпочитала в рассказах очевидца, благо оных у него имелось в достатке.

— Вели дорогу от тех самых гор. И еще от Киренийских пустошей, где добывали песчаные сапфиры... их еще добывают, альвин?

— Нет. Истожились копи.

Альер только хмыкнул.

— Понятненько... истожились... Большой Имперский тракт пересекает Империю с востока на запад... — теперь в голосе его появились занудноакадемические ноты. А облик вновь изменился. И теперь на серебристом крыле восседал благообразнейшего вида старец.

Еще одна проекция.

Не самая, на мой взгляд, удачная. Белый балахон. Борода до пояса. Волосы длинные, прихваченные черною ленточкой. Взгляд премудрый... до того премудрый, что сразу возникает желание пакость сделать.

— И сиятельнейший Каархан — жемчужина на поясе Империи...

Голосом старец обладал глубоким, низким и раздражающим.

— Вели ее, как я сказал, с двух сторон. На великое строительство брошены были все силы. И под плитами этими, чувствую, немало костей положено. Но и этой жертвы оказалось недостаточно. — Старец постучал посохом по колесу, и посох, столкнувшись с магией альвинов, пошел прахом. — Когда показались белые башни Каархана, камень...

Старец запнулся и, не найдя подходящих слов, тряхнул головой, и вот уже на крыле сидит мальчишка в черных бриджах и белой рубашке.

— Что-то там у них не заладилось. То ли камень не ложился, то ли вообще вся проваливаться стала... главное, земля-то там крепкая, а вот поди ж ты. А может, не в этом дело... главное, что уже не Силион, а внук его, Заккари, на чью долю выпало это чудо завершать, решил дорогу укрепить. Велел ставить закрепы.

Тихон дернул пару рычагов и потянул за серебряную цепочку, на что октоколесер отозвался тонким свистом. Машина задрожала и, как мне показалось, замедлила ход.

— Он разослал весть, что собирается создать особую гвардию, вроде Золотых ножей. И что ищет в нее славных воинов, что примет всякого, кто готов доказать свою силу, невзирая на род и заслуги. Год взывали глашатаи, а в назначенный срок явились в Каархан белокаменные воины со всей земли. Были среди них и южане, и северяне, и баат-хаари, в жилах которых течет черная кровь. Три по десять дней шел Большой Императорский турнир, чтобы любой, кто пожелает, мог явить свои таланты. А в итоге

устроили пир. И каждому гостю Император лично поднес чашу со сладким вересковым медом.

— И ничем хорошим это не закончилось.

Знаю я его поучительные истории о славных деяниях предков. Вот уж поневоле начинаю понимать, почему той Империи не стало.

Даже у Богов терпение не бесконечно.

— А то. — Альер протянул ладонь и создал бабочку. Не далее как вчера, на вечернем привале, он разглядывал такую весьма пристально.

Запоминал.

Его бабочка была крупней, с две ладони размером.

Ярче.

И сидела на мизинце, не пытаясь покинуть создателя.

— В мед добавили сонное зелье. И когда воители уснули, их заключили в камень. А камни установили вдоль дороги, чтобы хранили ее от разрушения... ну и не только... по семейной легенде, воззвав к крови, можно поднять ушедших из небытия. И возникнет призрачная армия, и победит всех. Как-то так...

— Значит...

Я новым взглядом посмотрела на столбы.

Мог ли в таком поместиться человек? Мог... но это же сколько людей...

— На самом деле где-то в одном из тридцати. — Альер оторвал у бабочки крыло. — Не знаю, как там с призрачной армией, но дорога все еще стоит. Значит, помогло.

Я покачала головой, провожая взглядом искалеченную бабочку, которая пыталась удержаться на призрачном ветру. Как только я начинаю думать, что Альер нормален, он выкидывает что-то такое...

— Не стоит обманываться. — Он подул, и бабочка превратилась в драгоценный камень, а тот растворился на ладони Альера. — Я очень далек от нормальности в твоём понимании.

Помолчав — надолго его никогда не хватало, — он все же добавил:

— Как и ты в моем...

Что ж, быть может, и так.

Тихон повернул рулевое колесо, которое здесь скорее напоминало штурвал, причем не просто штурвал, а обвязанный витым шнуром, меж слоями которого виднелись резные костяные пластинки, серебряные бусины и куски какой-то паутины.

А может, и не паутины, но альвинских волос.

Кто их поймет.

— До Шимазы полтора часа пути осталось. — Он замедлил движение октоколесера. — Возможно, тебе захочется переодеться...

...такая вежливая просьба уйти.

Нет, меня Тихон был рад видеть.

Меня, но не Альера...

— И вправду, Оливия. — Мальчишка вскочил и покачнулся. Ну уж нет, не упадет он, пусть и узко, и скользко, да только... — Тебе стоит заняться собой. Нельзя показываться на глаза низшим в подобном обличье...

Чем ему мое обличье не по вкусу пришлось?

Батистовое платье в узкую полоску было простым, но довольно милым. Туфли — прочными. Даже соломенная шляпка имелась, украшенная ленточками и букетиком атласных незабудок. Может, и не высокая мода, зато весьма удобно.

— Боги милосердные! — Альер воздел очи к небесам. — Ты выглядишь, как одна из горожанок, а ты все-таки особа императорской крови и...

Октоколесер остановился, а Тихон выкинул трап и помог мне спуститься...

Ричард нервничал.

Не то чтобы вовсе без причины. Причины имелись, взять хотя бы те, которые ныне лежали в кованых сундуках, запертые на три замка — почтеннейшая фирма, столетняя гарантия, которую подгорцы дают не слишком-то охотно.

Алмазы.

Сапфиры.

Драгоценности, за которые не одна благородная лайра душу продаст. И странно было, что Оливия к этим сокровищам осталась равнодушна. Разве что посоветовала в ткань завернуть, чтобы не поцарапать.

...такой клад сам по себе опасен.

Но не в нем дело.

И не в назойливом мальчишке, который с раздражающей точностью комментировал все попытки Ричарда распутать незнакомое плетение. Монетка не поддавалась.

В ней загвоздка.

В двойном империале с чеканным обликом Проклятого, последнего Императора. Рунный узор на реверсе.

Темные нити заклатья.

Оно казалось таким знакомым.

Дразнило.

Вот эта связка и соединения, что-то похожее Ричард видел в Большом справочнике, кажется, в разделе, где описаны обряды на привязку сердца. Только... как-то странно... и смешно будет, если амулет, который он добыл, едва головы не лишившись, содержит древний приворот.

— В мое время некроманты были посообразительней. — Альер уселся на стол, что Оливию несказанно раздражало, но ныне она занята была на кухне. И судя по запахам, которые с этого закутка доносились, времени зря не теряла.

— Ты знаешь, что это?

Мальчишка пожал плечами. Понимай как знаешь, то ли нет, то ли да. Даже если и знает, не подскажет ввиду врожденной пакостливости характера.

— Тебе не хватает усидчивости. И твои знания, уж извини, обрывочны. Скучны. — Мальчишка болтал ногами. — Если ты утверждаешь, что был лучшим, мне страшно представить, каковы худшие...

— Не хочешь помогать, помолчи...

— Хочу. — Нога замерла, и Альер почесал ступню. — Но не могу... то есть напрямую — не могу.

Длинные пальцы на ступне шевелились.

Мраморно-белые.

А ногти отливали синевой.

— А не напрямую?

Он сделал вид, что задумался.

Ричард же подбросил монету. Заклинание дремало. Оно походило на сжатую пружину. И ведь не ослабло за столетия. Не развеялось. Что его держит?

Кровь?

Жертва большая или малая?

Или вовсе такая, о которой ныне и памяти не осталось?

— Пожалуй... — Альер потянул за прядку, которая тянулась и тянулась. — Я бы мог... да, определенно... но что я получу взамен?

— Что ты хочешь?

Ричард огляделся.

Оливия увлечена готовкой. Грен — пересчитывает алмазы, пытаясь сообразить, кому и как их скинуть. Дело непростое. Конечно, идеальный вариант — подгорные кланы, но Грен изгнанник, а человеку и уж тем более альвину не дадут хорошей цены. Люди? Один такой камень способен

привлечь внимание, а уж десяток... слухи пойдут...

...на слухи, как на кровь, иные охотники слетаются.

Ричард растянул купол безмолвия. Что-то подсказывало, что попросит мальчишка вовсе не прогулки под луной. И он, одобрительно кивнув, влез в плетение, подправил кое-что.

А ведь и вправду так купол будет прочней.

И если здесь подправить, то...

— Для низшего ты довольно сообразителен. — Альер сменил облик. Вот зря, блондинистый типчик, сладкий, как зимний пряник, самым своим видом вызывал глухое раздражение. — Это малый защитный купол. Полупроницаемый для магии, но не проницаемый для физических объектов. Энергии почти не требует. Строится... ты сам видел.

— Чего ты хочешь?

Улыбка стала шире.

— Тело.

— Что?

— Тело, — повторил Альер и пальцы сцепил. Локти поставил на стол. Руки вытянул. — Разве возможны другие варианты?

— Ну... — Ричард кривовато усмехнулся. — Может, ты пожелал бы упокоиться с миром.

— Если бы я желал, как ты выразился, упокоиться, я бы не цеплялся за свое посмертие. Нет, я хочу жить. Не существовать в виде энергетического сгустка, которому угрожают всякие недружелюбно настроенные альвины...

— Меньше его дергай.

— Не важно. — Альер взмахнул рукой. — Мне нужно тело. Я хочу... да, хочу вновь ощутить запах еды. И ее вкус. Хочу пройтись по лужам. И прикоснуться к траве... к женщине... я хочу почувствовать жар и холод...

Его глаза затуманились.

— Это невозможно.

— Почему?

Да потому что запрещено! Тело... да если бы... это ведь не просто тело, оно должно быть физически здоровым, функционирующим, а с другой стороны — свободным от души. И где такое взять?

— Не спеши отказываться. — Альер провел пальцем по столешнице, и та задымилась. Поднялись рыжие хвосты пламени, вычерчивая проклятый знак. — Я ведь не требую немедленного исполнения. Я понимаю, что не так просто отыскать подходящее тело... заметь, я даже не заставляю тебя его создавать.

— Создавать?

— Изгнать душу, не повредив оболочку, не так уж сложно. Этому я бы тебя научил.

— Спасибо, обойдусь.

— Обойдешься? — Приподнятая бровь. И палец, уткнувшийся в монету. Пружина сжалась. Еще немного — и развернется, а с нею и освобожденное заклятье раскроется, покажется во всей красе. — Позволь кое-что заметить. Возможно, ты и вправду лучший, но это значит лишь то, что остальные еще хуже.

— Уже слышал.

А ведь так стали заметны еще два узла, которые Ричард пропустил. Он торопливо, пока узлы не растворились, сделал их схематический набросок. Может, Тихону показать?

...заодно и помириться.

Извиниться за все, что Ричард наговорил ему, проснувшись. Неправ был. И Тихон понимает, что не Ричард это, а та его часть, которую вновь получилось запереть.

Надолго ли?

— Слышал, но не услышал. — Альер постучал ногтем по столу. — Я не к тому, чтобы обидеть тебя...

— Да неужели?

— В этом нет смысла. Мне было действительно интересно, чего вы достигли... столько лет все-таки прошло. А вы не достигли, нет. Наоборот. Вы утратили и то малое, что изначально было доступно низшим. Твои заклинания... неужели ты сам не чувствуешь, что это жалкие ошметки чего-то несоизмеримо большего? Ты их заучил, верно, но... как же принципы построения? Разве тебе не объясняли их?

Ричард не ответил.

Что тут ответишь? Принципы? Базовым принципам его обучали, но... не некромантии. Общая магия, которая почти не доступна. Целительство... иллюзии... везде были эти самые общие принципы, кроме некромантии. Как же, слишком совершенное искусство, чтобы базироваться на каких-то принципах. Каждое заклинание — это итог долгих поисков... а общие узлы, которые в заклятиях встречаются, не более чем совпадение.

— Чушь. — Дух обладал отвратительным свойством считывать поверхностные мысли. — Согласен, искусство — это искусство, но для того, чтобы создать шедевр, сначала надо научиться правильно кисть держать. Понимаешь?

Альер поднялся. Он, снова мальчишка, раздраженно мерил шагами гостиную, и купол изгибался, растягивался следом за ним.

— Ты поэтому и не способен толком понять, что видишь, поскольку тебе не объясняли даже, как это видеть... не понимаю... из вас делали ремесленников, которые... которые разве что упыря упокоить и способны.

— Большого и не требовалось.

— А хотелось?

Вопрос о грани.

О той самой грани, которая есть и в нем, в Ричарде. А он, глупец, надеялся, что избежит этой встречи. В конце-то концов, разве когда-либо прежде возникали у него столь противоестественные желания.

...или, наоборот, естественные для некроманта?

— Я способен тебя научить.

— Ты умер трехлетним...

— Мы оба знаем, что и за порогом можно достичь многого, было бы желание. У меня оно было. И желание. И возможности. Мои учителя... у меня были очень хорошие учителя. Стоило взять их с собой... да, пожалуй, стоило... но я и сам справлюсь.

Ричард закрыл глаза.

Отказаться?

Обмануть не выйдет. Дух — материя тонкая, неправду он учует сразу... согласиться? И принести магическую клятву? Альер не настолько доверчив, чтобы на слово... и тело искать?

А потом, найдя, провести обряд вселения?

За одну мысль об этом Ричарда изгонят. И хорошо, если только изгнанием обойдется, а то ведь костры императорским указом отменены, но плаха осталась.

Он потрогал шею, живо ощущая прикосновение к ней лезвия. Холодного такого.

Острого.

Раз и ты уже по ту сторону жизни...

— Всегда знал, что низшие трусоваты... — Альер щелкнул пальцами. — Думай. Времени у меня полно, но... могу лишь сказать, что без меня ты не справишься.

— Посмотрим.

— А еще упрямы и самоуверенны. Но что ж, я готов ждать... к слову, возьми меня с собой.

— Куда?

Полог дух снял щелчком пальцев. Ричард не без оснований подозревал, что и сам этот щелчок не нужен, но... чужой полог.

Щелчком пальцев.

— Посмотреть на других. Не пойми превратно, но... я слишком долго был заперт, чтобы ныне ограничивать себя. Мне интересно... нет, действительно интересно. А с ней... скажи, что я могу узнать с женщиной? Цены на шелка? Или какие перья ныне в моде? Нет уж... возьмишь?

— А что взамен?

Альер расхохотался:

— А ты быстро учишься. Взамен я покажу тебе три базовые связки...

— Согласен.

— Ну... — Альер подбросил на ладони крупный алмаз, — вообще-то их дюжина, но с чего-то надо начинать... аппетит приходит во время еды. ...на обед подали индейку терразини.

Глава 26

НЕКРОМАНТ И СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

К Шимазе вышли на рассвете.

В отличие от крохотного и пропыленного Ормса, Шимаза вытянулась вдоль речных берегов. Полноводная Шима здесь становилась обманчиво узка, будто перетянута каменными поясами десяти мостов, каждый из которых был по-своему славен.

Широк мост Менял. И ласточкиными гнездами облепили его дома и домишки. Они вырастали камнем из камня, порой до того узкие, что только и хватало места — дверь поставить, а над дверью повесить серебряный колокольчик, чтоб, если случится гостю заглянуть, хозяева услышали. Но поднимаясь, дома расползались, тесня друг друга, выкатывая каменные языки террас. Иные выдавались далеко над водой, громоздились над мостом, тянулись к террасам же на другой стороне моста, сливаясь в уродливые арки. И казалось, малости хватит, чтобы вся эта конструкция треснула и обвалилась.

Прежде такое случалось.

Узок Последний путь, соединивший мрачную Башню Воронов, которая на веку своем много всякого повидала, с городской же площадью. Только и проедет по нему узкая тюремная повозка.

Тяжелы гранитные плиты. Крепко срослись одна с другой.

И возвышаются над ними птичьи гнезда лучников.

...правда, давно уже никого этой дорогой не возили. Поговаривали, что вообще подумывали мост перестроить, расширить, да все денег не было.

Легок мост Живописцев, который давно уже стал прибежищем не только для живописцев. Бродячие циркачи и менестрели. Скульпторы, иллюзионисты, чьего дара не хватает на серьезную работу, и просто безумцы...

Массивен Королевский.

И неприметен Торговый, по которому октоколесер и полз после долгой перебранки со стражей. Она вовсе не горела желанием впускать такую страхолюдину в приличный город. Мост был достаточно широк и прочен, чтобы выдержать с десятков подвод, которые ныне и ползли, медленно, со скоростью волов, в оные подводы запряженных. Дремали возницы. Бегали собаки. И пышнозадая матрона в ярко-красном нарядном платье сидела,

свесив с мешка полные ноги в алых же чулках. Сыпанув на подол расшитого бисером платья горсть семечек, матрона их лузгала.

И вид при том имела презадумчивый.

— Отвратительно. — Альер имел собственный взгляд, который, как и прежде, не стал держать при себе. — Подобным особам нужно запретить въезд в город!

Матрона обернулась и нахмурилась.

— Их вид всякому благородному человеку внушает отвращение...

— Заткнись, — попросил Ричард, за которым надоедливый дух теперь следовал неотступно. И отнюдь не потому, что амулет с привязкой ныне болтался на шее Ричарда. Нет, возможностей Альера хватило бы на то, чтобы отдалиться от амулета на сотню шагов, а то и побольше. И Ричард подозревал, что такое повышенное внимание духа к особе некроманта вызвано исключительно паскудностью характера последнего.

— А вы бы, молодой человек, — бабища сдула черную скорлупку, прилипшую к нижней губе, — помолчали б. Ишь, хаеьт он меня!

Толстый палец бабищи указал на Ричарда.

— Молод еще меня хаить! Дитяти б постыдился...

Голос ее трубный разносился над мостом, пугая толстых ленивых голубей. А упомянутое дитя взгляд потупило и вид обрело самый что ни на есть благостный.

— Боги милосердные. — Альер закатил очи. — Это еще и разговаривает?

— Замолчи, — взмолился Ричард.

— Он меня затыкаить! Гурт, тут твою жену всякие хають... словечка молвить не дають... — визгливый голос бабы взвился над мостом. — А ты молчишь! Что ты молчишь, всю жизнь и промолчишь... как ополупень...

— Кто такой ополупень? — не выдержал любознательный дух.

— Понятия не имею.

Ричард прикинул, что мост протянулся этак полмили, что октоколесер только-только въехал на него, а судя по скорости, с которой мост пересекали подводы, до Торговой слободы доберутся они разве что к полуночи.

— Грен, — он вывел подгорца из задумчивости, в которой тот пребывал в последние дни. — Я пошел. Скажи Тихону, чтоб, как прежде, в «Гордом козле» остановился...

Под ногами похрустывала ореховая скорлупа. Ступать приходилось осторожно, поскольку среди шелухи, скорлупы и соломы встречались, и довольно часто, воловь лепешки.

— Скажи ему! — Бабища отвесила затрещину худосочному мужичонке, почти не видному по-за огромными мешками. От удара темная шапка съехала на нос, а мужичонка покачулся и едва не выпал из телеги, но был остановлен могучей рукой. — Никакого с тебя толку... набрался с утра...

— Вот и скажи, стоит ли считать их разумными? — Альер вышагивал рядом.

— А ты, — бабища не собиралась просто упускать обидчика, — ни стыда ни совести... наговорил и деру? И мальчонку с собой тащить... эй, малец, он тебя не скрал случаем?

— Только попробуй, — одними губами произнес Ричард, подозревая, что дух не прочь повеселиться. — Отдам Оливии...

— Неа, тетенька. — Альер шмыгнул носом. — Это дядька мой... мамка с папкой померли...

— Альер...

— Чего? Чистую правду говорю, — и глаза сделал честные. — Они ж и вправду померли... еще когда...

— Дядька, значит?

Лицо женщины налилось кровью. Губа верхняя оттопырилась. А черная бородавка на щеке сделалась выпуклой, круглой, что горошина.

— Он хороший, — тоненький голосок Альера звучал тихо, однако же все, включая голубей, слышали каждое слово. — Он обо мне заботится...

— Заботится, значит... вижу, как он об тебе заботится. Прибрал сироту! Вона, сам вырядился, а дите в обносках... хоть бы обувку справил...

— Идем. — Ричард стиснул зубы, чувствуя, что еще немного — и сорвется самым безобразным образом.

И Альер, опустивши очи долу, голову в плечи втянув, сделавшись будто бы меньше — и вправду ни дать ни взять сиротинушка горькая, которой каждый встречный-поперечный помыкать горазд, — заспешил за Ричардом.

— А ты... ни стыда ни совести... обобрал... стражу вызову...

В спину доносились гневные крики раздраженной женщины. Прочие возницы то ли привычны были, то ли предпочитали не встречать в чужие дела — разумная, в целом, позиция — но, к счастью, молчали. Правда, смотрели так...

— И зачем это надо было? — Ричард заговорил, когда мост остался позади.

— Что?

— Представление.

— Просто так... весело ведь. Примитивное существо с предсказуемыми реакциями...

И вот поди пойми, о той бабе он говорил или же о самом Ричарде. Лучше не уточнять.

— Когда к Управе подойдем, исчезни. Я не готов объясняться, почему до сих пор не развоплотил...

— Потому что силенок не хватило. И у всей вашей управы не хватит, — Альер вертел головой и сейчас, как никогда, походил на обыкновенного ребенка.

Даже леденец себе сотворил.

Медяшный, на длинной палочке, крашенный жженкой.

— Кстати, — Ричарду тоже захотелось конфету, но он подавил в себе это совершенно нелепое желание, — а действительно, почему ты все время босой?

— Да... как тебе сказать. — Альер проводил взглядом тележку старьевщика, доверху наполненную тряпьем. — Меня так похоронили.

— Что?

Ричард был в гробнице.

Золото.

Алмазы.

Кровь дракона.

Неужели не нашлось пары ботинок для Императора.

— Да... видишь ли, когда снимали мерки для саркофага, то выяснилось, что что-то там напутали, не учли парика... в общем, ерунда полная. Пришлось выбирать — или босым, или без парика и маски... распорядитель и решил, что под одеянием погребальным босые ноги не видны. Никто ж не думал, что я и вправду ходить буду.

Он остановился и, стоя на одной ноге, вторую поднял и оглядел ступню.

Грязную.

— Ты и не ходишь. Ты создаешь иллюзию ходьбы. — Ричард посторонился, пропуская гончара с полной тележкой горшков. — Одежда... тоже?

— Значение имеет погребальное одеяние. Ты его видел... — Альер щелкнул пальцами, воспроизводя свой посмертный наряд во всем его великолепии.

— Перестань!

— А... — Альер в некоем подобии халата до пят выглядел золотой

куклой. Причем не только золотой, драгоценных камней, на этот наряд нашитых, хватит, чтобы скупить не только рыночную площадь, но всю Шимазу, включая знаменитые мосты ее, Гильдию лодочников и имперского наместника. — Извини...

Наряд он развеял.

— Сам понимаешь, смотрится достойно, но ходить в этом невозможно... слушай, а почему тут так грязно?

Ричард огляделся.

Грязно?

Ну... обычно. Да, пованивает, но это из-за жары. И ветерок тянет с востока, где скотобойни расположены с дубильными мастерскими и кварталом красильщиков вкупе. Неприятно, но после обеда ветер переменится, тогда и полегче станет.

А пока...

Кучи отбросов. Гнилые овощи. Гнилое мясо, которым побрезговали и местные бродячие псы. Треснувшая бочка золотаря, брошенная, судя по всему, давно, но время не убавило смрада. Кучи мух. Та же гнилая солома, шелуха и скорлупа. Пьяный, прикорнувший на обочине... телеги и люди.

— Разве вы забыли, что нечистоты являются источником многих болезней? — Альер брезгливо скривился. — Если бы в мое время наместник позволил довести город до такого состояния, в лучшем случае он бы расстался с должностью, но куда вероятней — с головой...

Ричард перехватил руку грязного мальчишки, который будто бы случайно налетел на Ричарда.

— Передай своим, что не стоит, — сказал он воришке, вытащив звезду некроманта.

Тот лишь выругался.

— И бродяги... вы их не отлавливаете?

— Зачем?

Альер пожал плечами.

— Во-первых, они переносят блох, вшей и болезни. Во-вторых, это ресурс, который вы не используете... хотя... если человеческие жертвоприношения запрещены... а работа с плотью?

— Тоже.

— И даже...

— Они люди.

— И что с того. — Альер перепрыгнул огромную лужу, в которой развалилась черная свинья. — Эти, как ты изволил выразиться, люди представляют собой угрозу для общества. И ваше лояльное отношение к

подобному контингенту лишь указывает на вашу слабость и неспособность решить данную проблему...

Альер остановился перед разваленным колодцем, из которого расползались грязные ручейки.

— Извини, но и призрачные мои ноги мне дороги, — произнес дух и исчез, жаль, временно.

Хотя следовало признать, что слово свое Альер сдержал. И три показанные им связки... проклятье, этому должны были учить некромантов! Основа. Логичная.

Правильная.

Четкая.

Позволяющая не просто запоминать уже существующие заклинания, но анализировать их... еще бы остальные... но цена...

Торговый квартал с его рыночными площадями и лавками остался позади, как и Цветочная улица, прозванная так отнюдь не из-за роз, которые здесь выращивали в огромных кадках. По дневному времени улица была тиха, но скоро вспыхнут желтые бумажные фонарики, а в окнах домов появятся женщины... ну, в основном женщины.

— И подобные кварталы. — раздалось над ухом, — находились за городской чертой... к слову, может, заглянем на обратном пути?

— Ты же призрак!

— Не призрак, а дух. И вообще... что с того? У меня что, не может быть личной жизни?

Личную жизнь духа Ричард представлял плохо...

...узкие улочки Книжного города.

На них пахло древностью. И немного — помоями.

Темные стены квартала Алхимиков. Здесь дома традиционно строили из камня, скрепляя раствор заклятиями. Первые этажи — глухие, слепые, лишённые окон, зато крыши зачастую ими прорезанные, а то и вовсе стеклянные — знаком достатка хозяев.

Белая стена, знаменующая близость Старого города, этакое кольцо в кольце, приближалась. А с ней росла и неуверенность Ричарда. Что он скажет? И надо ли вообще говорить что-то... монета как доказательство? А доказательство чего? Его подвига в забытом храме? Или...

...белоснежное здание городской Управы, левое крыло которого занимала и местная Гильдия некромантов, показалось из-за поворота. И Ричард остановился.

Он прекрасно знал и местного Главу — сухопарого, недовольного жизнью и назначением лойра, искренне полагавшего Шимазу глушью, а

собственную должность — ссылкой. И помощника его, который заботился больше о собственной репутации и карьере, нежели о том, что происходит вокруг. И градоправителя, в прошлый визит обратившегося с частным заказом, что не прибавило любви со стороны местных некромантов.

Возвращению Ричарда будут не рады.

Настолько не рады, что вряд ли станут слушать. А если и удосужатся, то высмеют.

Он уже готов был повернуть назад, нет, не признавая собственную идею глупостью — сейчас Ричард был, как никогда, уверен в собственной правоте, — но лишь отступая.

Ненадолго.

Пока не соберет доказательства...

— Ричард! — Этот голос заставил вздрогнуть и обернуться. — Боги всемилостивейшие! Я уж и не чаял тебя дожидаться!

Он шел по улице, старый недобрый друг, и не друг вовсе, и не приятель даже.

Ульрих фон дель Виррен.

Племянник Главы Гильдии.

Однокурсник.

Фат, мот и человек, полагающий, будто бы весь мир вокруг создан исключительно ради его удобства. И странно видеть его здесь, в Шимазе, которая, пусть и звалась южной звездой в короне Империи, да столицей не была.

— Ричард, дружище... нельзя же так пугать старых приятелей. — Ульрих приобнял Ричарда, хотя в прежние времена подобных фамильярностей предпочитал избегать.

По плечу похлопал.

И руку платочком вытер.

Хорошо, по столичной привычке целоваться не полез, а то ведь и стошнить могло бы.

— Откуда ты...

— Откуда я здесь взялся? — Ульрих был лучезарен и дружелюбен, что моментально насторожило. — За тобой приехал!

— За мной?

Вот не было печали.

— О, Милия... очаровательная дама, она о тебе высокого мнения... так благодарна тебе за помощь... несказанно просто, — Ульрих взял Ричарда под руку, и крепко так взял.

По-дружески.

— Рад, — врать у Ричарда никогда толком не выходило.

— Вызов этот... представляешь, прибываю в Ормс, а мне говорят, что некий бродячий некромант взял и уничтожил моего вывертня. — Ульрих шел бодрым шагом, и Ричарду оставалось следовать за ним.

Правда, держал старый знакомый путь вовсе не в Гильдию, но к знакомому же зданию из красного кирпича. «Черная лисица» — известнейшая в Шимазе ресторация.

— Я дядюшке и отбил олограмму... слышал про олограф? Нет? Воздушники придумали... интересная штучка, правда, затратная, но оно того стоит. Я тебе покажу... и представь мое удивление, когда ответ получил!

Ульрих, не прекращая говорить, кинул монетку расторопному слуге, который отворил дверь перед дорогим гостем.

Пахло...

Ароматическими палочками и еще лилиями, розами белыми, розами алыми.

Дорогое место. Не для таких, как Ричард. Ковровые дорожки. Столики, что крохотные, на двоих, что массивные, тяжелые. Скатерти накрахмаленные с серебряным шитьем. Хрусталь. Столовое серебро.

Прохлада не по сезону, и значит, потратился хозяин на погодный кристалл.

— Эй, несите... что у вас сегодня? — Ульрих швырнул перчатки на столик, и они исчезли, словно по мановению руки. Ополоснув длинные пальцы душистой водой, однокурсник снизошел до меню. — Суп из раковых шеек...

— ...он мне не нравится, — прошелестело в ухе Ричарда. И в кои-то веки некромант испытал к духу симпатию. Ульрих не нравился и самому Ричарду.

Руки Ричард мыл тщательно, чем и заработал насмешливый взгляд.

— ...ягнячьи ребрышки на гриле... с овощами... и закусок каких. Вино? Ричард, ты будешь?

— Нет.

Чехлы на стульях. Полдюжины ложек, льняной салфеткой укрытых. И вилок не меньше... проклятье, Ричард вновь чувствовал себя дураком.

— Для начала красное сладкое... физское есть? Ах, «Осенний поцелуй»? Отлично, если это и вправду он... а ты, дорогой, не стесняйся, присаживайся. Особые пожелания будут? Тебе можно. Дядюшка мне мигом отписался. Мол, делай, что хочешь, Ульрих, а этого героя в столицу привези...

Ульрих сел.

До чего поза знакомая, этакая расслабленность и вместе с тем... а ведь и вправду похожи.

— Ты что, меня с этим шутком гороховым сравниваешь? — возмущение Альера отдавалось в висках эхом боли.

— А я ему, мол, дядюшка, где же искать прикажете? Ричард — что ветер в поле. Сегодня здесь, а завтра там... госпожа Милия вон как переживала... испереживалась прямо, что уехал, не попрощавшись...

Ульрих сыто облизнулся.

— Хорошая женщина... а уж как по мужу горевала... с трудом утешил.

И мизинчик отставленный прикусил. Усмехнулся этак, лукаво, дескать, ты же сам понимать должен, как именно вдов утешают. Уж точно ей не платочки расшитые подавал да нюхательными солями под нос не тыкал.

— Кстати, ты мне сам ничего сказать не хочешь?

Подали вино в темной бутылке, припорошенной пылью. И к нему — куски колотого горного льда, прозрачные, что хрусталь.

Ульрих сам наполнил бокалы и в свой бросил пару кусков льда.

— Идиот, — Альер не смолчал. — Кто портит вино талой водой? Это что за мода...

— В столице принято. — Ульрих словно услышал этот призрачный голос, ныне звенящий в голове Ричарда. — Лед охлаждает напиток, разбавляет сладость его, а заодно уж открывает новые ноты. Попробуй.

— Воздержусь. Воды принесите...

Лакей не стал спорить и вернулся с прозрачным запотевшим графином, из которого поднималась веточка мяты.

— Воды... скучный ты человек, Ричард... и тогда исчез так быстро... дядюшка расстроился. А ты сам понимаешь, что расстраивать дядюшку чревато. Характерец у него, исключительно между нами, препоганный...

— ...а вот в воду льда добавь, — посоветовал Альер. — Если в воде не только вода, увидишь. Мне этот фокус один хаттиец показал. Жидкости нагреваются с разной скоростью, как и охлаждаются, и потому, если есть добавки, они станут видны...

Добавки?

Зачем Ульриху травить старого приятеля?

Ладно, пусть не приятеля, но... конкурента? Не смешно даже, конкурентом Ричард никогда не был, так, досадным недоразумением, чем и остался.

Но совета он послушал. Бросил сначала один кубик, затем второй... усталился на стакан.

— ...не так прямо, иначе он поймет, что ты его подозреваешь. И беседу води, не сиди истуканом... тебя что, не учили вести беседу?

— Нет, — буркнул Ричард.

— Прости? — Ульрих приподнял бровь. — Ты что-то сказал...

— Сказал, что не знаю твоего дядюшку так близко, чтобы про характер...

— А... ну тогда да...

Ульрих пригубил вино. Даже не пригубил, чуть коснулся губами края стакана. И это тоже показалось подозрительным.

— Поверь, ты немногое потерял. Он самодур, каких поискать. И главное, меня сюда выпер... я ему пишу, что искать тебя — это ветра в поле ловить...

...ни о чем беседа. И Ульрих так часами способен, вроде бы мелет языком, что мельница, да меж жерновами не мука — воздух. А лед тает, медленно и... кажется, слегка помутнела вода.

Или нет?

— ...покрути в руках, да задумчиво так, будто ты не знаешь, что ответить.

— ...он мне отписал, что мимо Шимазы ты пройти не должен. Это ближайший крупный город к Ормсу... захолустье убогое, но вот кладбище... представляешь, жалобу написали, дескать, воеет там кто-то седьмой день кряду и затыкаться не собирается... я сунулся было, но такой некрофон.

...легкая муть.

...или не муть даже, будто пыль серебряная...

— ...сейчас ты поднесешь стакан к губам и сделаешь вид, что пьешь. Постарайся слизнуть каплю. Не больше... — Альер был серьезен, и это настораживало куда сильнее показного дружелюбия Ульриха. — Это точно не яд, но и не вода... и не молчи!

— Проклятая гончая, — брякнул Ричард, поднимая стакан, который больше всего хотелось выплеснуть. Можно в довольную физию Ульриха.

А ведь взгляд у него внимательный такой.

— Неужели? Надо будет дядюшке отписаться, пусть отправит парутройку на зачистку... контуры там хорошие стоят, так что, думаю, не выберется... а чего она там охраняет-то, не знаешь?

— Склеп. Императорский.

— Да? — А вот это удивление показалось наигранным. — Ты пей водичку... жарко, в горле вот пересохло...

— Пей, — согласился Альер, — как я говорил... отравить тебя не

должны, вроде бы незачем. А вот остальное сейчас выясним. Как попробуешь, закрой глаза и расслабься, мне нужен доступ...

К чему именно, уточнять не стал.

И ладно.

Ричард подчинился. Вода была упоительно холодной. Сладкой... и немало труда стоило ограничиться одной проклятой каплей. Тоже сладкой. Она растеклась по языку, опалив тот легкой горечью. И язык занемел.

Ненадолго.

— Интересно, — одновременно произнесли Ричард и Альер.

— Что? А... склеп... да, непонятно, зачем его было в этом захолустье ставить... но дядюшка разберется... а ты не заглядывал?

— Куда?

— В склеп. — Ульрих раздраженно постучал ноготком по столу. И замолк: лакей подавал закуски.

Фазаньи крылышки в остром соусе.

Оленина вяленая.

Темный сыр с налетом благородной плесени, от запаха которого Ричарда слегка замутило. Икра белужья. Яйца перепелиные подкопченные, что-то еще, что Ричард вовсе не опознал.

— Это запеченные марканы, — Альер пришел на помощь. — Слизни такие. Весьма себе неплохи на вкус.

Спасибо за предупреждение, но слизней Ричард есть не станет.

— А в воде у тебя «доброе слово». Говорил же, травить ни к чему...

«Доброе слово»? Надо же, потратились. И даже лестно... не сказать чтобы вовсе редкость редчайшая, эликсир сложносоставной, а потому дорогой весьма.

Не яд, нет.

На тело он вообще благотворно воздействует. Кровь там разжижает, сердечный ритм выравнивает. От бессонницы помогает... сплошная польза, хотя с бессонницей Ричард и сам справляется неплохо. Но все это — побочные эффекты. Единороги, чьи волосы использовались на втором круге упаривания, вообще твари крайне полезные...

— Значит, в склеп ты не заглядывал? — повторил вопрос Ульрих, поддевая на вилку полупрозрачное тельце маркана.

— Нет, — солгал Ричард.

Главное, что «доброе слово» способствует тому, что человек, его отведавший, проникается к собеседнику неизъяснимой симпатией. И в разговоре теряет всякую осторожность.

Любопытно.

И ведь Ульрих действительно ждал... готовился загодя... и значит, с персоналом договаривался, иначе как? Он не прикасался к стакану Ричарда. К бутылке. К воде... ко льду...

— ...думаю, ты прав. Лезть туда не стоит без подготовки... хотя, конечно... говорят, в таких вот склепах не только хоронили... я и представить не могу, что там, внутри...

И вновь выжидающий взгляд.

А еще жажда, накатившая вдруг. Во рту пересохло, и так, что язык к небу прилип.

— ...этот поганец и ментальной магией балуется, — не то возмутился, не то восхитился Альер. — Ничего... сейчас мы его...

— Золото... алмазы... — Ульрих говорил и не спускал с Ричарда внимательного взгляда.

Значит, подозревает?

В чем, в том, что Ричард склеп вскрыл? В конечном счете это не запрещено... то есть те, которые нынешней династии принадлежат, конечно, под охраной. Вскроешь и попадешь под статью об оскорблении короны, а вот старые склепы — честная добыча.

Если, конечно, хватит сил управиться.

— Да уж, — рука Ричарда дрогнула, и бокал вдруг рассыпался. — Проклятье!

— Твою ж... — Ульрих вскочил, и глаза его сузились. — Это что за... эй ты, что у вас тут...

— ...и ругаться он не умеет, — меланхолично заметил Альер.

— Будто ты умеешь.

— Умею.

— Откуда?

— Да... как тебе сказать... думаешь, все, кого со мной похоронили, приняли сие смиренно?

Лакей, извиняясь и кланяясь, подал новый бокал, но пить расхотелось, как и есть. Слизни, перепела... обождут.

— Ульрих, — Ричард вытер кровавую руку салфеткой, которую, не особо чинясь, сунул за пазуху. — Что тебе от меня надо?

Настолько надо, что ты торчишь в Шимазе, которая — и это заметно — раздражает тебя, такого сиятельного, своей провинциальностью.

В Милии дело?

В Ормсе?

В монете? Или в склепе?

— Я был на том кладбище. — Ульрих сцепил пальцы. И улыбочка его поблекла. — И моя... тетушка...

Он коснулся перстенька с круглым камнем.

— ...имела интересную беседу...

— С кем же? — Недовольство Альера было колючим. — Впрочем, не важно...

— ...ей поведали о придурке, которому вздумалось лезть в запертый храм. А потом он вообще в склеп императорский спустился. И пробыл там часа два. Не один, да...

Ульрих смотрел в глаза.

И Ричард взгляд выдержал.

— И что? — Он бы приподнял бровь, как это делал сам Ульрих, выражая удивление.

— Может, и ничего... совсем ничего. — Ульрих с нежностью погладил перстенок. — А может... ты замахнулся на то, что тебе заведомо не по плечу... что ты вынес?

Ричард сунул руку в карман и вытащил монетку.

— Вот.

Он подтолкнул двойной империял, который докатился до графина с водой, закружился и упал.

— Это? — Ульрих ткнул в монету пальцем. — Ты хочешь сказать, что вынес только это? Побывал в храме, спустился в склеп... мне стражи и к вратам прикоснуться не позволили...

— ...еще бы, будут всякие там мою ограду немывыми руками трогать, — проворчал Альер.

— ...и вынес всего-навсего одну монетку?

— Это амулет.

— Вечной жизни?

— ...слушай, скажи ему, что он идиот? Какой амулет вечной жизни? Это же детская сказка. Я в нее и то не верил.

— Скорее всего, манок. Или преобразователь. Или еще что-то в этом же роде. — Ричард подтолкнул монету к однокурснику. Пусть и был он последним говнюком, но учился неплохо. Да и никто не отменял семейных тайн, глядишь, и подскажет чего толкового. — Я уверен, что это заклятье каким-то образом причастно к появлению волн...

Ульрих поскущел.

Монету тронул. Прислушался. И головой покачал:

— Пустое.

— Но...

— Ричи, малыш, я слышал о твоей бредовой теории. И не только я. В столице это шутка года...

Шутники, чтоб их...

Ричард молча поднялся и руку к монете протянул.

— Не спеши. — Ульрих накрыл империал ладонью. — Значит, больше ты ничего не вынес?

— А тебе какое дело?

— Например, такое, что делиться надо...

— С тобой?

Ульрих вытянулся в кресле.

— Малыш Ричи... ты же понимаешь, что, что бы ты там ни вытащил, тебе надо будет реализовать товар. К кому ты пойдешь? Подгорцы обдерут чужака... люди? Так и люди разные бывают. Перекупщик даст тебе десятую часть нормальной цены...

— А ты?

— А у меня связи. Я найду конечного покупателя. Такого, который способен будет оценить истинную красоту... что у тебя? Камни? Думаю, они... есть бейландские белые алмазы? Идеальные накопители, которых теперь днем с огнем. А если черные, цена возрастет в разы... без меня с тобой и говорить не станут. А вместе...

— Нет.

Значит, все это — исключительно ради наживы? Он ведь не беден, Ульрих. Настолько не беден, что... а все мало? Или Ричард чего-то не понимает.

— Малыш Ричи, не упрямься, — Ульрих подвинул монету поближе. — Все равно тебе придется кого-то найти... кого-нибудь, кому ты сможешь верить...

— Тогда это точно не ты.

— Злишься? Все еще злишься за ту нашу шуточку? — Ульрих откинулся на спинку стула. — Не стоит. Злость не функциональна... знаешь, почему ты так всех раздражал?

Монетка покатила по пальцам, с одного на другой. Старый фокус.

— Всегда норовил прыгнуть выше головы... кто ты такой? Никто. И был никем. И останешься. И сейчас я предлагаю тебе возможность, которая перевернет всю твою жалкую жизнь.

— Он точно идиот, — мрачно заметил Альер. И Ричард мысленно согласился с духом.

— Чего тебе надо для счастья? Титул? Дядюшка замолвит слово, особенно если слово подкрепить взносом... титул за заслуги перед

Императором. Звезда? Тебя прямо перекосило, когда ты те рубины увидел. Понимаю, обидно... жвиркля убил ты, а наградили этого недоумка, у которого из талантов — умение оказываться в правильном месте и лицо держать. Что ж, еще от одной звезды казна не обеднеет...

Он облизал сухие губы и поднялся.

— Вместе мы сможем многое. Я ведь знаю... духи разговорчивы... твоя подружка несла большую сумку. Очень большую. Много влезло?

— Много осталось. — Ричард оперся на стол. — И если тебе так уж хочется имперского клада, то сходи. Где лежит, ты знаешь. Осталось малость, пойти и взять.

Задорный смех Альера прозвучал в ушах.

— Шутить изволишь?

— Нет.

— Шутить... ты, малыш Ричи, не забывайся... все ведь может быть иначе... к примеру, тебя обвинят...

— В чем?

— В чем-нибудь... долго ли, умеючи... у дядюшки большой опыт... одно представление. Другое. А там и вопрос об исключении поставят. Опять же, столкновение с проклятой гончей... если память не изменяет, эти твари умеют перевернуть мозг... конечно, для Гильдии это будет невосполнимой потерей... молодой и талантливый некромант во цвете лет лишился разума...

— Он что, тебя запугивает? — теперь Альер злился.

Злость его была холодной и колючей, как первый лед.

— ...мы позаботимся о тебе...

— И моем имуществе?

Ульрих ответил лучезарной улыбкой.

— Силы придется запечатать, а это... — Монетка крутанулась на косточке, чтобы прокатиться по мизинцу. — Это мучительно. И опасно для психики, особенно такой неустойчивой, как твоя... в Бессаме найдется тихое местечко... или не очень тихое. Ты там бывал? В последнее время они экскурсии устраивают. За два медяка проведут по всем этажам. Покажут безумцев... поучительнейшее зрелище, особенно те, которых к кровати привязывают. Иные лежат днями и неделями, месяцами. Гниют живо. А если их и отвязывают, то лишь затем, чтобы провести очередную экспериментальную процедуру. За серебрушку позволят присутствовать, скажем, на ванне со льдом. За две — самолично пустить заряд по игле, воткнутой в череп... или включить карусель из зеркал. Самые отчаянные безумцы начинают плакать спустя час-другой... для тебя я найду час-

другой.

Он поднялся, старый недруг, и монету протянул.

— Подумай, Ричард, хорошенько подумай... нужны ли тебе подобные враги?

Глава 27

ЛЕДИ И ПОДГОРНЫЙ НАРОД

Шимаза была по-цыгански яркой.

Синяя лента реки, каменные ожерелья мостов. Цветастые платки городских площадей и редкая зелень. Двухэтажные дома с плоскими крышами. Цветочные кадки и пышные шапки петуний.

Алый.

Белый.

Лиловый.

Уличные торговцы. Зазывалы. Экипажи. И островки спокойствия уличных же ресторанчиков. Здесь пахло духами и сдобой. Пряностями. Медом.

Гудели пчелы.

И голоса.

Пели канарейки в плетеных клетках, которые вывешивали с квадратных балкончиков, а еще устраивали под матерчатыми зонтами.

— Устала? — Грен открыл низенькую калитку.

За невысоким заборчиком виднелись ажурные столики и плетеные стулья. Журчал крохотный фонтан, вода переливалась из одной чаши в другую, чтобы в конце концов очутиться в пасти медного змея.

Здесь было прохладно.

И удивительно спокойно.

Грен отодвинул стул. И подал кожаную папку с меню. Но есть мне не хотелось совершенно. А вот жажда мучила. И да, я устала. Мы уже два часа гуляли по городу. Просто гуляли. Грен не заглядывал в лавки, не искал знакомых или почти знакомых, в чьих ловких руках оказался бы очередной флакон с непонятным содержимым.

Он был рассеян.

И задумчив.

Но при этом не забыл всучить мне перед выходом мешочек с камнями.

Сейчас он сидел, понурившись, будто собирался с духом, и вид имел бледный, несмотря на нынешний наряд: алый камзол, шелковый шарф темно-пурпурного оттенка с бахромой. И зеленые панталоны с кружевной же отделкой.

В волосах Грена поблескивало с полудюжины крохотных бантиков.

Еще троица украшала бороду.

— Что тебя беспокоит? — не выдержала я, когда молчание стало совсем уж тягостным. И Грен поднял на меня преисполненный муки взгляд.

— Без позору рожу не износишь, — изрек он, отирая батистовым платочком пот со лба.

— Что?

— Вековая мудрость подгорного народа... я опозорил свою семью...

— Чем?

— Тем, что такой вот... — Он взялся двумя пальцами за шарфик. — Я родился под руной Хазиф, потому что все ведуньи обещали матушке девочку... а родился я. Под руной Хазиф.

— И?

Этого я пока не понимала.

Подали лимонад в высоком кувшине, а к нему — блюдо с крохотными, на один укус, пирожными, вид которых заставил меня вспомнить, что я все-таки голодна.

— Ты не понимаешь. — Грен подхватил корзиночку со взбитыми сливками и махонькой ягодкой земляники. — От порося не родится караса. Я... я должен был стать мастером, как мой отец, мой дед, прадед... семеро дядьев, четыре брата...

Он тронул ягодку ногтем.

— Но я никогда не чувствовал в себе призвания к подгорному делу. Мой старший брат — рудознатец, способный сквозь толщу породы почувствовать жилу. Второй — огранщик, каких мало. Со всей Империи к нему везут камни, душу которых он видит. Третий — чеканщик. Еще есть оружейник. Его клинки получают собственные имена. И от меня ждали, что я не опозорю свой род. С малых лет за мной наблюдали, пытались понять, чем одарили меня предки. Но к камням я был равнодушен. Не влекли меня и голоса гор. Не стремился я познать красоту металлов, глух был к их голосам. Даже когда я делал что-то по рецепту, вымеряя с немалой тщательностью каждый ингредиент, у меня ничего не получалось... я портил все, к чему прикасался.

Я проглотила крохотный профитроль.

Лимонад был в меру сладок. Пирожное — превосходно. Журчал фонтан. Цветы цвели. Щебетали канарейки. Благодать.

— От меня отказались семеро учителей. Их наняли, когда стало понятно, что Предки оставили меня без даров... отец принес им в жертву другу хризолита. Он просил, чтобы из меня получился хотя бы мастер. Не великий. Не известный. Обыкновенный. В семейных мастерских нашлось

бы место... но...

— Не вышло?

Грен вновь вздохнул.

— Сначала я старался. Не хотелось разочаровывать родителей... да и остальных. Все им сочувствовали. Но за что бы я ни брался... камни раскалывались у меня в руках. Жилы уходили... чеканка... я едва не остался без пальцев. Печь взорвалась. Молоты ломались. И последний мой учитель сказал, что Предки избрали для меня иную судьбу, что если я и дальше буду пытаться постичь подгорное мастерство, то погибну. С Предками не шутят.

Он вытащил из бороды бантик.

— В горах есть место и для иных мастеров... вот стеклодувы. Или гончары. Портные... шорники... выбирай.

— И ты выбрал?

— Шить у меня всегда получалось. Сначала штопал... стежки ложились ровней, чем у матушки. Это сочли добрым знаком...

...а заодно, как пить дать, вспомнили, что родился он под женской руной. Вздохнули. Смирились. Но не простили утраченных надежд, пусть Грен и не виноват.

Знаю.

Сама такая.

От меня не ждали того, что я стану гениальным мастером и принесу всемирную славу семье, но... мои родители были учеными. А я... в школе перебивалась с четверки на тройку. Я учила. Честно учила. И очень старалась стать лучше, но всякий раз почему-то выходило, что в самый ответственный момент выученное испарялось из моей головы, а вроде бы понятые, растолкованные отцом принципы решения задач вновь делались непонятными...

К седьмому классу родители окончательно утратили надежду создать из меня что-то путное.

— Я впервые ощутил истинный интерес к тому, что я делаю. Вот только, — Грен сгорбился. — Там... там ценят практичные вещи. Простые. Ноские. Прочные. Немаркие. А я... мне было душно в этом. Да, я мог сшить куртку, которая бы села идеально... или вот платье... мои сестры приходили ко мне, хотя в Брхвешвилле хватало портных. Но я лучше понимал их желания. А рубашки, рабочие камзолы... это все тоскливо. Потом я научился укладывать волосы... красить...

— И твои родные это не одобрили?

Грен кивнул и понурился.

— Богам пердь, а людям твердь. У нас имелись мастера. Для женщин. Даже не для женщин, для девушек, которые вошли в возраст невест... у женщин дом и хозяйство, а многие и помогают, что мужьям, что братьям. Мои сестры были неплохими огранщицами. А Трудельхайди бухгалтерией занималась... и вот я... со своими... Труди замуж собралась. И журнал выписала. Модный. Чтобы платье выбрать... а я как прочел, то понял, кем хочу стать. Мастером красоты...

Журчит вода, переползает из чаши в чашу. Ручейки тонки.

Канарейки наконец замолчали.

— Родные не обрадовались?

— Мягко говоря. — Грен огляделся. — У нас есть мастера, которые... скажем, создают фрески. Или скульптуры. Или... это считается красивым. И если бы я возжелал учиться у кого-нибудь из них... или вот скальдары. Владетели слов... но я и двух строк связать не способен.

Он стащил бантик с бороды.

— А это все несерьезно. Мне так сказали. Я же был юн и наивен. Полагал, что сумею им всем доказать. Я сшил платье для Труды. Я сделал ей прическу. И лицо сделал, хотя у нас мало используют... — он провел пальцами по векам. — Во всем Подгорном царстве не было невесты прелестней. И думаешь, это кто-то оценил?

— Думаю, что нет.

— Вот! — Он поднял палец с розовым круглым ногтем, в который вплавлена была половинка жемчужины. — Они решили, что Труды просто сама красивая. Платье да, понравилось. И ко мне стали идти, просить, чтобы я сшил еще одно... или два... или дюжину, но только таких, как у Труды. Они не понимали, что каждая из них особенная, что наряд, который идет одной женщине, на другой будет смотреться нелепо. И когда я отказывался их уродовать, уходили. Действительно, что может понимать подгорец в женской красоте? Родители были недовольны. По их мнению, я блажил и вообще... в мои-то годы пора приносить доход семье, а не сидеть у нее на шее.

— Сочувствую.

Я и вправду сочувствовала. И еще немного завидовала. Он ведь нашел именно то, чем хотел бы заниматься. А еще у него хватило смелости отстоять свое право на любимую работу.

Я же... единственный мой бунт — в одиннадцатом классе мне захотелось пойти в певицы — был подавлен быстро и беспощадно. Бабушка, естественно, моего блага ради, раскритиковала мое выступление на выпускном вечере.

Какая из меня певица?

Никакая.

И я поверила. Хотя... чего душой кривить? Не было у меня ни бессонных ночей, ни залитых слезами подушек, я, конечно, переживала, но... вяло?

Не пустили, и ладно.

— Тогда я решил, что если дома меня не ценят, то оценят на поверхности, — тот же палец ткнулся в небо. — Я надеялся, что люди не будут столь узколобы, как мои сородичи... в конце концов, у них же, в отличие от нас, есть понятие моды...

— А у вас нет?

Грен хмыкнул.

— У нас это ограничивается цветом лент, которых у каждой уважающей себя мастерицы есть полновесная дюжина. И одним летом все носят зеленые. А другим — синие. И не важно, что платья шьют по тем же лекалам, которыми пользовалась еще моя прапрабабка. И что лекала эти элементарны. Спинка. Полочки. И рукава. Что еще нужно платью? Кокетки? Вытачки? Помилуйте, к чему это баловство... а уж складки и драпировки и вовсе лишний расход ткани. И ткань желательна немаркую брать, чтоб в мастерской не припылилась. Шелк? Дымка? Атлас... ладно, для праздничного убранства еще можно. Только это праздничное шьется один раз в лет двадцать...

...да уж, представляю. Художнику от моды в таких условиях не развернуться.

— Я взял из семейной казны свою долю. То, что от нее осталось. И ушел. Я добрался до Каерни... и открыл свою модную лавку, но...

Он замолчал и раздраженно дернул себя за бороду.

— Прогорел?

— Да, — признался Грен, сутулясь еще больше. — Бежал от дыма, да упал в огонь. Никто не хотел идти к подгорцу. То ли дело альвины... они хрупкие и тонко чувствуют. А подгорцы? Что они понимают в красоте?!

Я погладила друга по руке. Его отчаяние было понятно.

И беззубо.

— Чем я могу помочь?

— Да ничем. — Грен шмыгнул носом. — Одно время я варил зелья... знаешь, если раньше у меня не получался элементарнейший раствор для протравки, то теперь я с легкостью создавал сложнейшие эссенции... но опять же, кто я? У меня не было грамоты алхимика. И разрешения. И... пришлось покидать город быстро... благо Тихон помог... да... он меня

понял. Сам такой. Думаешь, многие альвины возятся с механикой?

Не думаю.

Я уже поняла, что компания, в которую мне получилось попасть, весьма странна даже по местным меркам. Что ж, я всегда уважала чужие странности.

— Так и пошло. Я делаю вид, что механик... он накладывает альвинийскую печать на мои зелья.

— Это то, что мы...

Грен потянул себя за бороду и, покраснев густо, признался:

— Да... не думай, там не было чего-то... запрещенного. То есть по-настоящему запрещенного.

— Ага. — Я долила лимонада и перевела взгляд на плетеную клетку с канарейками. — Только слегка запрещенное... давай уже, договаривай.

Неспроста из всех заведений мы выбрали именно эту кофейню. Или это не совсем чтобы кофейня? Главное, Грен привел меня сюда целенаправленно. И теперь мы с ним кого-то ждем, кого-то из его прошлого, иначе он бы рта не раскрыл.

— Видишь ли... — Он провел пальцем по накрахмаленной льняной скатерти, вырисовывая на ней новый узор. — Ваши маги... в них дело... если я желаю продать некоторые... скажем так, редкие ингредиенты, вроде слез единорога или волос его... или лепестков ночной красавицы... надкрыльев каменной бронзовки... не надо смотреть на меня с упреком, бронзовки частенько линяют. И в шахтах их водится огромное количество. Там из этих надкрыльев мальчишки бусики делают... наши бы продавали, конечно, но Ковен предлагает сущие гроши. Мол, это ерунда... и верят же, что ерунда. А ведь если каплю добавить в мыло и еще толику магии, это мыло избавит от прыщей. Что ты улыбаешься?

— Значит, ты подпольно проносил мыло от прыщей?

— Ингредиенты... и не только мыло. Мазь от пигментных пятен. Знаешь, и благородные лайры не избавлены от старения. Или вот белую воду. Она настаивается на панцирях зеленых раков... ну, ты еще их сварить хотела.

Раков я помнила.

Огромную фарфоровую посудину, не то таз, не то супницу, рассчитанную на человек сорок-пятьдесят, главное, что заросшую изнутри зеленым пухом водорослей. А в этом пуху обреталась троица здоровенных, с мое предплечье, раков.

Я когда впервые увидела это безобразие, не завизжала исключительно потому, что от ярости потеряла дар речи. Фарфор-то качественный, а они

его на раков изводят. И главное, эти самые раки на меня глазищи выпучили, жабры выпустили...

— Та водица, если разбавить и смешать с белой глиной, а потом на лицо наложить, от морщин избавит... или...

— Я поняла.

Что-то вот меньше всего хотелось мне слушать о чудодейственных свойствах застоявшейся воды. Раки и вправду были волшебными, не иначе потому как обыкновенные в столь нечеловеческих условиях не выжили бы.

— Вот... и все это сдавать за медяшку Ковену? Нет... жить нам за что-то да надо...

Он опять вздохнул и ладонью пригладил растрепанную бороду.

— Говори уже...

— Это ресторация моей четвероюродной сестрицы, которая вышла замуж за человека. Семья ее очень не одобряла. Но потом он открыл три ресторации. И даже заплатил полновесный откуп за невесту...

— Приняли?

— Более или менее... наши сюда часто заходят. Подгорцам скидка пятипроцентная положена. А по четвергам — и все десять. Вот... но главное, что она меня знает... и послала, тут думать нечего, весточку Герменгхольдеру... это мой старший брат.

— Который чеканщик?

— Огранщик, — Грен облизал пальцы и с печалью уставился на опустевшее блюдо. — Я долго думал... к людям нам нельзя. Люди ненадежны. Даже если показать самые плохонькие из камней, пойдут слухи... пусть не от ювелиров, но всегда найдется кто-то излишне любопытный. Да и цену нормальную не дадут. Еще объявят все ценностью короны и конфискуют...

Он постучал ноготком по столу.

— Поэтому я и пришел сюда. Нам Гермен нужен, но вот... понимаешь, со мной о деле он разговаривать не станет.

— И поэтому ты привел меня?

Грен кивнул.

— Видишь ли... я отступник. Меня изгнали из рода...

— За то, что ты... — Я подняла красный бантик.

— А? Нет, не за это...

— За контрабанду?

Грен покачал головой.

— Искусство тайной торговли всегда было уважаемо в Подгорном мире, — степенно сказал он.

— Тогда за что?

— За то, что он, обалдуй, нарушил слово рода, чем опозорил и мать, и отца, и нас всех, — произнес нехарактерно щуплый и высокий подгорец. Он был кучеряв, синеглаз, а бороду заплетал в тонкую косицу, перехваченную пятью медными колечками. В каждом сиял камушек. — Ну здравствуй, бестолочь. Что привело тебя в сей славный город? Снова помощь нужна?

— В какой-то мере, — сказала я за Грена, который понурился и густо покраснел.

— И не стыдно тебе?

Гермен переставил плетеный стульчик и сел, закинул ногу за ногу, руки положил на узкие подлокотники.

— Мало того что родителей опозорил на весь Подгорный мир, так еще и бедную женщину...

Грен заерзал, но ответил:

— Она не бедная, она очень богатая женщина!

— Бедную богатую женщину, — охотно поправился Гермен. — Теперь над ней смеются, а сам понимаешь, сколь чувствительна у Ирмененхольд душа...

— Семейное дело страдает?

— Рад, что ты это понимаешь. — Гермен окинул меня насмешливым взглядом. — И, конечно, твоя спутница невыразимо прекрасна...

...ох, боюсь, это был не комплимент.

— ...но кто она такая? Что ты ей обещал?

— Ничего, — ответила я за Гермена, который разом перестал мне нравиться. — Точнее, обещал, что вы — лучший огранщик по эту сторону гор.

— Только по эту? Многоуважаемая лайра, я лучший огранщик по обе стороны гор...

Вот это самомнение! И главное, он ведь всерьез верит в эту чушь.

Лучший огранщик.

— Я, право слово, понадеялся, что время и жизнь научили этого обалдуя. — Он дотянулся и отвесил Грену легкую затрещину, такую, символическую, но заставившую младшего брата втянуть голову в плечи. — Если уж осмелился он явиться к родичам... а теперь вижу, что ошибался. Так, Грен?

Тот кивнул.

— Жаль... матушка болеет... вот с того самого дня и болеет. Отец поседел... почти не ходит в мастерские. Труды плачет...

— Прекратите!

Я не самый смелый человек, да и всегда избегала совать нос в чужие семейные дела, но вот что-то сомневаюсь, что на самом деле все так печально.

— Милая лайра, вы не могли бы не вмешиваться, когда вас не просят. — Гермен сцепил пальцы.

А ведь глаза у него холодные.

Как камни.

— Вот, — я вытащила бархатный мешочек. — Грен сказал, что вы способны оценить это.

Приподнятая бровь.

И шелковый шнур соскальзывает.

Гермен смахнул со стола невидимые крошки. Вытащил белоснежную тряпицу с наметанными наспех краями. Лупу. И гнутую трубку со светляком на конце. Он словно разом забыл и про брата своего, и про меня. Движения его стали скупы.

Бархатный мешок замер на ладони, а Гермен прикрыл глаза, точно прислушиваясь к тому, что находилось внутри. Вот резкий поворот.

И камни сыплются на тряпицу.

Ловкие пальцы не позволяют им разлететься за пределы белого полотна. Более того, Гермен успевал разбирать их.

Розовые к розовым.

Бесцветные.

И голубые.

Темно-лиловый он задержал в пальцах, покрутил, наклонился...

— И где ты это взял? — голос сухой, тон раздраженный.

— Какая разница? — спросила я, сжимая руку Грена. Да уж, если все остальные такие же, то от подобной родни и сбежать не грех.

— Позвольте кое-что объяснить вам, благородная лайра, — это Гермен произнес, не скрывая презрения. — Вот это...

Мизинчик накрыл крупцу алмаза.

— ...ар-маррский черный алмаз. А копи Ар-Марры иссякли еще до Восстания, и большая часть камней, которые удалось добыть, утрачены. Те же, которые остались, давно известны и внесены в список, во всяком случае такие вот крупные.

Он погладил камень.

— Огранка любопытная... подвеска? Или серьги? Для подвески все же мелковат. А вот серьги... и значит, должна быть пара.

— Я же говорил, что он лучший. — Грен выложил на стол второй

мешочек. — Пара.

И не только. Он прихватил с собой полдюжины сапфиров и рубин размером с перепелиное яйцо. Впрочем, к нему Гермен отнесся равнодушно, похоже, рубины в нынешнем мире редкостью не были.

— Еще есть? — хмуро спросил Гермен, подвигая черные алмазы друг к другу.

Мы с Греном кивнули.

— Откуда? И, лайра, помолчите... не знаю, во что вы втянули моего бестолкового брата, но знаю, что такие камни на дороге не валяются... где вы их взяли?

— Друг подарил.

Я все же ответила за Грена.

— Любопытные у вас друзья... а он где взял?

— Родители дали.

— Даже так. — Гермен вперился в меня взглядом, но если рассчитывал смутить, то не вышло. — И самое любопытное, вы не лжете... однако подозреваю, что и всей правды не говорите. Что ж, дело ваше... камни добыты законным путем?

И вот тут я задумалась.

Конечно, Альер разрешил их взять, но это сторона практическая. А вот что касается юридической? Имеет ли право дух распоряжаться имуществом, врученным ему после смерти?

Безумие?

— Значит, не уверены, — Гермен смел камни в мешок.

— Законно, — ответил за меня Грен. — И если тебе так уж интересно, откуда они... из императорской гробницы.

— Что?!

Гермен вскочил.

И сел.

Вытащил из кармана серой куртки своей некий моток нитей, который на стол швырнул.

— Ты соображаешь, что говоришь? — зашипел он.

— То, что ты хочешь услышать. — Грен стянул последний бантик из бороды. — Гробница старая... еще той династии, ну ты понимаешь... они... Оливия и Ричард...

— Кто это?

— Наш некромант...

— Еще и некромант. — Гермен сплюнул. — Предки милосердные, с кем ты связался?

Я вздохнула и перевела взгляд на канареек. Хорошо им. Тихо. Спокойно. Сытно. Сидят себе и поют, радуют слух посетителей. А что клетки, так это мелочь, к которой со временем привыкаешь.

Я ведь привыкла.

И сама была, что эта канарейка.

— Вы ограбили...

— Мы не ограбили, — перебила я Гермена. — Мы взяли то, что нам разрешено было взять...

— Кем разрешено?

Ох, каким взглядом меня одарили. Сгореть бы мне заживо. Пли вовсе исчезнуть, но я осталась. И мешочек аккуратно завязала. Думаю, в городе найдутся и другие ювелиры, не столь щепетильные.

— Хозяином гробницы. — Я одарила Гермена очаровательнейшей улыбкой, той самой, которую часами тренировала для Макса и прочих деловых партнеров. — И если уж вас волнует право... пусть это будет право крови...

Грен кашлянул.

А в глазах Гермена появилось что-то такое... жуткое.

Появилось и исчезло.

— Раз так... — Складывалось ощущение, что каждое слово давалось ему с немалым трудом. — Тогда, полагаю, можно считать, что благородная лайра приняла наследство...

И улыбка такая, кривоватая.

Молчу.

Вот шкурой чувствую, что соглашаться с этим утверждением не стоит. А отказаться...

— Тебе камни нужны или как? — Грен пнул меня под столом, и я очнулась. — Если нет, мы найдем кого другого...

— Кого? — хмыкнул Гермен. — С изгнанником никто из наших и говорить не станет.

— Может, не станет... а может, за пару-тройку черных алмазов и пересмотрит свои взгляды... а если не пара-тройка, но дюжина-другая? И не только черных? И не только алмазов... Оливия, покажи ему колечко...

Скромное с виду колечко Грен всучил мне перед выходом. И отказываться я не стала. Колечко хоть и казалось простым, но лишь на первый взгляд. Сплетенное из тончайшей проволоки, украшенное россыпью мелких камней, оно причудливым образом преломляло солнечный свет, вспыхивая то розовым, то небесно-голубым, а то и вовсе алым ярким светом.

Я вытянула руку.

И Гермен, собравшийся было уйти — или, подозреваю, делавший вид, что уходит, — замер.

— Откуда... это же...

— Клейма нет, но, думаю, не ошибусь, если скажу, что это работа Ургхольда Звездочета... — Грен погладил мою ладонь. — За него мне простят многое...

— Проклятье. — Гермен сел. — Удивил, младшенький, ничего не скажешь... удивил... полагаю, не только оно у тебя имеется?

Грен кивнул.

— Что ж, это меняет дело... в какой-то степени... двадцать тысяч за камни...

— Смеешься? Да они стоят не меньше сотни!

— Это если ты докажешь, что имеешь на них право... бумаг у тебя ведь нет?

— Когда это в Подгорном мире спрашивали бумаги?

Гермен пожал плечами.

— Тридцать.

— Девяносто пять...

Они торговались самозабвенно, а я... я смотрела на колечко, пытаюсь понять, что же принесет мне это неожиданное наследие далеких предков. Ох, мнится, не только и не столько золото...

— И все же, — Гермен спрятал бархатный мешочек во внутренний карман куртки. — Заглянул бы ты домой... проведаль матушку, отца... Труди была бы рада. Она только и плачется, что платья приличного никто сшить не способен... да...

— Я же изгнанник...

— Поднесешь Ирме колечко с камушком побольше... или работы правильной, она простит. А если и нет, простят старейшины... только с Ирмой договориться дешевле будет. Но все одно приезжай... и подружку свою возьми... ей у нас понравится.

Ох, что-то сомневаюсь я...

Глава 28

НЕКРОМАНТ И ЦЕЛИТЕЛЬ

Здание городской Управы Ричард покидал в крайне смятенном состоянии духа. Нет, он знал, что ему здесь не будут рады, но вот...

...час в приемной, которая была вызывающе пуста, но уважаемый лойр Скарбо был слишком занят, чтобы принять посетителя.

А когда до него все же снизошли, то...

...роскошный кабинет.

И кресло, обитое красной кожей. Золотые шляпки гвоздей складывались вензелем, напоминая, что лойр Скарбо происходит из древнего и весьма уважаемого рода. Гобелены.

Ковры.

Шкаф массивный, на полках которого выстроилась небольшая коллекция стеклянных монстров. И сам хозяин кабинета. Он был по-прежнему узколиц, сухопар и задумчив. А маска презрения ко всему и вся намертво приросла к костлявому его лицу.

— Значит, вы утверждаете... — Голос его был скрипуч, чем, кажется, раздражал самого хозяина. А может, не голос, но Ричард, посмевающий тратить время лойра на всякие пустяки. — Что эти, с позволения сказать, артефакты провоцируют возникновение волны?

Монету он держал двумя пальцами.

Правда, удосужился надеть перчатку-артефактор.

...четыре сотни золотых монет. Шкура каменной виверны. Белое и красное золото. Платина. Четыре алмаза ведущими узлами.

...сканирует.

...защищает.

...при минимальном умении позволяет работать с тонкими потоками.

— И каким, позвольте узнать, образом? — Он достал из верхнего ящика лупу.

...горный хрусталь в оправе кости дракона. Вязь рун... вещица старая, если не сказать — древняя. А судя по знакомому уже вензелю на рукояти, родом из семейной сокровищницы. Ну да... кость дракона... горный хрусталь добыть не проблема, а вот драконы повывелись.

— Не знаю, — вынужден был сказать Ричард.

— Не знаете. — Лойр Скарбо отложил лупу.

И монету.

Снял перчатку.

— Молодой человек, — голос его стал еще более скрипуч, нежели прежде. И ноты в нем проскальзывали усталые. — Эта вещь, безусловно, несет на себе остаточные следы эманаций...

...остаточные? Да Ричард без перчатки и лупы видит заклинание. Пусть не полностью, оно слишком многослойно, ко всему сжато, но ведь существует.

Не фантазией его рождено.

— И да, заклинание я вижу... элементарнейшие узлы. Скорее всего, обыкновенное проклятие... вы ведь из гробницы чьей-то его вытащили?

Ричард кивнул.

— Вот... проклятие. Охранка. Вам повезло, что заложенная в него энергия иссякла. Заклятие инактивировалось. — Старик стянул перчатку и убрал в стол лупу. — Я надеюсь, что вы разжились не только монетой...

Он пальцем подтолкнул ее к Ричарду.

— Точнее, почти уверен, что не только. В противном случае молодой фон дель Виррен не провел бы в нашем захолустье незабываемые пять дней.

Уголок рта лойра Скарбо дернулся.

— Но подозреваю, что с ним вы договориться не сумели. Мне донесли, что ресторацию он покидал в крайне возбужденном состоянии... будьте осторожны. За большими деньгами идут большие неприятности...

— С чего вы...

— Можете не говорить, — старик поднял обе руки. — Это исключительно ваше дело... напоминаю лишь, чтобы вы не забывали оплатить оговоренный процент в Гильдию...

— Не забуду, — буркнул Ричард. — Спасибо.

— Погодите. Посидите вон там, — лойр Скарбо указал на деревянный стул, с виду неудобный, впрочем, никто не обещал просителям удобств. — Минутку... я сейчас...

Он вытащил из верхнего ящика стола стопку листов.

Подвинул чернильницу.

Долго и мучительно выбирал перья...

— Интересный старик... — заметил Альер шепотом. — И силен... но ограничен, как и остальные... а то, что про защитные заклęcia говорит, это вообще смешно...

— Почему?

— Что? — Лойр Скарбо оторвался от бумаги, которую писал. — Вы

что-то сказали?

— Простите, думал вслух...

— Дурная привычка, молодой человек... местами даже опасная, — и он вернулся к бумаге. Прикусил перо.

— Потому, — Альтер отозвался охотно, — что, во-первых, все охранные заклинания ставятся в режиме сна. И в этом режиме могут пребывать сотни лет. Активирует их прикосновение. А исполнив задачу, заклинание вновь сворачивается. А потраченную энергию восстанавливают из пространства...

— Какого...

Ричард пригнулся.

Подзатыльник, отвешенный призраком, был вполне реален.

— Я не призрак. Я дух. Сколько можно повторять. А духи способны к частичной материализации... что до вопроса, сам подумай. А то я смотрю, головой ты пользуешься, чтобы в нее есть...

Ричард заскрипел зубами.

Вот же пакость... а задачка... а ведь и вправду... магия Империи в чистом виде некромантия... разве что целительская... хотя... про ту магию мало что известно. Ладно, но охранки будут точно от некротики питаться, а значит... надо лишь обеспечить каналы поглощения, и все. Некротики же на кладбищах...

— Вот видишь, можешь же, когда захочешь! — похвалил Альтер. — Говорю же, все элементарно, а вы тут наворачиваете...

— Возьмите, молодой человек. — Лойр Скарбо закончил писать и, сыпанув на бумагу мелким речным песком, встряхнул лист. — Думаю, пригодится.

— Что это?

Ричард пробежался по строкам...

...физическое здоровье... и ведь верно перечислил все, старый упырь... даже перелом лопатки, полученный в четыре года через падение с крыши. После этого перелома соседские яблоки изрядно утратили вкуса.

И дурная болезнь, подхваченная в столице после одного знакомства, показавшегося сначала весьма приятным, здесь же.

...энергетические потоки... надо же, а он и не знал, что имеет склонность к водной стихии... и слабенький потенциал огневика...

...психическое здоровье...

...и недавняя встреча с гончей... и морочник, который два года тому почти добрался до Ричарда. Хитрая тварюка неделю кругами водила, разговоры разговаривала, почти убедила, что Ричард умер и в загробной

жизни оказался...

— В общем и целом вы здоровы, куда более здоровы, чем большинство людей, хотя от себя исключительно я рекомендовал бы покой. — Лойр Скарбо сложил перья в специальный ящичек, заткнул узкое горло чернильницы пробкой. — Но вы же не слушаетесь...

— Откуда вы...

Он вытер пальцы белоснежным платком.

— Если вас волнует правомочность данного документа, то у меня имеется звание Мастера-целителя...

...он и мастер-целитель?

Целый мастер?

Глава Гильдии некромантов?

— Видите ли, юноша. — Лойр Скарбо разгладил платочек, чтобы сложить уголок к уголку. — Мой дар целителя куда более выражен, нежели склонность к темным материям.

— Тогда...

— Помилуйте, разве может представитель столь древнего и славного рода, — лойр Скарбо коснулся монограммы, которая украшала и серебряную гору чернильницы, — быть каким-то целителем? Нет, мой отец знал, кем я должен стать. И приложил все усилия, чтобы я избрал правильную стезю...

Лойр Скарбо поднялся.

— Я должен был стать некромантом. И я стал им. А целительство — это так, для души... в свободное от работы время... слуг там излечить... от мигрени кого избавить... но поверьте, звание мое реально и подпись действительна.

— Скажи ему, что он идиот.

— Нет...

— Что? — Лойр Скарбо подошел к полочке с фигурками. — Мне и прежде говорили, что я должен следовать зову сердца... души... но как быть с честью рода? Вам эти материи непонятны в силу происхождения, однако...

— Надеюсь, мое происхождение, — Альтер материализовался, причем, поганец, прямо в кресле Главы Гильдии. Сел поперек, опираясь на один подлокотник, а ноги через другой перебросил, — вас устроит, достопочтимый лойр...

К чести Скарбо, появление духа его... не удивило?

— А вот и остаточные эманации, — сказал он с глубочайшим удовлетворением. — А я все не мог понять, откуда эти наведенные потоки.

С трудом разобрался, что ваше, а что... этого молодого человека. Дух воплощенный, полагаю?

— Приятно встретить кого-то, кто не обзывает тебя призраком, — Альер наклонил голову, приветствуя Главу Гильдии.

— Ну что вы, как можно... призраки — это всего-навсего... впрочем, вы, полагаю, и сами в курсе.

Ричард давно уже не чувствовал себя настолько... глупо?

— И как давно вы... прошу простить мне мою неучтивость, но сами понимаете, воплощенные духи в наши времена встречаются куда реже, чем люди, о них знающие. — Лойр Скарбо коснулся сложенными щепотью пальцами лба.

И Альер ответил ему тем же.

Это что, приветствие?

— ...знак ордена мыслящих, — донеслось эхом. — Не думал, что он сохранился.

— Неужели...

— Увы, мой прадед был последним Магистром. Он поведал мне о многом, но и только... нынешний мир, если вы успели заметить, не располагает к... созиданию. — Лойр Скарбо провел большими пальцами по щекам. — Мыслящие, молодой человек, основной своей задачей полагали познание.

— Чего?

Ощущение, что он все-таки дурак, усилилось, когда Глава Гильдии вздохнул.

— Всего, Ричард. Всего сущего. Природы во всем ее многообразии... магии... взять хотя бы целительство. Полагаете, что любой целитель способен вот так прочесть ваше тело?

Ричард покачал головой: с целителями он встречался, и с мальчишками, которые окончили какое-нибудь городское училище, чтобы приступить к нехитрой практике на выселках, и с солидными столичными, за лоском которых проглядывалась некоторая нервозность, и с темными самоучками, что пользовали дно столичное. И попадались среди целителей хорошие, и средние, и вовсе бездари, причем независимо от того, имелся у них за плечами диплом Академии. Но ни один из них... они расспрашивали Ричарда о прошлых болезнях, а вот взять и увидеть...

— Это наследие деда, точнее — его коллег, которые... скажем так, пострадали за излишнюю свою любознательность. — Лойр Скарбо подошел к креслу. — Позвольте? Спина ноет... сапожник останется без сапог, а целитель себя не излечит. По молодости лет все пытался доказать,

что я достоин родового перстня, полез к выхарю в логово, он меня слегка и помял... очень, знаете ли, способствует пересмотру интересов... тогда я всерьез и занялся целительством. Конечно, не могло быть и речи об учебе, но нанять учителей... на это семейного состояния хватило. Потом сдать экзамен...

Он не один экзамен сдавал, помнится, у целителей пять ступеней. И Мастер — четвертая.

— Работу вот защитил по методам тонкой диагностики. Еще кости неплохо сращиваю. — Он уселся в кресло, которое Альер уступил без возражений. — И да, я понимаю, что вы хотите сказать... один приличный целитель принесет роду и человечеству куда больше пользы, чем один посредственный некромант.

— Но вы...

Лойр Скарбо отмахнулся от Ричарда.

— Я знаю свои возможности. И что место это — почетная ссылка для того, кто слишком слаб и никчем, чтобы оставить его в столице, однако при этом достаточно родовит, чтобы рассчитывать на хороший кусок... поэтому не нужно вашего сочувствия.

Вот уж сочувствовать Ричард точно не собирался. Да и чему? Лойр Скарбо состоятелен.

Родовит.

И при месте, которое дает какую-никакую, но власть.

А еще жалуется.

— Он не понимает, — обратился Глава Гильдии к Альеру. И тот развел руками:

— Слишком молод. Думаю, со временем... но если вы понимаете, что это не ваш путь, почему им следуете?

— Не знаю. Говоря по правде, сам задумывался, и не раз... было желание все бросить, но... кем я буду? Целителем? Допустим... у меня хватит денег, чтобы прикупить практику... даже в столице, если уж на то пошло. Но вот... остаток жизни лечить чирьи и мигрени? Слушать жалобы на пропавшую потенцию? Или на печень, которая отказывает, потому как хозяин ее слишком много жрет?

Альер присел на край стола, и серебряная гора чернильницы не стала помехой.

— Тогда не покупайте практику в столице. Что вы там потеряли? Отправляйтесь... скажем, на Побережье. Там воздух хороший, мне говорили... не испортился, надеюсь? А где море — там корабли и корабельщики. Верфи, где всякое случается... и чужаки. Из того же

Халифата... еще есть?

— Есть, проклятый, — отозвался лойр Скарбо.

— Так вот, частенько оттуда заразу привозят... или вот пустоши... болота... там, где нежить... тоже раздолье для целителя. А если он и некромант, то и вовсе...

...целитель-некромант.

Бред же.

Безумие даже... скажи кто...

— Я подумаю. — Лойр Скарбо вновь коснулся лба. — Благодарю вас, Сиятельный, что уделили мне время...

— Вот, Ричард, — дух вновь отвесил затрещину, — учись, как вежливые люди с Императорами разговаривают...

— Выкину, — пообещал Ричард сквозь зубы. — И если у тебя все, то нам пора... Лойр Скарбо, благодарю вас за помощь, но... нам действительно пора и...

Лойр Скарбо кивнул, а потом поманил Ричарда пальцем. И сняв с мизинца простенький перстенок, протянул его.

— Вот... ваша теория, молодой человек, достаточно безумна, чтобы оказаться правдой. Официально вы объявлены... нестабильным. Не пугайтесь, чтобы признать вас таковым, понадобится комиссия, а Фитцгольд побоится ее созывать. Пусть он и подложил жену своего сыночка под Императора, но подобная власть любви окружающих не добавляет...

Перстень пришелся впору. Холодный металл и... заклятье?

— Оно не повредит. Маленькая семейная тайна, скажем так. Если вдруг в столице понадобится помощь, обратитесь к Вильгельму фон Оритцу. Не буду врать, что мой племянник проникнется идеей спасения мира, слишком скучен и трезвомыслящ, но просьбу, если она будет в рамках разумного, исполнит.

— Благодарю...

— Не за что, молодой человек... не за что. — Лойр Скарбо откинулся в кресле и потер виски. — А Ульриха опасайтесь... редкостный, уж простите за прямоту, говнюк.

С этим нельзя было не согласиться...

Глава 29

НЕКРОМАНТ И УБИЙЦА

И все-таки он едва не попался.

Ричард ждал пакостей, но вот чтобы настолько нагло...

Его ждали в переулке. Обычном таком городском переулке, достаточно тесном и глухом, чтобы устроить засаду. Слепые дома, вплотную подходившие друг к другу, расступались, образуя каменный пяточок двора. Здесь уместились пара старых лип, лавочка и кривоватая колонна колодца. На журавлиной лапе повисло древнее ведро, которое не разваливалось разве что чудом.

У колодца Ричард и остановился.

К колодцу он и шел. Вода в нем была холодной до ломоты в зубах, а еще удивительно сладкой. Да и думалось на лавочке легко.

А подумать было о чем...

Отступиться?

В конце концов, он, Ричард, не подряжался мир спасать. Он обычный человек, пусть и с даром, но ему что, больше всех надо?

Это ведь просто.

Забыть о волнах. О своей теории, которая, положив руку на сердце, выглядела довольно-таки безумной. Найти несуществующий источник волн... спасти мир... несбыточная мечта честолюбивого засранца. Мир существовал задолго до Ричарда и никуда не денется после. А у него жизнь одна. И стоит ли ее тратить на погоню за белым драконом? Проще продать пару-тройку алмазов... прикупить домик. Осесть. Женой обзавестись. Не лайрой, нет... никакой изысканной худобы. Матушка обрадуется и подберет десяток-другой невест, чтобы уж точно выбор был. Он и выберет. Чтобы симпатичная и готовила хорошо...

...просто готовила. Без всяких там индеек терразини с зеленым горошком. Или этого, суфле из рыбы. Кто в здравом уме делает суфле из рыбы?

— Страдаешь? — поинтересовался Альер, воплощаясь в образе мальчишки. И мальчишка этот уселся рядышком. Он выглядел до отвращения настоящим.

Протяни руку и коснешься что остренького плеча, что волос шелковистых.

— Нет. Просто думаю.

— Собираешься бросить все? Удалиться на покой?

— Вроде того.

— Разумное решение. Но вряд ли получится.

Ведро покачивалось, цепи скрипели. Свет проникал сквозь драные кроны лип, ложился на скамейку, и тощая мальчишечья фигура сияла.

— Это еще почему?

Альер накрыл ладонью солнечное пятно и улыбнулся, когда прозрачная кожа стала еще прозрачней.

— Любопытство. И самолюбие. Тебе хочется доказать свою правоту. Верно? А еще интересно, что именно ты нашел... и конечно, люди... ты ведь думаешь о том, сколько погибнут. Из того, что я успел понять, очень многие.

Альер поднял руку.

— А еще есть один нюанс, который вы не учли.

Ричард потер шею. Напекло.

Надо было идти.

В трактир.

И домой... наверное, ждали... волновались. Хотелось бы, чтобы ждали и волновались... особенно... нет, об этом и думать даже глупо. Хватит с него одной благородной лайры. А эта ко всему же императорской крови.

— Именно. Тебе не ровня, — брюзгливо произнес Альер. — А забыли вы все о Большом цикле.

Ричард с немалым трудом отогнал от себя мысль о будущей жене, небольшой, хрупкой и темноволосой, как... нет, не как, но просто сама по себе темноволосой.

Большой цикл.

Две сестры ежедневно встречаются на небе, и старшая ведет младшую.

Астрономия для детей.

Две сестры ежегодно совершают путешествие по небу, и младшая несет зимние стужи, а на призрачных крыльях старшей приходит весна.

...детские сказки. Есть два небесных тела, связанных друг с другом и планетой. Ричарду не единожды приходилось натирать воском учебный муляж системы.

Две сестры иногда ссорятся, и тогда младшая вспыхивает ярко, так ярко, что рубиновый свет ее заслоняет ровное сияние старшей.

...затмение двух солнц, которое случается раз в семь сотен лет...

— Оно близко. — Альер закрыл глаза и откинулся, опираясь на ствол

липы. — Я чувствую, как растет моя сила... не только моя.

Проклятье!

А ведь... он читал хроники. Рубиновый прилив.

— Твою ж... а это... они должны знать!

— Спокойно. — Альер не соизволил глаз открыть. — Уверяю, они знают... просто недооценивают влияние. На этот раз затмение... сам не понимаю, что с ним не так, но будет оно незабываемым.

А потом их попытались убить.

Свистнул арбалетный болт. Взъерошив волосы Ричарда, он увяз в плотной древесине. А следующий — перебил ржавую цепь. И ведро с грохотом ухнуло в колодец, чтобы разлететься о каменный край его.

Ричард упал.

— Надо же, как нехорошо. — Альер отступил в сторону, высвобождаясь от болта, впившегося в грудь. — Детей убивать... даже если они свидетели.

Он встряхнулся и...

— Извини, некромант, но это уже личное... — и дух растворился.

А спустя мгновение с крыши донесся протяжный вопль. Человек вскочил... и покачнувшись, рухнул вниз. Падал он, как показалось, долго... очень долго... Ричард успел зажмуриться.

Влажный хруст.

И стон.

И холод, коснувшийся щеки.

— Надо же. — Альер стоял над упавшим арбалетчиком, разглядывая его с преувеличенным вниманием. — До чего слабонервные убийцы ныне пошли... я его, поверь, пальцем не тронул...

Арбалет валялся здесь же. От удара приклад разломался пополам, короткие болты с посеребренными наконечниками рассыпались. Из-под тела расплзлась красная лужа крови.

Ричард отметил серую одежду. Не новая, но крепкая.

Удобная.

Ботинки военного образца. Левый слетел, а штанина задралась, выставляя старые ножны с парой ножей. Правая рука изогнулась причудливо. Шея... да, парень был мертв.

И довольно молод.

На лице его застыла гримаса ужаса.

— Всего-навсего небольшое ментальное воздействие. — Альер наклонился над телом. — Военный?

Ричард кивнул.

Похоже на то. Странно только, что не парометом воспользовался, а по старинке... или, конечно... паромет хоть и дальнобоем, но шуму издает изрядно. Да и точность его оставляет желать лучшего. Нет, парометы хороши в прямой стычке, а вот чтобы по-тихому и издалека... и арбалет, судя по серебряным пластинам, увитым рунами, не из простых.

Стрелы заговоренные.

Если бы такая задела, и целители не помогли бы, разве что тот, который некромант. Он бы, глядишь, и справился.

— Может, допросим? — Альер тело разглядывал с немалым интересом. — С кем воюете, кстати?

— С колониями...

— Независимости хотят?

— Да, а ты откуда...

— Ну... не знаю ни одной колонии, которая не хотела бы независимости. В мое время вечно сархассы бунтовали. Дескать, у них там рожь, житница Империи... а что до нас они в глиняных мазанках жили — этого не помнили... отделились?

— Да, теперь сархасский Халифат...

— И никакого порядка? — уточнил Альер с чувством глубочайшего удовлетворения.

— Никакого. — Ричард подтвердил сие с чистой совестью. В Халифате постоянно что-то происходило, то мятеж очередного клана, недовольного нынешним халифом, то переворот со сменой династии, то тихая внутрисемейная резня, которую учинял наследник при восшествии на престол.

— Что ж... мы поговорим, если ты не возражаешь.

Альер потер руки.

И положил пятерню на разбитое лицо.

— Восстань, — приказал он, и, к преогромному удивлению Ричарда, мертвец дернулся. Он захрипел, завозился, пытаясь подняться. Но Альер не позволил. — Кто тебя нанял?

— Иди ты...

Надо полагать, парень при жизни был с характером, если и в состоянии возвращенного брыкался. Он закашлялся и почти подавился собственной кровью, но уйти ему Альер не позволил. Он присел и заглянул в мутные глаза.

— Больно? Конечно... видишь ли, тело еще не настолько остыло, чтобы утратить чувствительность... мозг жив, рецепторы тоже... и боль будет продолжаться.

— Не пугай, засранец...

— Совсем распустились. Никакого уважения к Императору. — Альер покачал головой и погрузил призрачные пальцы в лоб мертвеца. — Видишь ли, тебе кажется, что тебе больно, но эта боль ничто... тело несовершенно, в отличие от души. А уж ее можно мучить вечно... или хотя бы очень и очень долго. Что? Надо же мне было как-то развлекаться... Оливии не говори. Не поймет. А ты не хрипи. Ты скажи, что я хочу услышать, и я позволю тебе уйти.

— Ты... п-п...

— Подонок? Не без этого... а ты, можно подумать, лучше... убить невинное дитя!

— Ты не ребенок! — от возмущения мертвец заговорил.

— Ну да, и не невинный, и не дитя, и вообще немножко неживой, но ты-то этого не знал. — Альер пошевелил пальцами, и мертвец зарыдал. — Ты стрелял именно в ребенка... зачем, к слову?

— Заказ... на всех... кто рядом... на него и всех, кто рядом.

— Умница. — Альер вытащил руку. — Видишь, ничего сложного... от кого поступил?

— Н-не представился...

— Не шути. Опиши. Или вновь помочь?

Мертвец засучил ногами, будто собирался уползти, что ему, конечно, позволено не было. И тогда он заговорил.

Бар в Нижнем городе.

Полгода без работы.

Колонии. Война. Ранение... магически нестабилен. Увольнение. И добытое золото ушло сквозь пальцы. Казалось, его много, а оно ушло... и Ванхерд дель Форо, потомственный земледелец, решивший искать иной доли, остался ни с чем.

Точнее, с арбалетом и славой непревзойденного стрелка.

Когда поступил первый заказ, он думал сутки, а потом... какая разница, где убивать, в колониях или дома? Дома у него никогда толком и не было, разве что...

— Не отвлекайся. — Альер прервал словесный поток. — По делу говори.

Он стал одним из лучших.

И жизнь в принципе устраивала. Он работал. Ему платили. И когда благородный лойр в маске швырнул на столик кошель с золотом, Ванхерд и не подумал отказаться. Убрать некроманта? Оно, конечно, маг. И напрямую Ванхерд не рискнул бы, с магами шутки плохи. Но для арбалетного болта,

если болт правильный, все едино кого дырять.

Да и была на счету Ванхерда целая рука магов... правда, колониальных, но какая разница?

— Не повезло. Просто не повезло... не было ветра... я проверил трижды, а ветра не было... трижды проверил.

— Не было, не было, успокойся. — Альтер погладил покойника по спекшимся волосам. — Я был... Что? Тебя бы пристрелили. Обобрали. И куда бы я попал? К какому-нибудь недоумку, у которого ни мозгов, ни амбиций. Да и девочку пришлось бы оставить. А ее оставлять никак нельзя... а ты что смолк? Давай, рассказывай... и не отговаривайся. Маска маской, но что-то ты подметил.

Высокий.

Сухощавый.

Судя по рукам — самый что ни на есть благородный... и состоятельный. Перчатки непростые на нем, из тонкой кожи с рунным узором.

Одежда. Обувь.

Покойник описывал все подробнейшим образом. И следовало признать, глаз у парня был хороший. Узнать заказчика по такому описанию будет несложно, вот только в суд с этим не пойдешь. Во-первых, свидетельство призванного доказательством не считается. Во-вторых... да тот же Ульрих отопрется.

— Кстати... — Покойник с трудом облизал губы. — Он не только меня нанял... еще Щера... а у него в кулаке двойка своих магов. Так что... спешите...

И рассмеялся.

— Иди уже, весельчак. — Альтер вытер призрачную руку призрачным же платком. — Щер... маги... с каких это пор маги подвизаются у уголовников? О времена, о нравы... что застыл? Пошли, пока тебя не прихлопнули. Девочка расстроится...

...как ни странно, но до таверны они добрались без приключений.

Стол.

Белая скатерть.

Груда золотых монет, из которых Грен меланхолично составляет башенки. В каждой — сотня монет. Построит сотню башенок и разрушит, чтобы начать все заново.

Отмытый гуль уткнулся носом в колени и глаза прикрыл, он один был спокоен и счастлив даже.

Тихон на полу устроился.

Ноги скрестил.

Уперся взглядом в шар из горного хрусталя и смотрит, не моргая. В этой позе как-то особенно заметно проступают в фигуре его птичьи черты. Ломанные линии. Хрупкость воздушная. И в то же время веет от нее недобрым.

Ричард руки трет.

Вон, до красноты натер, а никак не успокоится, водит зеленым камнем, а потом стирает. Только Альер спокоен, уселся на столе, мотает ногами и песенку насвистывает. Взгляд мечтательный. И это как раз преподозрительно.

— И что делать будем? — Тишина меня угнетала.

И вообще настроение, несмотря на груды золота и сундуки, набитые алмазами, было ниже некуда.

— Завтра отправим камни на хранение. — Грен упустил монетку, и очередная башня покачнулась, чтобы в следующее мгновение рухнуть, увлекая за собой соседок. — Запечатает. Никто внутрь не полезет. То есть я почти уверен, что не полезет. Все-таки репутация стоит дороже денег...

— Это смотря каких денег. — Альер, как обычно, промолчать не сумел.

— Сдадим и убираемся. — Ричард подул на разодранную докрасна руку. — Все как-то... усложнилась.

И на меня посмотрел, будто бы это я виновата.

Вздохнул.

Взгляд отвел.

— Видишь ли... Грен, скажи, если ошибаюсь... ты зря упоминала право наследства... ту кровь, мягко говоря, недолюбливают.

Подгорец кивнул.

И альвин, хотя еще недавно мне казалось, будто бы он занят исключительно своим хрусталем.

— Твой брат не станет молчать... а у старших рас память долгая. Найдутся те, кто решит, что рисковать возвращением той династии не стоит.

— Но я...

— Капли хватит, Оливия. — Альер поднял ноги и пальцами пошевелил. — Твоя кровь, конечно, разбавлена, но Стражи ее признали. А значит, есть неплохой такой шанс, что признают и Регалии. А это уже совсем иное... да... кстати, думаю, кроме тех, кто захочет тебя убрать, отыщутся и те, кто решит, что тебя можно использовать.

— Как?

Я потрогала колечко, сплетенное из нитей и камней. Больше оно мне не казалось красивым.

— Обыкновенно. Если ты имеешь право на трон, то и твой ребенок его получит. А это уже перспективы... интересные, я бы сказал, перспективы.

Для кого интересные?

Уж точно не для меня. Хватит. Я была игрушкой. И мне не понравилось.

— С другой стороны, не следует недооценивать обиду твоего, Ричард, друга. — Альер воткнул в столешницу призрачный арбалетный болт. — Первая ласточка, полагаю... дай время, и остальные подтянутся.

Он расплылся в улыбке.

— Я знал, что с вами будет весело...

— Завтра... — Ричард потер переносицу. — Убирайте эти россыпи. Завтра выдвигаемся. До Кернхольда семь дней... потом Виграда. Саннар... это ведь не полновесное заветие, верно?

Его проклятая монета легла на стол.

— Это лишь часть его?

— Молодец, низший.

— Значит, надо отыскать другие части... и тогда, быть может, я разберусь.

— Быть может. — Альер, похоже, был в хорошем настроении, если так легко согласился.

Вместо эпилога

Ночь в городе пахла рыбой.

Рыбу сушили прямо на берегу. Здесь же стояли крохотные коптильни, дым которых мешался с речным туманом. В нем глазами диковинных зверей сияли фонари.

— Красиво, пожалуй. — Альер взъерошил волосы. — Чем пахнет?

— Рыбой.

— Рыбой... ты не справишься, ты это понимаешь?

— Сделка, да? — Ричард разглядывал монету.

Профиль Императора.

Вязь рун.

Золото.

Только золото. Никаких инородных включений, вроде костей дракона или жженных перьев феникса, не говоря уже о такой банальности, как драгоценные камни.

— Сделка. — Альер потрогал траву и пожаловался: — Ничего не ощущаю... В голове того парня я увидел многое. Почувствовал... В колониях трава сухая. В сезон дождей она поднимается высоко, а потом, когда наступает засуха, трава становится желтой. И все одно стоит... в ней прячутся звери... черные шаманы призывают их служить. Саблезубых тигров. Львов с каменной шкурой... змей, которые пробираются сквозь все щиты, заползают в сапоги, в кровати... и многие ядовиты. А те, которые не ядовиты, способны удушить самого сильного человека. Я хотел бы посмотреть на это. Понимаешь?

— Нет.

Он и вправду не понимал.

Зачем смотреть на змей? Или на саванну. Ричард читал о ней, как и проспекты, где расписывались все чудеса колониальной службы, включая процент с добычи, который бы ему полагался. Да... а может, стоило бы поехать?

Древние Боги.

Заброшенные города, полные сокровищ, как тот, о котором писали все газеты. Прекрасные туземки. И благодарные туземцы, освобожденные от гнета шаманов.

Чушь какая.

— Он держал в руках такую змею. И охотился на каменного льва. Он

стрелял в черного буйвола, огромного, как гора... и пил горький чай. Я читал это в его памяти, только... это как... не знаю, как если бы тебе дали попробовать что-то, но... завернув в бумагу. И велели бы проглотить это вместе с бумагой. Ты чувствуешь вкус, только...

— Через бумагу.

— Да. И эта треклятая бумага... я вижу твоими глазами. Слышу твоими ушами. Про другие чувства и говорить не стоит. Мне собственные нужны.

— Тело.

— Именно. Тело. Молодое физически здоровое тело. Мужское. Или мальчишеское... не старше двадцати пяти. Я не собираюсь захватывать мир. Я слишком хорошо усвоил, что такое власть и чем она выходит. Я отправлюсь путешествовать, а ты... ты всех спасешь, всех победишь, станешь героем и удалишься почивать на лучах славы.

— Если выживу...

Закричал козодой, долго и протяжно.

Плохой знак.

— Это да... но мы ведь постараемся?

Мальчишкой Альер был почти очарователен. И Ричард, вздохнув, вытащил клинок.

— На слово ведь не поверишь?

— Извини, — дух развел руками. — Слово — это хорошо, конечно, но клятва — как-то надежней... и не надо страдальца из себя строить.

Кровь полилась на землю.

— Скоро ты поймешь, что от нашей сделки получишь куда больше, чем я...

...к утру на запястье появится еще один шрам. Ничего.

Кому их считать?

Горячий ветер коснулся шеи. И показалось, это не ветер, а затягивается жесткая пеньковая петля...

...ветер разбудил Орисс, а может, не ветер, но знакомая тяжесть внизу живота, предвещавшая приход кровей. И они, проклятые, не заставили ждать, перечеркивая еще один лунный цикл.

Орисс прикусила руку чтобы не заорать от злости.

Как же так? Она ведь все рассчитала. Она три месяца принимала зелье, несмотря на его отвратительный вкус... а все равно не получилось.

Отец будет недоволен.

— Ты обещала! — Она швырнула в няньку драгоценной чашей для

омовений. — Ты обещала, что точно получится...

— Я говорила, что многим это помогает...

— Мне, как видишь, не помогло.

Орисс вылила на себя кувшин цветочной воды и только затем встала с постели.

— Мне нужно что-то, что действительно поможет. Понимаешь?

Старуха поджала губы. Да, ей определенно не нравилось то, что происходило. Но какое право имела она осуждать Орисс? И уж тем паче ее отца, который...

— Это запрещено.

— И что? — Будут ей тут указывать.

— От этого не понесла, от другого...

— Заткнись! — Орисс кинула в надоедливую старуху щеткой для волос.

От этого... ей нужен ребенок от конкретного мужчины... очень конкретного мужчины... а если он сам? Солгал, что не предохраняется, а на деле...

Плевать.

Тот, второй способ сработает, даже если этот ублюдок вовсе не способен зачать дитя. И надо было сразу, а не сопلي разводить.

— Завтра. — Орисс вцепилась в лицо старой няньке. — Ты сделаешь это завтра, поняла?

Та лишь глаза закрыла. А трясется-то как...

Ветер коснулся волос Гермена, и рука дрогнула, а розовый алмаз выпал из онемевших пальцев.

Говорить?

Молчать?

Предки, что ему делать?

Брат ведь, хоть изгнанник, но кровь — не водица... смолчать? Иглу в рукаве не утаишь, выползет рано или поздно, и тогда возникнут вопросы.

Всем худо будет.

А ведь кроме Грена — вечно он вляпывается во всякое дерьмо — есть еще братья, еще сестры... нет, нельзя молчать, в конце концов, он может ошибаться.

Никто ведь не тронет ее, если...

...а если и тронут, она лишь человек.

Какое ему до людей дело?

Именно. И Гермен, поднявши алмаз, вставил его в ячейку и аккуратно

загнул лапки. Вот так... конечно, не образец изящества, но вещица получилась неплохой. Не стыдно клеймо поставить.

...а девчонку жаль, конечно.

Но себя жальче.

Тихон убрал в ларец перо. И, свернув тонкую папиросную бумагу трубочкой, поднес ее к пламени свечи. Он произнес Слово.

И Слово было услышано.

Бумага вспыхнула ярко, а после осыпалась белым пеплом. Тихон надеялся, что сиятельнейшая Алладириель не выкинет письмо, не прочитав его. Впрочем, матушка, несмотря на вспыльчивость, всегда отличалась благоразумием.

Но вот что она станет делать дальше?

Пожалуй, Тихон не желал этого знать.

Оливия спала.

Крепко и сладко.

И снился ей древний склеп и не менее древний саркофаг, крышку которого прорезала трещина.

Впрочем, кого и когда интересовали чужие сны?